

Н. Вольский

Сыщик-джентльмен, или Социальная роль детективного жанра

В некотором смысле, мы все – Дон Кихоты,
мы живем в мире, который вычитали.

Тимур Кибиров

Двадцать с лишним лет назад, когда я писал свою первую работу о детективе «Загадочная логика», мне пришлось, чтобы не запутывать читателей, вынести за скобки все элементы стандартного детективного текста, которые не связаны непосредственно с загадкой и игнорирование которых не может помешать исследованию диалектического противоречия, лежащего в основе детективного сюжета. Увлеченный в то время не столько поэтикой детектива, сколько выяснением истинной сущности диалектики, я, сделав необходимую оговорку¹, отложил все связанные с этой «внезагадочной линией» замысловатые и еще не сформулированные проблемы в сторону, в твердом намерении вернуться к ним в неопределенном – но недалеком – будущем. Увы, эти планы так и остались в области намерений и пожеланий, и у меня уже нет иллюзий относительно того, что я успею разделаться с этой задачей и завершить построение полноценной поэтики детектива, в которой и загадка, и «внезагадочные» элементы сюжета нашли бы свое законное место. Не сумев довести «дело о структуре детектива» до конца, я поневоле вынужден оставить его завершение на долю будущих исследователей принципиальной схемы и особенностей этого жанра.

Держайте, юноши кипящие! Все карты в руки вам даны...

Однако, утратив надежду на самостоятельное разрешение проблемы и оставив *сей завет* грядущему поколению энтузиастов, я всё же хочу внести и свои пять копеек в копилку будущей всеобъемлющей теории детективного жанра. А именно, я собираюсь взглянуть, с необычной точки зрения, на главного героя классического детектива и попытаться дать рациональное объяснение тому очевидному – и даже бросающемуся в глаза – факту, что в своем архетипическом выражении он предстает перед нами как *английский джентльмен*.

Без излишних доказательств ясно, что выбор *джентльмена* в качестве Великого сыщика вовсе не предопределен присутствием в тексте загадки, успешно решить которую предназначено данному персонажу. Это как раз тот аспект детективного текста, который – за неимением адекватного термина – был назван «внезагадочной линией повествования». К сожалению, вся эта область представляется на сегодняшний день почти полностью не исследованной, сплошным «белым пятном» на карте допотопных географов. Нельзя даже указать ее приблизительные границы: вот до сих

¹ «...всякий хороший детектив строится 'двухлинейно': одну линию образует загадка и то, что с ней связано, другую – особые 'внезагадочные' элементы сюжета. Если убрать загадку, произведение перестает быть детективом, если же убрать вторую линию, детектив из полноценного художественного произведения превращается в голый сюжет, ребус. Обе эти линии находятся в детективе в определенном соотношении и равновесии» (Вольский Н.Н. Загадочная логика. / Вольский Н.Н. Легкое чтение. Работы по теории и истории детективного жанра. Новосибирск: Издательство НГПУ, 2006, с. 15)

пор нам кое-что известно, а дальше начинается «край, где живут никому не ведомые гипербореи». И простирается он до самого обреза карты – не описаны по сей день ни протяженность его, ни форма, ни дороги, в него ведущие, и, с какого конца начинать его изучение, до сих пор неясно.

Правда, похожим образом обстоят дела и в изучении всех остальных жанров и видов художественной литературы. Можем ли мы указать какие-то элементы лирического стихотворения, наличие которых предопределяет его художественные эффекты? Что это за элементы? Как они сочетаются? Какие структуры они образуют? Какую функцию они выполняют в целостном тексте? У нас нет не только ответов на подобные вопросы, но нет и самого расплывчатого представления о том, каким образом мы могли бы получить удовлетворительные ответы на них. Непонятно, с какой стороны следует подойти к тексту, чтобы – пусть только в общих чертах – понять, каким образом достигается его специфическое воздействие на читателя. Что толку в нашем знании о сонете, как определенном жанре лирической поэзии, если оно фактически сводится к тому, что он состоит из четырнадцати строк, зарифмованных по определенным схемам? Дает ли это знание возможность отличить истинное произведение искусства от тех десятков тысяч «сонетов», которые появляются чуть ли не ежечасно, но у которых нет ни малейших оснований считать себя частью художественной литературы? Понятно, что вопрос этот риторический и что об устройстве сонета, как художественного текста, никакого положительного знания у нас нет, и в своих суждениях мы вынуждены опираться только на свои субъективные читательские ощущения.

Таково на сегодняшний день состояние нашей *теории литературы*. Известно, вроде бы, и немало, но самое существенное находится за пределами этой области знаний и остается недоступным научному исследованию. А посему убедительность даже тех суждений, которые кажутся нам здравыми и адекватными исследуемому предмету, основывается не на логической аргументации, вытекающей из наших теорий, а, главным образом, на совпадении этих суждений с нашими индивидуальными ощущениями при чтении обсуждаемых текстов. Так что в этом отношении детектив вовсе не выглядит изгоем, оставшимся за пределами интересов литературной науки, занятой изучением жанров «серьезной литературы». Хотя академическая филология в течение ста с лишним лет существования детективного жанра и не обращала на него ни малейшего внимания, детективу грех жаловаться на такое пренебрежительное отношение: ведь и любимые чада этой науки, окруженные ее неустанными заботами, мало чем могут похвастаться. Возни с ними было много, а в результате они остались такими же неисследованными и непонятыми, как и не попавший в поле зрения науки детектив.

Даже можно сказать, что у исследователей детектива есть в этом отношении существенное преимущество. Благодаря относительной простоте детектива (ясно, что при всей своей блистательности «Собака Баскервилей» находится на абсолютно другом уровне литературного совершенства, нежели, предположим, «Шинель» или «Дама с собачкой»), а, главным образом, благодаря тому, что в структуре детектива присутствует поддающаяся логическому анализу «линия загадки», которая играет в тексте роль несущей конструкции, стоящие перед исследователями детектива задачи заметно упрощаются. Сколь бы расплывчато и туманно ни представлялось нам целостное устройство детективного текста, мы всё же способны без особого труда вычленив в нем ту его часть, которая образует центральную загадку детектива и которая играет в нем роль сюжетного «скелета». Однако в живом организме «настоящего детектива» (то есть детектива, не выпадающего за пределы художественной литературы) помимо «скелета» должны быть и другие жизнеспособные части («мышцы», «нервы», «внутренние органы»), образующие в своей совокупности целостную структуру и обеспечивающие ее специфическое функционирование. Мы не сомневаемся в их наличии и значимости: они, несомненно, должны быть. Более того, как «потребители текста», получающие от чтения детективов

специфическое удовольствие, мы непосредственно видим (ощущаем), что качество детективной загадки, играя фундаментальную роль в целостной оценке текста, всё же не полностью предопределяет степень нашего удовольствия. И при наличии неплохой загадки детектив может оказаться неудовлетворительным: вялым, водянистым, насыщенным не относящимися к делу мелодраматическими эмоциями (часто заимствованными из бульварных и дамских романов), грешащим топорной обрисовкой персонажей или вычурными «эксцентрическими» (а попросту, высосанными из пальца) характерами, которыми автор пытается затушевать отсутствие естественной динамичности повествования. Да мало ли какие упреки могут быть предъявлены читателями автору неудачного детектива? Но вряд ли многие из читателей рискнут сформулировать, как именно следует изменить текст разочаровавшего их детектива, чтобы он приобрел безупречную форму.

Точно так же читателям оказывается не по силам определить, какие именно детали придают должную форму «хорошему детективу», пусть даже построенному на загадке приблизительно того же качества. Все наши оценки и суждения базируются на весьма смутных и нечетких индивидуальных ощущениях, перевести которые в упорядоченную систему строго сформулированных требований к детективному тексту нам никак не удастся. Достаточно вспомнить своды таких правил, связанные с именами Нокса и Ван Дайна², чтобы убедиться в очевидном: удовлетворительной теории, описывающей строение «хорошего детектива» у нас нет. Несмотря на то, что большинство входящих в эти своды правил кажутся вполне оправданными (а их несоблюдение чаще всего имеет результатом печальный исход³), они никак не связаны между собой и вовсе не представляют стройной теоретической системы, описывающей существенные черты рассматриваемого предмета – детективного жанра. Если вдуматься, то приходишь к выводу, что здесь мы имеем дело не с подлинным осмыслением структуры детектива, а всего лишь с попытками перенести на бумагу точно такие же – разрозненные, и большей частью случайные – читательские ощущения, какие испытывает при чтении рядовой любитель детективов.

Такого рода читательские наблюдения могут предостеречь пишущего (а правила эти предназначались именно для пишущих детективы) от создания хлипких и фальшивых сюжетных конструкций и от некоторых бросающихся в глаза ошибок, но ни в коей мере не дают ясных позитивных указаний автору, вознамерившемуся создать хороший детектив. И Нокс, и Ван Дайн были не только создателями прославивших их правил, но и авторами многочисленных детективов, среди которых нетрудно обнаружить как хорошие, так и явно неудачные. Очевидно, что знание правил не оказало существенного влияния на результаты их литературного труда: и в этом случае решающими оказались литературные способности авторов и сопутствующая автору (или отвернувшаяся от него) творческая удача. Но другого нельзя было и ожидать, поскольку эти правила основываются лишь на зыбких и не поддающихся строгому анализу ощущениях. К сожалению, таков наш сегодняшний уровень в понимании конструкции стандартного детектива, и надо сказать, что даже до этого уровня современное литературоведение (как наука) подняться не смогло. Вышеупомянутые правила регулярно перепечатываются, нередко цитируются, но усвоить их и руководствоваться ими в своих суждениях о детективном жанре большинству литературоведов оказалось не под силу. И опять же здесь нет ничего удивительного: детективов профессиональные филологи не любят и знакомятся с их содержанием

² Ван Дайн С.С. Двадцать правил для писания детективных романов. / Как сделать детектив. М.: Радуга, 1990, с. 38-41; Нокс Р. Десять заповедей детективного романа. / Там же, с. 77-79.

³ «Написать детективы, каждый из которых нарушает одну из заповедей Нокса, попытался Йозеф Шкворецкий – в результате получилась настолько низкопробная макулатура, что лучшей защиты Нокса и не придумаешь». (Моисеев П. *Наука убивать. Правила детектива*. Статья на сайте «Год литературы», опубликованная 22.03.2018 – <https://godliteratury.ru/projects/nauka-ubivat-pravila-detektiva>)

(если вообще до этого доходит дело) только в силу необходимости, если избирают их темой очередной «квалификационной работы». А следовательно, даже простейшие читательские ощущения, которые и служат единственной основой всех оценок и «правил» в этой области знаний, оказываются для них недоступны.

Как ни пессимистична такая оценка наших знаний в отношении «внезагодочных» элементов детективного текста, она, по-видимому, не слишком далека от реального положения дел. И, если судить по аналогии с другими областями литературоведения, не стоит в ближайшем будущем ожидать каких-то значительных прорывов в этом направлении. Надо рассчитывать на долгую планомерную осаду и утомительное нащупывание путей и методов, позволяющих проникнуть в ядро существующих здесь и еще не осмысленных нами проблем.

Готовясь к подобной – рассчитанной, возможно, на много десятилетий (не надо забывать, что позади уже сто лет спорадических попыток осмыслить детективный жанр) – кропотливой работе, не стоит пренебрегать и теми – пусть по необходимости скудными – результатами, которыми мы можем располагать сегодня. Не беря на себя задачу полноценного литературного обзора, я хочу упомянуть здесь лишь некоторые, попавшие в поле моего зрения работы⁴, чья тематика каким-то образом соприкасается с обсуждаемыми вопросами и может натолкнуть исследователя детектива на плодотворные идеи и гипотезы. Здесь, правда, стоит подчеркнуть, что большинство заслуживающих внимания наблюдений, соображений и метких замечаний о конструкции классического детектива можно найти не в солидных трудах, претендующих на научное описание этого жанра⁵, а в виде отдельных высказываний, рассыпанных по «вторичной детективной литературе», в частности, по литературно-критическим работам, посвященным творчеству отдельных авторов или даже анализу

⁴ В первую очередь здесь следует упомянуть недавно появившуюся книгу П.Моисеева (Моисеев П. Поэтика детектива. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017). Многие из составляющих эту книгу литературоведческих статей и эссе касаются обсуждаемой проблемы и с разных сторон рассматривают структуру произведений детективного жанра.

Имеет смысл познакомиться и со следующими работами:

Анцыферова О.Ю. Детективный жанр и романтическая художественная система. // Национальная специфика произведений зарубежной литературы XIX - XX веков. Иваново, 1994, с. 21-36;

Вайль П. Имперский уют. // Вайль П. Гений места. М.: Издательство Независимая газета, 1999, с. 67-73;

Генис А. Закон и порядок. Мой Шерлок Холмс. // «Знамя», 1999, №12;

Оден У.Х. В убийстве подозревается священник. // «Иностранная литература», 2018, № 1, с. 38-47;

Оруэлл Дж. Упадок английского убийства (статья 1946 года в переводе А.Брусова – <http://detective.gumer.info/txt/orwell.doc>);

Трауберг Н. Детективные рассказы Гильберта Кийта Честертон. // По Э. Золотой жук.

Честертон Г. Странные шаги. М.: Детская литература, 1967, с. 504-511;

Трошин А.С. Детектив: техника и материал. // Приключенческий фильм. Пути и поиски. М. 1980, с. 38-58;

Элиот Т.С. Уилки Коллинз и Диккенс. // Коллинз У. Безумный Монктон. М.: Текст, 2005, с. 167-189.

Кроме того, определенный интерес для исследователей детектива может представлять книга Д.Клугера об этом жанре (Клугер Д. Баскервильская мистерия. История классического детектива. М.: Текст, 2005). Тексты, составляющие книгу, следует, видимо, отнести к жанру «околонаучной фантастики» или даже к «фэнтези», и всё же она заслуживает прочтения – тем более, что книга совсем не скучная. Можно надеяться, что не знающая границ фантазия автора способна вызвать у читателя естественную критическую реакцию, и тем самым натолкнуть его на какие-то новые идеи относительно устройства детектива.

⁵ В качестве примера, назову только одну работу из довольно длинного ряда подобных: Todorov T. The typology of detective fiction. / Todorov T. The Poetics of Prose. Ithaca (N.Y.) Cornell University Press, 1977, 42-52). Большинство таких «трудов» только запутывают и сбивают с толку читателя. И чем искуснее автор, тем дальше уводит он читающего от сути дела.

конкретных детективов. Вероятно, одним из существенных моментов планомерного подступа к построению целостной поэтики детективного жанра должно стать выявление подобных «блесток мысли», сведение их воедино в виде компактного «справочного пособия» и последующие попытки какого-то упорядочения и дальнейшего развития таких, кажущихся перспективными соображений.

Всё это – дело будущего и тех энтузиастов, которые, я надеюсь, вдохновятся оставленным им заветом. Здесь же я собираюсь сказать лишь несколько фраз о стоящей особняком давней статье Ю.Щеглова «К описанию структуры детективной новеллы»⁶. Написанная более чем полвека назад эта обстоятельная работа заслуживает особого упоминания по двум причинам: во-первых, в центре ее внимания находится именно «внезагадочная» сторона детектива (отчасти потому, что автор не видит базовой роли загадки в структуре детективного текста), и, во-вторых, в ней довольно подробно описан и выдвинут на первый план характерный для детектива мотив, подчеркивающий контраст между безопасностью (комфортом, благополучием, домашним уютом) и угрозой (вторжением хаоса, драматизмом, авантюристкой). Хотя Щеглов в своей работе ограничился лишь миром Шерлока Холмса и доктора Ватсона, нет нужды доказывать, что аналогичные мотивы можно обнаружить – с той или иной степенью выраженности – в подавляющем большинстве детективов. Естественное появление подобного мотива в детективных текстах вытекает уже из самой сущности загадки, которая указывает на дефект в упорядоченности (осмысленности, рациональности) обжитого, привычного и приспособленного для комфортной жизни мира и тем самым сигнализирует об угрозе благополучию его обитателей. Жертвуя своим комфортом и прилагая порой значительные усилия, Великий сыщик (нередко сибарит и созерцатель по своей натуре) втягивается в опасную игру с неведомым преступником (опять же нередко закамуфлированным под пришельца из потустороннего, inferнального мира), чтобы разгадать загадку и восстановить утраченную безопасность и благополучие. Такую, образующую каркас событийного ряда схему (или аналогичную ей) можно обнаружить во множестве произведений, заслуженно называемых детективами и принадлежащих самым различным авторам. Даже если такой мотив (подчеркнутый контраст между широкой понимаемой «безопасностью» и угрозой жизни и благополучию персонажей) и не лежит на магистральной линии развития сюжета, его легко можно домыслить: он неминуемо присутствует в глубине описываемых событий (как их, возможно, не упоминаемый аспект) и подспудно влияет на восприятие читателя.

Нелишне, пожалуй, будет сказать, что большая часть щегловской статьи занята перечислением разнообразных мелких, не имеющих существенного значения деталей из рассказов о Шерлоке Холмсе в связи со стремлением автора придать им некий структурообразующий смысл. Из-за этих попыток, направленных на детальное структурирование классических текстов (до степени, позволяющей – в идеале – моделировать аналогичные рассказы на ЭВМ), описание указанного выше мотива в значительной мере размывается и затушевывается, сочетаясь при этом с возведением его на роль основного художественного содержания саги о Великом сыщике. Основную вину за такой подход к предмету, при котором малозначительные частности затмевают и оттесняют на третий план центральный тезис исследования, следует, вероятно, возложить не столько на автора, сколько на «дух времени» и на господствующую в те годы уверенность, что стоит лишь переформулировать в «структурно-семиотическом» смысле имеющиеся знания и те банальные утверждения, которые сами по себе ничего не объясняют мыслящему человеку, собрать их в детально разработанные алгоритмы, как чудесным образом создание художественных произведений превратится из удела избранных талантов в рутинное ремесло, обучиться которому сможет всякий желающий, имеющий базовую математическую и филологическую подготовку.

⁶ Щеглов Ю.К. К описанию структуры детективной новеллы. / Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности. М.: Прогресс, 1996, с. 95-112.

Сегодня нет необходимости объяснять, что ничего подобного не произошло и что надежды на незамедлительное разрешение проблем, связанных с пониманием структуры художественных текстов, оказались иллюзорными⁷. Однако взгляд с сегодняшних позиций и трезвая оценка щегловской статьи, в целом, ни в коей мере не могут повлиять на тот факт, что ее автор первым достаточно подробно описал мотив «A/S»⁸ и указал на его важную роль в художественной ткани детектива. Существующее положение дел не дает нам возможности пренебречь появившимся пятьдесят лет назад описанием характерного для детективных текстов (хотя отнюдь не только для них) мотива – оно, надо признать, составляет заметную часть наших современных представлений о строении «внезападной» части стандартного детектива.

Покончив на этом с затянувшимся введением и обосновав (насколько мне это удалось) актуальность выявления сквозных мотивов в типичном детективном тексте, я могу перейти к непосредственному обсуждению темы данной статьи: детально разобраться с тем, кто такой *английский джентльмен*, и попытаться понять, почему его присутствие в детективе можно считать характерной особенностью этого жанра.

I. Джентльмен как специфический вариант европейского типа личности

Как всякое возникшее естественным путем наименование, выражение «джентльмен» может быть истолковано различными способами, и каждый может настаивать на своем понимании точного значения этого слова. Не пытаясь внести окончательную ясность в такое разнообразие мнений и их оттенков, я буду основываться на предположении, что наши с читателем представления о типичном *джентльмене* достаточно близки (и, вполне вероятно, сформированы, в основном, под влиянием чтения английских детективов). А те неизбежные расхождения во взглядах, которые, несомненно, есть, не являются существенными для наших дальнейших рассуждений. Чтобы, по возможности, избежать самопальных формулировок и не изобретать велосипед, я опираюсь на сведения, сообщаемые М.Оссовской в ее переведенной на русский язык книге «Рыцарь и буржуа» – в главе под названием «Джентльмен»⁹, – и на цитируемых ею авторов. Как бы ни разнились взгляды на данный предмет, для наших целей пригодным можно считать практически любое современное сочинение на эту тему, так что такой выбор вряд ли может существенно отразиться на последующих выводах.

1

Происхождение слова *джентльмен* (gentleman) совершенно прозрачно. Его латинский корень (gen-; из *лат. genus* – род) пришел в английский язык в виде французского слова *gentil* – благородный. Отсюда близкое соответствие английского

⁷ Да и весь этот пресловутый «структурализм» оказался грандиозной аферой, сыгравшей существенную роль в разрушении гуманитарных наук, а от мировой филологии не оставившей буквально камня на камне.

⁸ «Два полярных начала, подлежащих одновременному выражению, мы будем обозначать соответственно латинскими буквами A (adventure) и S (security, safety). Эти обозначения весьма условны: слова, приведенные в скобках, далеко не исчерпывают сути A и S, которые представляют собой целые комплексы свойств...» (Щеглов, цит. соч., с. 99).

⁹ Оссовская М. Джентльмен. / Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987, с. 127 - 155

gentleman и французского *gentilhomme* – оба эти слова указывают в своем первоначальном значении на благородное происхождение человека, на его принадлежность к избранным, к привилегированному сословию. Однако, если французское *жантильом* (устаревшее и редко встречающееся в русском языке слово) сохранило, в основном, свое значение в мало измененном виде, то в английском смысл, связываемый со словом *джентльмен*, существенно изменялся на протяжении столетий, главным образом, в сторону «демократизации» этого понятия, и ко временам Шерлока Холмса его значение заметно отличалось от исходного¹⁰. В тот момент, когда детективный жанр, стал восприниматься как специфический литературный вид и начал завоевывать широкое признание среди читателей, со словом *джентльмен* связывалось не столько благородное происхождение лиц, имеющих право так называться, сколько их социальный статус и соответствующие ему свойства личности. Акцент был перенесен на определенные признаки, характеризующие истинного джентльмена. Всякий, обладающий таким комплексом признаков, и сам мог считать себя джентльменом и признавался таковым окружающими: как другими джентльменами, так и теми, кто не входил в этот привилегированный круг избранных.

Истинному джентльмену приписываются, как нетрудно догадаться, почти все мыслимые совершенства, которыми человек может обладать, по крайней мере, из числа тех, что не являются врожденными и не даются в качестве особого дара богов¹¹. Среди свойств, присущих джентльменам чаще всего указывают на образованность, воспитанность, умение контролировать свои эмоции (и даже внешнюю невозмутимость при любых обстоятельствах), аристократическую манеру поведения, рыцарское отношение к дамам, безукоризненную честность, верность данному слову и взятым на себя обязательствам. Этот перечень достоинств можно было бы продолжать еще долго. Разные авторы, высказывавшиеся на эту тему (даже если ограничиться теми, которые цитируются в работе Оссовской) указывали на различные джентльменские добродетели: кто-то подчеркивал мягкость и доброжелательность в общении с окружающими, а кто-то напирал на твердость характера и неуступчивость в конфликтах. В целом, для характеристики данного социального типа можно воспользоваться шутивным, но по смыслу точным определением Андрэ Морюа: «Джентльмен, настоящий джентльмен – это наиболее привлекательный тип в эволюции млекопитающих»¹².

Тем не менее, не надо забывать, что в таких описаниях «настоящего джентльмена» речь идет об идеальном образце, о том, каким джентльмену надлежит быть. Всё это – описания нормативного типа, и в них перечисляются свойства, которыми должен обладать индивид, претендующий на право называться джентльменом. Поскольку социальный слой тех, кто пользуется таким правом, достаточно обширен, среди джентльменов можно найти лиц с разной степенью выраженности требуемых свойств – и лишь немногие из реальных «джентльменов» полностью совпадут с предписываемыми идеальными образцами. А посему, в литературе не ощущается недостатка и в резко критических оценках типичного английского джентльмена, каким он предстает в реальности. В сочинении Оссовской приведена большая цитата из «Путешествий Гулливера», в которой дается уничтожающая характеристика знати того времени, – то есть слоя, целиком состоящего из джентльменов. О них «ядовитый» (как она пишет) Свифт, в частности, издевательски сообщает: «Недостатки физические

¹⁰ Оссовская при этом ссылается на А.Токвиля, который в середине XIX века писал: «...в Англии это значение [слова 'джентльмен'] расширяется по мере того, как выравниваются условия жизни. В каждом следующем столетии это слово применяют к людям, стоящим немного ниже на социальной лестнице. Во Франции слово 'gentilhomme' всегда оставалось тесно связанным со своим первоначальным значением. Без изменений сохранилось слово, обозначавшее членов касты, поскольку сохранилась сама каста...» (Оссовская, цит. соч., с. 141).

¹¹ Здесь имеются в виду красота, талант и тому подобные качества.

¹² Оссовская, цит. соч., с. 127

находятся в полном соответствии с недостатками умственными и нравственными, так что люди эти представляют собой смесь хандры, тупоумия, невежества, самодурства, чувственности и спеси»¹³. Через сто с лишним лет Теккерей дает не менее ядовитую характеристику джентльмену – одному из персонажей своего знаменитого романа: он «слыл в городе первейшим и знаменитейшим шалопаем и денди. Бокс, крысиная травля, игра в мяч и езда четверней были тогда в моде у нашей английской аристократии, и он с увлечением занимался всеми этими благородными искусствами»¹⁴. Нет сомнений, что и в романах, написанных в 1947 году (еще через сто лет после «Ярмарки тщеславия»), можно найти столь же малопривлекательные образы тогдашних джентльменов. К счастью, нам для наших рассуждений не требуется решать сложную задачу и пытаться выяснить, каким же на самом деле был в различные эпохи «среднестатистический» или «типичный» представитель этого социального слоя. Будем считать, что конкретная личность могла оказаться в любом участке широкого спектра возможностей: от близкого к идеалу средоточия всех мыслимых достоинств до тупоумного шалопаю и спесивого самодура, располагающихся на другом конце этой шкалы.

2

Однако, какими бы свойствами ни обладал обсуждаемый конкретный джентльмен, у него практически всегда мы можем обнаружить наличие базового признака, позволяющего отнести его к категории джентльменов. Этот признак, упоминаемый на протяжении столетий в качестве одного из важнейших свойств джентльмена, – возможность праздного существования, отсутствие необходимости зарабатывать себе на жизнь. С этого ведь всё и начиналось. Именно завоеванная предками возможность переложить все основные тяготы жизни на плечи низших сословий (чьи предки проиграли и утратили право быть свободными и независимыми) и жить праздно, не заботясь о материальной стороне существования, и является основой «благородства» того слоя, о котором идет речь. В начале формирования слоя будущих «джентльменов» от его представителей еще требовалось непосредственно доказывать свою принадлежность к завоевателям и с оружием в руках защищать захваченное предками имущество от многочисленных хищников разного калибра (главным образом, от таких же «благородных» рыцарей с большой дороги). Однако, впоследствии, с упрочением традиций и развитием государства, и эта обременительная обязанность была снята с плеч тех, кто постепенно эволюционировал в сторону формирования слоя «джентльменов». Защиту социального статуса, имущественного положения и привилегий этого слоя приняло на себя государство, основную часть функций которого выполняли работавшие по найму представители низших сословий. В связи с этим произошла и смена приоритетов: место физической силы, выносливости, воинской доблести, умения махом взлететь на коня и одним ударом разрубить соперника до седла, необходимых ранее всякому «благородному» отпрыску, чтобы не оказаться изгоем среди равных ему по происхождению, заняли «более цивилизованные» добродетели: образованность, умение вести себя в обществе, благородные манеры, умение отстаивать свои позиции, не прибегая к прямой физической агрессии, и тому подобные, присущие «настоящим джентльменам» качества.

Главная обязанность благородного правящего класса – управление подвластными – постепенно также утрачивала свою былую значимость. Джентльмен мог объезжать посеы на принадлежащих ему землях, проверять расходные ведомости, следить за тем, как задают корм его любимым породистым собакам, а при необходимости и посадить нерадивого псаря в холодную, на хлеб и воду, или, сочетая в одном лице судебную и исполнительную власть, вздернуть изловленного в господском лесу

¹³ Там же, с. 137

¹⁴ Там же, с. 137

браконьера на первом же попавшемся суку, – всё это были обычные занятия рядового владельца феодального поместья (мэнора). Но для формирования типа «джентльмена» крайне важно, что он мог всего этого и не делать, поручив все требующие ежедневных усилий управленческие функции доверенным лицам: арендаторам, управляющим, адвокатам, наемным работникам. Более того, поколение за поколением объем таких обязанностей, возлагаемых по традиции на владельцев земли, мало-помалу уменьшался: основную их часть брало на себя государство и зависимые от него социальные институты (суд, полиция, местное самоуправление и т.п.), а многие перетекали в руки предпринимателей, непосредственно руководящих сельскохозяйственным производством и ведущих дело на капиталистической основе. Потомки былых завоевателей, оставаясь правящим классом, принимающим все решения, от которых зависела жизнь страны – а в определенную эпоху и судьбы большей части мира, – в частной жизни всё больше превращались в джентльменов, живущих на доходы с ренты, в лучшем случае выполняющих некоторые представительские функции в своих поместьях (вроде раздачи призов на сельскохозяйственной выставке) и избавленных от прочих докучных обязанностей. Если и в викторианскую эпоху (и даже во времена, описываемые Агатой Кристи и ее соратниками по Детективному клубу), многие из них еще усердно посещали конюшни и псарни, а в разговорах неизменно сворачивали на обсуждение достоинств племенного скота, то такие интересы и занятия следует считать не более, чем традиционным хобби сельских джентльменов. Никакой жизненной необходимости вникать в подобные хозяйственные тонкости у них уже не было.

Чрезвычайно важно, что основная масса того социального слоя, который обозначался словом «джентльмены», уже с самого начала не представляла собой владельцев феодальных поместий. Благодаря существованию с раннефеодальных времен майората – обычая, согласно которому земельная собственность переходит по наследству старшему сыну владельца поместья, большинство благородных отпрысков не имело возможности кем-либо руководить (за отсутствием естественных подвластных) и, соответственно, не было обременено обязанностями, связанными с феодальной собственностью. Однако, такой оборот дела не лишал их «благородства». Собственно, их существование (при постоянном увеличении численности этого разряда лиц) и их неустранимые претензии на особый привилегированный статус в обществе и послужили причиной возникновения специфического понятия «джентльмен»¹⁵.

Несмотря на отсутствие у джентльменов этой категории прямых доходов от не принадлежащей им земельной собственности, их вовсе не следует считать полностью обездоленными – иначе у них не было бы и возможности существовать в качестве «джентльменов». Некие – большие или меньшие – доходы у них всё же предполагаются, и они достаточны, чтобы избавить их от печальной необходимости собственным трудом зарабатывать себе на пропитание и достойное существование. Не только пахать и сеять своими руками, но и трудиться вообще джентльмен не должен. Понятия «труд» (в полном и прямом смысле этого слова) и понятие «джентльмен» не могут быть применены в отношении одного и того же субъекта. Конечно, про девушку – дочку русского помещика, сидящую в гостиной и вышивающую некую салфетку, можно сказать, что она «усердно трудится» (в этом употреблении слова нельзя усмотреть никакого насилия над русским языком), но здесь имеется в виду совершенно иной «труд», нежели тот, о котором идет речь в наших рассуждениях. «Трудиться» именно в

¹⁵ «В 1400 г., говорится в 'Британской энциклопедии', 'джентльмен' значило то же самое, что 'generosus' (благороднорожденный) и 'generosi filius' (сын благороднорожденного), и не связывалось с принадлежностью к определенной группе. Лишь около 1414 г. в судебных реестрах это слово начинает обозначать определенную социальную категорию – младших сыновей, лишенных наследства в силу обычая единонаследия. Не желая, чтобы их принимали за йоменов или франклинов, которых они ставили ниже себя, они именовали себя 'джентльменами'». (Оссовская, цит. соч., с. 127-128)

этом смысле девушка станет лишь тогда, когда, покинув после революции Россию и добравшись до Парижа или Марселя, она будет вынуждена вспомнить про любимое когда-то вышивание, чтобы заработать хоть что-то на пропитание себе и совсем уж беспомощной матери. Но как только она начнет всерьез «трудиться», она утратит право называться «леди», хотя до этого момента она имела все данные – благородное происхождение, соответствующее образование и воспитание, манеры и привычки, принадлежность к привилегированному социальному слою – для того, чтобы претендовать на такое наименование. Но то же самое справедливо и по отношению к суженому этой девицы: он может считать себя джентльменом (и имеет на это полное право) лишь до тех пор, пока превратности судьбы не заставили его зарабатывать себе на жизнь. И не так уж важно, чем именно он станет добывать себе средства к существованию: работать таксистом, сидеть за пианино, аккомпанируя казачьему хору в ресторане «Медведь», или же редактировать журнал, выпускаемый Обществом галиполийских ветеранов. В любом случае решающим признаком его «неджентльменства» станет деятельность, основным мотивом которой будет простейший материальный интерес. По крайней мере, такого рода деятельность (работа по найму, обусловленная отсутствием прочих средств к существованию) – даже принимая во внимание многочисленные и трудно учитываемые нюансы конкретных ситуаций – сделает его претензии на право считать себя джентльменом весьма сомнительными. Джентльмен может заниматься почти что, чем угодно, но его деятельность не может быть вынуждена отсутствием у него иных способов материально обеспечить свое существование на приемлемом для него уровне¹⁶.

Однако, вернувшись к тем младшим сыновьям благородных семей, о которых говорилось в начале предыдущего абзаца, мы должны констатировать, что их ситуация (в общем, разумеется, случае) вовсе не вынуждала их трудиться подобно всем прочим выходцам из низших сословий. Во-первых, они, как правило, имели какие-то источники постоянного дохода. Это могло быть фиксированное содержание и регулярные субсидии, выплачиваемые им старшим братом, унаследовавшим отцовское поместье, или некие капиталы, полученные в наследство от матушек, двоюродных бабушек, тётушек, дядюшек или от никогда не виденного кузена, очень своевременно преставившегося в одной из африканских колоний. В другом случае эту же функцию могли выполнять деньги и финансовые активы, принадлежащие жене джентльмена, а может быть, полученные им в качестве приданого при женитьбе на дочери некоего банкира. Даже если попавшие в руки безземельного джентльмена капиталы были и не особенно велики, а с точки зрения владельцев крупных поместий, и вовсе ничтожны, тем не менее даже несколько тысяч фунтов могли по тем временам (я в большинстве случаев имею в виду эпоху Шерлока Холмса) обеспечить их владельцу безмятежное, сытное и не лишенное радостей жизни, хотя и достаточно скромное существование. Имея годовой доход в двести – двести пятьдесят фунтов (а это тогда соответствовало процентам, получаемым с капитала в пять – шесть тысяч фунтов, положенных в солидный банк), человек мог снимать приличную квартиру, иметь прислугу, сытно питаться и прилично своему положению одеваться, посещать кафе, театры и картинные

¹⁶ Оссовская, цитируя сочинения английских авторов, в которых обсуждается понятие «джентльмен» – от Т.Смита (1583 год) до Дж.С.Милля, писавшего в особенно интересующую нас викторианскую эпоху, – приводит несколько аналогичных высказываний:

Джентльмен – «тот, кто... короче говоря, может жить, не трудясь и не занимаясь занятиями, требующими физического труда...».

«Безусловно исключаются из числа джентльменов все те, кто зарабатывает себе на жизнь...».

«...в одном из своих обиходных значений это слово [джентльмен] означает 'всякого, кто живет не трудясь', в другом – 'человека, не занимающегося физическим трудом'». (Оссовская, цит. соч., сс. 131, 133, 140)

Видно, что, пользуясь различными, хотя и сходными, формулировками и не особенно заботясь об их точности, самые разные авторы, отделенные друг от друга столетиями, раз за разом вспоминают об этом кардинальном признаке «джентльмена».

галереи, время от времени ездить на континент или, допустим, в Шотландию, пользоваться услугами кэбменов и телеграфа... короче говоря, вести вполне приличную – по меркам небогатых джентльменов – жизнь¹⁷.

3

Но этот прямой доход, получаемый джентльменами, надо, вероятно, считать лишь видимой частью айсберга. Разумно, мне кажется, предположить, что основой материального благополучия и независимости слоя джентльменов было всё же их происхождение и воспитание, полученное в детстве и ранней юности.

Будучи отпрыском старинной семьи, генеалогия которой известна чуть ли не с Адама и Евы и которая за многие поколения успела породниться со многими другими столь же старинными семьями, почти каждый джентльмен имеет бесчисленное множество родни, связанной с ним разнообразными степенями родства и свойства, так что в большинстве английских графств у него найдутся, если не знакомые с детства кузены и кузины, так кто-нибудь из потомков старшего брата первой жены его дедушки. И то же самое можно сказать о Шотландии, об Австралии, об Индии и даже о большей части африканских колоний. При этом значительная часть этих родственников и свойственников люди, обладающие солидным состоянием, имеющие собственные дома, усадьбы, поместья, некоторые из них занимают видные посты и должности, пользуются всеобщей известностью и значительным влиянием в местах своего проживания и в своих сферах деятельности. И это не может быть иначе: уже благодаря факту рождения в семье джентльмена обсуждаемый герой входит в круг представителей правящего класса, от решений которых зависит всё происходящее в этой стране. Какими бы ни были взаимоотношения того или иного джентльмена с его родней, он в любом случае мог воспользоваться разнообразной поддержкой с ее стороны. И речь здесь шла не только о теплых родственных чувствах и симпатии, но и о репутации всей разветвленной семьи. Вся она была заинтересована в том, чтобы ее представители преуспевали в жизни и демонстрировали определенный уровень благосостояния. У видного представителя знатной старинной семьи не могло быть нищих родственников, опустившихся до уровня, который вынуждает их работать продавцом или мелким клерком, какой-то канцелярской крысой, или оркестрантом в мюзик-холле. Даже если такие «паршивые овцы» и встречались в жизни (а как же без них), то их существование тщательно скрывалось, и родственники были готовы сделать всё возможное, чтобы не допустить подобных случаев.

Не меньшее, вероятно, значение, чем влиятельные родственники, имели в жизни джентльмена и те знакомства, которые завязывались у него во время учебы в школе и

¹⁷ Я вовсе не чувствую себя знатоком в таких вопросах и только предполагаю, что существует обширнейшая литература, в которой доходы викторианских джентльменов описаны в мельчайших подробностях и иллюстрированы многочисленными графиками, позволяющими представить их во всей полноте исторических знаний. Но знакомиться с этими трудами у меня нет ни времени, ни сил. Так что здесь я ограничусь только ссылкой на маленькую заметку Е.Л.Машерова «Платили ли подходящий Шерлок Холмс и Эркюль Пуаро?», в которой автор оценивает доход доктора Ватсона (в момент его встречи с Шерлоком Холмсом) в 200 фунтов в год.

Заметка эта опубликована на сайте журнала «Самиздат»

(http://samlib.ru/m/masherow_e_l/podohodny_sh.shtml).

Кроме того, любопытное высказывание на эту тему Конан Дойл вложил в уста самого Холмса в рассказе, написанном в 1891 году:

«Всё это очень интересно, - сказал Холмс. – Получая сто фунтов в год и прирабатывая сверх того, вы, конечно, имеете возможность путешествовать и позволить себе другие развлечения. Я считаю, что на доход в шестьдесят фунтов одинокая дама может жить вполне безбедно» (Дойл А. Установление личности. / Дойл А. Весь Шерлок Холмс. Дебют. СПб.: Лениздат, 1993, с. 261).

университете. Учившиеся в Итоне и Кембридже и тому подобных учебных заведениях на всю жизнь приобретали друзей, приятелей и просто знакомых однокашников, на чью помощь и содействие они могли до определенной степени рассчитывать в дальнейшем. Где бы ни оказался один из обсуждаемых нами джентльменов, в любом городке и в любой социальной или профессиональной среде, в которой можно обнаружить образованных людей, он всегда мог – даже просто по цвету галстука (old school tie)¹⁸ или по произношению (received pronunciation)¹⁹ – найти тех, кто учился там же, где и он сам. Следовательно, таких же джентльменов, принадлежащих к правящему классу, занимающих некие солидные посты и обладающих немалыми финансовыми возможностями. Общепринятые и традиционно культивируемые сентиментальные чувства по отношению к своим однокашникам и тесно связанное с этим ощущение корпоративной общности (здесь, вероятно, уместно вспомнить оборот «общие классовые интересы») гарантируют джентльмену, что в большинстве случаев такая встреча обернется для него чем-нибудь полезным и приятным: его с женой пригласят провести рождественские каникулы в загородном доме, введут в круг знакомств этого случайно встреченного однокашника, порекомендуют на приличествующую его статусу и не слишком обременительную вакантную должность, да, в конце концов, просто позовут поужинать в ресторане и дадут в долг некую сумму, позволяющую как-то перебиться определенное время и уплатить задолженное квартирохозяину. Если его репутация не противоречит званию «джентльмена», скорее всего, ему окажут необходимую помощь, стараясь не допустить, чтобы его уровень жизни упал ниже того, который считается пристойным для представителя этого социального слоя.

Мы видим, что удача, сопутствующая джентльмену от самого рождения и позволившая ему родиться в благородной семье и учиться в одной из привилегированных частных школ, а затем в университете, делает его практически «непотопляемым» в смысле материального благополучия и относительно высокого социального положения. Либо у него имеется доход, достаточный для того, чтобы вести жизнь, подобающую джентльмену, либо, если фортуна не подкинула ему такового заблаговременно, совместными усилиями родственников и знакомых ему будет предоставлено некое «рабочее место», такой доход обеспечивающее. И ему не надо слишком заботиться о получении этого места, заискивать перед кем-то и обивать пороги разного рода начальствующих лиц. Нечто подобное ему, можно сказать, обещано с самого рождения, так что он может не бросаться за каждым предложенным кусочком, а волен выбирать и, при необходимости, спокойно дожидаться, когда данное судьбой обещание будет выполнено. А пока что он может в течение весьма продолжительного времени гостить неделями и месяцами то у одних, то у других из своих состоятельных родственников и знакомых, играя в гольф и теннис (если он хороший теннисист и при этом веселый и остроумный собеседник, то одно это обеспечит его разнообразными приглашениями на ближайшие годы), охотясь на лис, принимая солнечные ванны и собирая коллекцию образцов древних окаменелостей или обдумывая трактат о принципах управления Империей.

¹⁸ «Куда бы ни забросила судьба английского джентльмена, он всюду перво-наперво ищет собратьев по публичной школе, которые в любом обществе инстинктивно тяготеют друг к другу. На сей счет к тому же существует игра слов, так как выражения 'школьные галстуки' и 'школьные связи' по-английски звучат одинаково. Человек с галстуком публичной школы, стало быть, человек со связями. Повязывая темно-синий галстук в тонкую голубую полоску, воспитанник Итона знает, что этим самым узлом он накрепко присоединен к 'сети старых друзей', которая всегда будет ему опорой». (Овчинников В. Корни дуба. // Овчинников В. Сакура и дуб. М., Дрофа, 2005, с. 338)

¹⁹ «Один из отличительных признаков джентльмена – его речь. Это, конечно, условие само по себе недостаточное, однако необходимое для того, кто хочет считаться джентльменом. Ни в одной стране, кроме Англии, пишет Ч.Крослэнд, нельзя с такой уверенностью определить положение человека в обществе, стоит тому открыть рот». (Оссовская, цит. соч., с. 134)

Главное, на что следует обратить внимание – и именно к этому я веду рассуждение об основном признаке джентльмена, – заключается в той фундаментальной особенности данного типа людей, что даже в случаях, когда недостаток средств к существованию заставляет настоящего джентльмена принять на себя обязанность «трудиться», он в значительной мере не теряет своей независимости от материальных результатов своего труда. Во многих отношениях он оказывается ближе к той вышеупомянутой помещицкой дочке, которая усердно занималась вышиванием в родительской усадьбе, чем к ней же, но уже взявшейся за вышивание после эмиграции во Францию.

Во-первых, отбросим те случаи (а они должно быть не так уж и редко встречались в жизни джентльменов), когда предоставленное ему «место работы» оказывается чистой синекурой. Поставленный во главе уже существующего штата квалифицированных сотрудников наш джентльмен может и не проводить на службе долгие, утомительные часы, вникая во все тонкости доверенного ему дела, – его опытные подчиненные (неджентльмены) и сами справятся с большинством задач, которые обязан решать возглавленный им отдел. От него скорее понадобится умение проводить твердую линию, урезонивать строптивых и нерадивых подчиненных, улаживать трения и отстаивать интересы своего отдела в отношениях с вышестоящими начальниками и со сторонними организациями и тому подобные навыки общего руководства – но ведь именно эти умения и навыки годами воспитывали в нем, когда он учился в школе и университете. Скорее всего, он готов к этому, но никакого упорного ежедневного труда от него никто и ожидать не будет. А всю свою энергию, приобретенные им специальные познания и долгие часы кропотливых занятий он может по-прежнему посвящать пополнению коллекции окаменелостей или завершению трактата о принципах управления (заранее не сомневаясь, что, когда трактат будет закончен, его благосклонно примут в известном издательстве, а затем – знакомые есть ведь и здесь, и там – книге будут обеспечены рецензии в нескольких солидных журналах, необходимые для привлечения внимания широкой публики). Если же ему лень будет продолжать возню с трактатом, он может увлечься крысиной травлей или стать усердным посетителем кулуаров столичных театров – благо теперь ему не надо так беспокоиться о средствах, требующихся для подобных развлечений²⁰.

Во-вторых, предположим, что наш джентльмен получает место, действительно, требующее приложения сил, умений, способностей (будем считать, что это самый распространенный вариант «трудоустройства» джентльменов в те баснословные викторианские времена). Но здесь надо сразу же учесть, что согласие занять это место, вероятнее всего, означает определенное соответствие возлагаемых на джентльмена обязанностей его собственным интересам и склонностям, и он вовсе не против руководить отделом Музея естественной истории (он ведь и без того может считать себя знатоком окаменелостей), а если речь идет о какой-то должности в аппарате политической партии, то и здесь он чувствует себя на своем месте (недаром же он столько лет размышлял о принципах политического управления). Если же та роль, которая ему предложена, джентльмену решительно не по нутру, то он, по-видимому, и не согласится ее исполнять. Как уже говорилось, у него вовсе не то положение, при котором приходится хвататься за любую возможность заработать на элементарные нужды, – он может выбирать и ждать более подходящего случая. И даже в том случае, когда он решится взвалить на свои плечи неинтересную и не дающую настоящего удовлетворения деятельность, чтобы получить, наконец, финансовую определенность и стабильность, он может, руководствуясь своим кодексом чести, добросовестно и

²⁰ Мне кажется, что ближайшей аналогией такого «трудящегося» джентльмена может быть хорошо известный всем Стива Облонский из «Анны Карениной», которому его трудовая деятельность отнюдь не мешала быть жуиром и не слишком заботиться о своей «деловой репутации».

скрупулезно выполнять взятые на себя обязательства, не теряя при этом возможности серьезно заниматься тем, к чему лежит у него сердце. Ведь очевидно, что, какой бы пост ни был предложен джентльмену, у него всегда будет достаточно свободного времени и сил, чтобы отдавать их существенную часть любимому, самостоятельно избранному им делу. Ведь не коммивояжером и не кассиром на железнодорожной станции ему предложат стать.

И еще важный момент: сравним ситуацию такого «трудоустроенного» джентльмена с ситуацией аналогичного работника, не принадлежащего к привилегированному классу и, соответственно, не имеющего за собой многоликую и проникающую во все сферы жизни толпы родных и знакомых. Возьмем воображаемого джентльмена, взявшегося редактировать какие-то английские «Епархиальные ведомости», и сравним его положение с ситуацией, в которой очутился уже знакомый нам русский дворянин с филологическим образованием, получивший редкую для эмигранта возможность стать редактором галиполийского журнальчика. На первый взгляд, их ситуации весьма схожи (если не считать того, что зарплата джентльмена на порядок выше того весьма скромного жалованья, которое получает «галиполийский» редактор, но ведь и тот по своему неплохо устроился, особенно если сравнить его доходы с тем, сколько удастся заработать, напрягая все силы, бедолаге-вышивальщице). Однако, если задуматься и вынести за скобки многочисленные индивидуальные обстоятельства сравниваемых, то неизбежно приходишь к выводу, что эти два типа «трудящихся» живут в разных мирах: «галиполиец» (чье джентльменство весьма сомнительно, несмотря на все остающиеся у него человеческие качества, характеризовавшие его до тех пор) оказывается «в царстве необходимости», если воспользоваться восходящей к Марксу известной формулой, в то время как джентльмен обитает «в царстве свободы» (пусть только относительной свободы).

Чудом ускользнувший от неуклонного сползания в беспросветную нищету «галиполиец» не может не чувствовать, что его возможности быть самим собой и самостоятельно избирать в своей деятельности ту линию поведения, которую он считает правильной, резко ограничены. Фактически, все его поступки и решения, как редактора журнала, определяются волей работодателя, и никакого пространства для свободного выбора у него нет. Он всего лишь наемный работник – лишь инструмент в руках тех лиц, которые определяют направление и методы его деятельности. Это вполне естественно и ничего другого ожидать не приходится, ведь именно так устроена и так функционирует любая иерархическая организация. Всякая попытка упрямо следовать своим собственным ценностным установкам, игнорируя прямые пожелания и указания верхов, приведет к тому, что своенравному редактору придется освободить свое рабочее место. Готов ли он идти до конца в своем самоубийственном, прямо скажем, решении? Если готов, то и на этом месте он останется тем же самым джентльменом, каким был до появления в кресле редактора. Но многие ли, оказавшись в его положении, решатся выбрать этот путь? Куда он подается, расставшись с этим местом? В таксисты? На конвейер завода «Рено»? Не те это места, где можно оставаться джентльменом, – после изматывающего восьмичасового рабочего дня уже не до самостоятельных занятий, свойственных настоящему джентльмену²¹. Да и необходимость выгадывать и экономить каждый сантиметр не слишком располагает к свободному творчеству. Так что, в конечном итоге, получается, что не столь уж и важно, пригнешься ли ты сразу, отбросив претензии на благородную независимость своего джентльменского статуса, или же будешь до конца упорствовать в своем праве свободного выбора позиции, шансов остаться джентльменом у тебя практически нет.

²¹ Правда, многолетняя работа парижским таксистом не помешала Г.Газданову вести типичную жизнь джентльмена-литератора и при этом добиться выдающихся результатов в своем творчестве. Тем не менее, этот случай и ему подобные надо, вероятно, считать исключениями из общего правила. Вряд ли многим удавалось длительно удержаться на такой позиции.

Потеряв былую привилегированность, ты обречен перейти на положение рядовых трудящихся, для которых экономическая нужда резко ограничивает рамки свободного развития личности, если не полностью сводит на нет его возможность. Вопрос такого выбора между двумя вариантами поведения: отказаться от претензий на джентльменство и остаться при этом, по крайней мере, порядочным человеком или же, подчинившись нужде и внутренне пригнувшись, пытаться сохранить хотя бы видимость джентльменства, вставал, видимо, перед многими из тех, кому судьба уготовала положение «трудящегося джентльмена», и выбор был вовсе нелегким. Достаточное количество примеров может дать затронутая нами история русской эмиграции. Те, кто у себя на родине в дореволюционное время, могли безо всяких сомнений считать себя джентльменами, оказавшись без средств к существованию и вне привычной благоволящей к ним социальной среды, вели себя по-разному и демонстрировали как образцы стойкости духа и верности своим джентльменским принципам, так и печальные примеры готовности наплевать на моральный кодекс джентльмена и даже на элементарные принципы порядочного поведения²². Ситуация складывалась так, что и сейчас – через годы – не у всякого из нас хватит духу обвинить в тяжкой измене принципу внутренней свободы тех, кто не смог устоять перед соблазном.

Таким образом, выдуманный мною «галиполиец» уже с самого начала своей редакторской деятельности должен прекрасно понимать, что положение его крайне неустойчиво и в значительной степени зависит от совпадения проводимой им линии с интересами вышестоящих лиц, а потому настроен вести себя осторожно и предусмотрительно. Он исходно уже подготовлен к самоцензуре своих собственных взглядов и будет заботиться лишь о том, чтобы при неизбежных в его работе компромиссах не перейти некую определенную им для себя черту, за которой он уже не сможет считать себя независимым и принципиальным. Любая попытка проявить свои истинные взгляды чревата для него изгнанием из рядов «трудящихся джентльменов». Но такая позиция, такое согласие «по одежке протягивать ножки» – а что ему еще остается? глупо ведь было бы рассчитывать, что ему еще раз может повезти найти подобную работу; нет уж, надо крепко держаться за эту, – вся эта заведомая готовность к достаточно далеко заходящим компромиссам уже сами по себе сильно расходятся с внутренним самоощущением настоящего джентльмена. Именно поэтому, как уже говорилось, возникают серьезные сомнения в том, можно ли еще считать такого человека джентльменом или же следует уже говорить о нем, как о «бывшем джентльмене» – только тщательное исследование как конкретной личности, так и обстоятельств, в которых ему пришлось существовать, может обосновать адекватный ответ на этот абстрактно рассматриваемый нами вопрос.

Но совсем по-другому выглядит положение английского джентльмена, взятого нами в пару для сравнения²³. И совершенно очевидно, что в основе этих разительных отличий лежит та поддержка влиятельного и экономически обеспеченного слоя, которую потерял в результате революционного катаклизма наш «галиполийский редактор», у себя на родине не без оснований считавший себя настоящим джентльменом. Несмотря на определенное сходство в ситуациях всех взявших на себя «трудовые обязательства» джентльменов, те из них, которые, как наш англичанин, действительно принадлежат к привилегированному слою общества, оказываются гораздо более

²² Если говорить с уверенностью о случаях несгибаемой верности своим принципам не так-то просто – слишком сложно их выявить и убедительно продемонстрировать, – то яркие примеры полной капитуляции и морального падения бывших джентльменов привлекли к себе всеобщее внимание – достаточно вспомнить случаи Сергея Эфрона или генерала Скоблина. Да и историю «советизации» Алексея Толстого вряд ли можно истолковать как-то по-другому; тут, скорее, возникают сомнения, достаточно ли оснований считать его «джентльменом» до эмиграции.

²³ Точнее сказать, это именно «галиполийский редактор» был взят для сравнения, чтобы по контрасту оттенить положение «трудящегося джентльмена», являющегося подданным Ее Величества и потомком одной из британских благородных семей.

независимыми в своих «производственных решениях», нежели те, которые не чувствуют за собой мощной клановой поддержки. Отставим в сторону те не лишённые правдоподобия ситуации, когда джентльмен занял пост редактора по рекомендательному письму одной престарелой, но ещё крайне влиятельной герцогини, внявшей просьбам матери одного джентльмена. Ясно, что в таких случаях становится не вполне понятно, кто сидит на своем месте крепче: этот редактор или его церковное начальство. А потому при всяких расхождениях во взглядах на то, что следует публиковать и с каким уклоном в «Епархиальных ведомостях», начальники будут весьма осторожны, высказывая свое неодобрение своевольному редактору. Ведь ещё неизвестно, чем обернется дело при прямом конфликте, – ведь этак можно и выволочку от епископа получить. Но дело даже не в таких начальнических опасениях. Главное в том самоощущении, которое характерно для ставшего редактором джентльмена. Пусть никакие герцогини или отставные премьер-министры не прилагали руку к его назначению на эту должность, и пусть церковное руководство вовсе не опасается неприятностей, связанных с его возможным увольнением. Джентльмен чувствует себя независимым уже потому, что не сомневается: не сойдясь во взглядах с нынешним своим начальством, он без труда найдет себе ничем не худшее место работы. Возможно, он даже выиграет, если, уволившись отсюда, займет место пресс-атташе в аппарате одной из политических партий: там он сможет из первых рук познакомиться с впечатляющими примерами управленческих ошибок, которые пригодятся ему для стремительно разрастающегося трактата. А если не этот пост, то какой-нибудь другой для него обязательно найдется.

Поскольку большинство подобных редакторских мест замещалось джентльменами, подобный дух независимости и способности отстаивать право на самостоятельные решения считался обыденным явлением. Так что, подбирая подходящую кандидатуру, работодатель заранее был готов к тому, что будущий редактор представляет из себя самостоятельную, нечто значащую фигуру и не позволит передвигать себя как пешку, чье мнение никого не интересует. Так что во многих случаях строптивость и несгибаемость характера, вообще свойственные джентльменам, могли рассматриваться скорее как достоинства, нежели как недостатки претендента в редакторы.

При этом большую роль играла и общая ситуация на рынке труда. Бурное экономическое и социальное развитие Англии в девятнадцатом веке, ее выдвижение в мировые лидеры, как в политическом, промышленном, так и культурном отношении, вело к резкому увеличению спроса на образованных и приобщенных к европейской культуре работников. Разрастающаяся на весь земной шар империя постоянно нуждалась во множестве администраторов и других квалифицированных сотрудников. Стране требовались десятки тысяч инженеров, священнослужителей, врачей, учителей, журналистов, литераторов, дипломатов, ученых, исследователей, политиков и прочих деятелей, способных к интеллигентному труду и получивших соответствующее образование. Каждый, кто удовлетворял этим требованиям, мог быть уверенным, что для него найдется более или менее подходящее место работы с приличествующей его уровню квалификации оплатой. До перенасыщенности рынка труда лицами с высшим образованием и вытекающего из этих условий снижения уровня их вознаграждения за труд до прожиточного минимума²⁴ было еще далеко. На таком фоне вознамерившийся потрудиться джентльмен, окончивший престижную школу и университет, да к тому же обладавший хорошими манерами и входящий в дома уважаемых и влиятельных лиц, всегда должен был оказаться в первом ряду претендентов на любую должность. Даже

²⁴ Здесь интересно было бы, конечно, проследить, как образование обширного слоя «мыслящего пролетариата» и низведение его членов до состояния батраков, а то и бессловесной рабочей скотины, повлияло на самочувствие и поведение тех, кто в предыдущих поколениях не только считал себя, но и, по существу, был джентльменом. Однако попытки решить такую задачу предполагают эрудицию, намного превышающую мои скудные познания в этой области, да, собственно говоря, ее разрешение и не требуется для наших рассуждений.

отсутствие у него мощной протекции не лишало его шансов найти подходящее место работы.

Такое долгое рассусоливание на тему о «трудящемся джентльмене» призвано (по замыслу сочинителя) как можно убедительнее обосновать главный тезис, на котором зиждутся все наши рассуждения: настоящий джентльмен чувствует себя свободным от всякого экономического принуждения и волен заниматься всем, чем ему вздумается. Даже тот очевидный факт, что большинство представителей этого слоя работало по найму и такие «трудовые доходы» были важнейшей статьёй их личного и семейного бюджета, практически не влиял на самоощущение настоящего джентльмена и не требовал существенной корректировки его поведения. Джентльмен не сомневается, что общество, в котором он родился и произрос, обязано обеспечить его материальными средствами, достаточными для благополучного существования, и не так уж и важно, каким способом будет выполнено это обязательство. В некоторых случаях это может быть независимый ни от каких условий постоянный доход, а в других – такую же роль могут играть гонорары, получаемые лицом свободной профессии, или же доходы, именуемые заработной платой. В любом из этих вариантов получаемые им материальные блага играют роль вознаграждения за то, что он – настоящий джентльмен, и никаких иных оснований для получения такого вознаграждения ему не требуется. Принадлежа к слою, справедливо считающемуся солью нации и играющему роль костяка ее социального устройства, джентльмен полагает, что составляющее эту нацию общество должно взять на себя основные заботы о его нуждах и бесперебойно обеспечивать все его разумные потребности. Ведь без него и ему подобных общество утратило бы цель и смысл своего цивилизованного существования. Он, в свою очередь, негласно принимает на себя обязательство быть джентльменом и вести себя так, как полагается настоящему джентльмену. Он согласен, что при нарушении им взятого на себя обязательства общество (выступающее в данном случае в лице таких же джентльменов) вправе лишиться его этого гордого и почетного звания со всеми вытекающими отсюда последствиями. Я не думаю, что такого рода «общественный договор» был когда-то публично оглашен и подписан договаривающимися сторонами, но его негласное существование, как незыблемой вековой традиции, и молчаливое общественное согласие с его не опубликованными, но признаваемыми всем британским обществом статьями не вызывает, по-моему, больших сомнений.

5

Большинство особенностей и характерных черт человеческой конструкции английского джентльмена, рассматриваемого как собирательный образ, может быть естественным образом выведено, как мне кажется, из его глубокой, с детства усвоенной уверенности в том, что никто не может давать ему указания и требовать от него послушания – он сам свободно определяет свое поведение и связан лишь теми обязательствами, которые сам на себя принимает. Ему не надо бороться за свою свободу и добиваться обретения независимости – он получает их по праву рождения. Он потомок и духовный наследник тех, кто кормит, а вовсе не тех, кого кормят²⁵. А

²⁵ В английском этимологическом словаре происхождение слов *лорд* и *леди* связывается с древними англосаксонскими словосочетаниями *hlafweard* (буквально «loaf-keeper» – хранящий хлеб, кормящий) и *hlafdige* (*hlaf* + **dige* – замешивающая хлеб), первая часть которых *hlaf* родственна готскому слову *hlaifs, hlaibs*, звучащему почти что по-русски (Skeat W. A concise etymological dictionary of the English language. N.Y.: G. P. Putnam's Sons, 1980, pp. 282 and 302). См. об этом также в книге: Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс – Универс, 1995, с. 261.

К сожалению, здесь нет возможности уделить хотя бы некоторое внимание исключительно интересной теме, касающейся понятия «кормить» (в русских летописях это слово обозначает как «питать, давать пищу», так и «править, управлять» – отсюда такие разные понятия как *корма* и *кормилица*, являющиеся производными одного и того же древнего корня). Тема эта

потому – в рамках дозволенного общими для всех законами – он сам свой высший суд, и сам решает, как ему себя вести и чем ему заниматься.

Возьмем такую, вроде бы не слишком важную, но часто упоминаемую и, видимо, бросающуюся в глаза особенность типичного английского джентльмена, как его склонность к эксцентрическим поступкам и занятиям, к разного рода «вывертам» и диковинным развлечениям. Казалось бы, это всего лишь маленькая индивидуальная черточка, которая мало что говорит о человеке в целом. Тем более странно связывать ее с благородным происхождением и университетским образованием. Действительно, дурачиться может всякий, особенно если он не задевает своими эксцентрическими манерами и поступками окружающих и не причиняет им чрезмерных неудобств. Но именно такого рода безобидные выходки считаются характерными для склонных к эксцентрике джентльменов. Кого могут обидеть, расстроить или напугать роскошные экзотические усы месье Пуаро²⁶, которым он, судя по всему, уделяет очень много внимания – лелеет их и холит, с гордостью демонстрируя их всем желающим? Несмотря на то, что они выглядят совершенно нелепо и резко контрастируют с общим обликом невысокого корпулентного яйцеголового пожилого джентльмена, их созерцание не может принести никакого вреда и вовсе не оскорбительно для окружающих. Они, скорее, развлекают и потешают сторонних наблюдателей, придавая солидному господину несколько шутовской вид. Сколь бы прихотливыми и сугубо индивидуальными ни были мотивы человеческой эксцентричности, социальной основой многих из таких чудачеств является независимость каждого из представителей того человеческого типа, о котором идет речь. Джентльмен никому не подконтролен и не имеет над собой никакой руководящей инстанции, и потому он не только может быть склонным к чудачествам, но у него есть и возможность культивировать их, не опасаясь натолкнуться на строгое внушение и дисциплинарное воздействие со стороны того, кто стоит над ним. Может ли дворецкий отрастить усы *a la Poirot*? Или провожая гостей, декламировать: «Умри, несчастная...»? Это маловероятно, но если такое и случится, все расценят этот факт, как чудачество хозяина дома. Потому что только от него зависит, будет ли его слуга продолжать комиковать или же после первой попытки навеки заречется повторять подобные эксперименты. Но то же самое можно сказать об официанте, железнодорожном кондукторе или констебле. А вот джентльмен – совсем другое дело. Хотя он, возможно, не настолько богат, чтобы нанять штат слуг и дворецкого, но ведь и никакого хозяина или начальника, присматривающего за его поведением, у него тоже нет. Исходя из этих соображений, разумно предположить, что повышенная эксцентричность джентльменов объясняется не столько их непреодолимой склонностью к такого рода эскападам, сколько тем, что рамки допустимого, в которых индивид чувствует себя неуязвимым для общественного воздействия, оказываются для потомков благородных семей гораздо более широкими, чем для всех прочих граждан.

Нельзя сказать, что джентльмены вовсе выведены из-под всякого социального контроля, – в его наличии не приходится сомневаться, – но осуществляется такой надзор самим сообществом джентльменов и чаще всего принимает достаточно мягкие, рекомендательные формы. Если какие-то из знакомых джентльмена перестают приглашать его на званые обеды, а при случайных встречах лишь сухо здороваются, он может воспринять это как сигнал того, что его экстравагантное поведение не

имеет множество далеко идущих разветвлений, связывающих это слово с основными социальными терминами, и ее исследование позволяет не только разобраться со многими аспектами мировоззрения наших древнерусских и индоевропейских предков, а, исходя из этого, верно истолковать различные исторические явления тех давних времен, но и в правильном свете (под адекватным углом зрения) увидеть многие наши сегодняшние обычаи, традиции, те обыденные понятия, которыми мы привычно и неосознанно пользуемся, но глубинный смысл которых остается для нас неясным.

²⁶ Не будем залетать в высокие литературные сферы и постараемся держаться поближе к детективу.

одобряется частью общества и расценивается, как пренебрегающее границы дозволенного в среде джентльменов. Опасаясь усугубления такого рода общественных санкций, попавший в опалу джентльмен, вероятно, будет впредь осторожнее в своем самовыражении и, возможно, даже откажется от намерения развлечь как-нибудь своих гостей собственноручной игрой на русской балалайке, а, выждав некоторое время, укоротит и свои вызвавшие такой фурор усы. С другой стороны, такая обструкция может быть воспринята обладателем нестандартных усов как покушение на его неотъемлемое, прирожденное право самому определять пределы своих желаний и капризов, что только подстрекнет возмутителя спокойствия идти своим путем, не обращая внимания на косые взгляды и смешки за спиной. И действительно, если взглянуть на ситуацию в принципиальной плоскости, то приходишь к выводу, что речь идет о возможности самому определять границы приемлемого (естественно, исключая из рассматриваемого сферу действия уголовного права) и самому давать оценку своим решениям. Грубо говоря, если ты соглашаешься следовать чужим оценкам и указаниям (пусть даже высказываемым в завуалированной форме), то, может быть, ты не такой уж и настоящий джентльмен? Поэтому в некоторых случаях позывы на экстравагантность и упорное нежелание отказываться от своих «вывертов», несмотря на неодобрительные реакции окружения, могут корениться в желании продемонстрировать всем (в том числе, и самому себе) свое несомненное джентльменство. И всё же явные конфликты по поводу джентльменских причуд, вряд ли могут так уж сильно влиять на поведение джентльменов. Кого, в конце концов, может так уж озаботить величина чужих усов: кто-то ухмыльнется, кто-то раздраженно поморщится, но, вероятно, этим дело и ограничится. Четких правил, применимых в подобных случаях, нет; мнения могут быть самыми разнообразными, они субъективны и индивидуальны, а посему общество привыкает с большой терпимостью относиться ко всем этим выходкам, негативно реагируя на них лишь в самых крайних случаях.

Еще одной ниточкой, связывающей различные чудачества с ядром самоощущения джентльмена, можно считать нерациональность, бесполезность и даже очевидную бессмысленность таких капризов, не говоря уже об их накладности и некупаемости. Какую пользу может извлечь человек из длинного, в несколько сантиметров, ногтя на мизинце или из тех же самых, попавших мне на язык, усов? Ясно, что о пользе, рациональности здесь не может быть и речи. Владелец может «думать о красе ногтей» и считать свой раритетный ноготь изысканным и стильным, но зачем он? Какую потребность он может удовлетворить? Разве что потребность любоваться своим оригинальным украшением? Но, действительно, ли он украшает руку? Ведь нечто подобное, увиденное на ногах «дурного старца» воспринимается как несомненно уродливая деталь его облика, свидетельствующая о полном пренебрежении красотой тела – до красоты ли полоумному бомжу. Но тогда какой в нем смысл? Он столь же функционален, как кривоногая и пузатая комнатная собачонка, которую тащит с собой на прогулку изысканно и стильно одетая леди. Нет сомнений, что очень часто главная функция у таких украшений, экзотических увлечений и сомнительных привычек одна – подчеркнуть свое отличие от тех, кто вынужден заботиться о пользе и рациональности своих поступков²⁷. Торстен Веблен, который ввел в научный обиход представление о *демонстративном потреблении* – феномене, объясняющем многое в нашей жизни, – не без оснований указывал, что значительную часть аристократических привычек и распространенных в этой среде занятий можно легко вывести из стремления к бесполезным тратам и неэффективному расходованию человеческой энергии и

²⁷ Сегодня, в связи с общей примитивизацией и стандартизацией нынешних привилегированных слоев, эту роль взяли на себя «престижные лейблы и бренды», вроде часов стоимостью в несколько сот тысяч долларов, по точности хода, а часто и по внешнему виду, ничем не отличающиеся от тех, которые можно купить за сумму на три-четыре порядка меньшую. Не в точности и не в изяществе здесь дело.

материальных средств²⁸. Да это и не могло быть иначе, ведь в фундаменте теоретических построений этого замечательного мыслителя лежали наблюдения и размышления над образом жизни и бытовым поведением богатых людей. Пусть даже в его время большинство из них происходило из буржуазной среды, но их привычки и нормы сложились в результате подражания и копирования представлений, господствовавших в привилегированном сословии предыдущей эпохи. Так что рассматриваемые Вебленом привычки «праздного класса» – это, собственно, привычки слоя джентльменов, усвоенные теми, кто старался во всех отношениях ничем от них не отличаться²⁹.

6

Точно так же, из экономической независимости джентльмена и его неподотчетности, кому бы то ни было, легко можно вывести и такое – крайне характерное для данного типа – свойство, как постоянная невозмутимость и отсутствие склонности к демонстрации ярких эмоций³⁰. Джентльмену совершенно незачем, оказавшись в конфликтной ситуации, излишне горячиться, повышать голос и рвать рубашку на груди. Он с детства приучен к тому, что демонстрация своего недовольства и угрозы противнику – оружие слабого, неуверенного в своих возможностях человека, пытающегося доказать свою значительность и право на решающее слово. Однако ему – джентльмену – нет необходимости что-то доказывать: у него нет сомнений, что он обладает таким правом и в любом случае поступит так, как посчитает нужным. В дополнение к этому можно сказать, что служащая основой характера джентльмена спокойная уверенность в собственной независимости от любого внешнего принуждения неминуемо ведет к ощущению себя самостоятельной и самоуправляемой единицей, которая не только не натывается на внешние ограничения, служащие «уздой» для подверженной страстям человеческой природы, но и не может на них рассчитывать. В этой ситуации он поневоле должен чувствовать себя «капитаном собственной души»³¹. Никто не вправе руководить его действиями, а следовательно, он единолично ответственен за каждый свой поступок и, если его жизненный корабль наткнется на рифы, винить за это будет некого, кроме самого себя. Отсюда неприязнь к бурным необдуманным реакциям и склонность к максимальной рационализации своего поведения: практически неограниченная свобода от социального контроля оборачивается для джентльмена жестким подчинением долгу и разуму. Тот, кто претендует на управление обществом (и в первую очередь теми, кто не принадлежит к категории «джентльменов»), должен продемонстрировать способность разумно управлять своим собственным поведением и неуклонно держаться курса, задаваемого внутренним компасом, несмотря ни на какие бури и течения.

Правда, вышеупомянутая невозмутимость и сохранение – при любых обстоятельствах – трезвого, рационального взгляда на вещи описываются обычно не как специфическая черта *джентльмена*, а как особенность английского национального характера, как важная часть пресловутого «менталитета», присущего этой нации и отличающего типичного англичанина от большинства жителей континентальной Европы и особенно от пылких и склонных к чрезмерной экспрессии южан. При таком взгляде

²⁸ «Согласно Т.Веблену, знание латыни служило доказательством того, что человек мог позволить себе тратить впустую время и деньги» (Оссовская, цит. соч., с. 134).

²⁹ «Образ жизни старой земельной аристократии остался в Англии непререкаемым идеалом» (Овчинников, цит. соч., с. 276)

³⁰ «Джентльмену присуще спокойствие и уверенность в себе, отличающая независимого человека... Он избегает какой-либо аффектации. Его отличает немногословность и недоверие к слишком эмоциональным оценкам» (Оссовская, цит. соч., с. 137-138).

³¹ «С детских лет в англичанине воспитывают способность к самоконтролю. Его приучают спокойно сносить холод и голод, преодолевать боль и страх, обуздывать симпатии и привязанность. Ему внушают, что человек должен быть капитаном собственной души» (Овчинников, цит. соч., с. 373).

выраженное хладнокровие *джентльменов* практически приравнивается к одному из проявлений темперамента, свойственного населению Британии (то есть сводится на физиологический, можно сказать, уровень), и никак не связывается с социальным статусом данного слоя и с его социальными функциями. Однако, во-первых, совпадение в описаниях *типичного англичанина* и *типичного джентльмена* легко объяснить тем, что пишущие в массе своей принадлежат к тому же кругу общения, что и интересующие нас *джентльмены*, а в результате облик описываемого *англичанина* чаще всего оказывается срисованным с *английского джентльмена*. А во-вторых, – и это, видимо, главное – в своем поведении типичный *англичанин* ориентируется, как на желательный образец, на знакомый ему облик *английского джентльмена*³². Следовательно, не потому джентльмен таков, что все англичане таковы, а напротив, большинство англичан таковы, потому что таковы джентльмены, с которых все прочие берут пример и стараются во всем им подражать. И следовательно, происхождение характерных для джентльменов черт характера надо искать в истории самого этого слоя и, в первую очередь, в социальных условиях его формирования.

Наверное, и другие черты характера джентльмена (а отсюда и британского характера, в целом) можно было бы без натуги связать с тем внутренним ощущением самодостаточности и независимости от всякого внешнего давления, которое образует фундамент личности этого типа, но для наших дальнейших рассуждений это не обязательно, и потому ограничимся лишь тремя аспектами поведения рассматриваемого типа, которые представляют для нас существенный интерес: *любительское* (в противоположность к профессиональному) отношение к делу, приверженность принципам *честной игры* и выбор *истины* (а не пользы) в качестве своего главного ориентира.

7

О том, что в своих занятиях джентльмены, сами выбирающие себе род деятельности и не скованные в этом необходимостью подчиняться жестким, кем-то установленным правилам, выступают как *любители* (в противоположность *профессионалам*, чья свобода резко ограничена экономической, по сути, зависимостью от выполняемых ими обязанностей), и о том, что во многих контекстах два этих слова «джентльмены» и «любители» используются в английском языке как синонимы, сказано много, и нам нет нужды что-либо здесь выдумывать и разъяснять. В своей книге об Англии и англичанах В. Овчинников выделил для обсуждения этой темы небольшую главку «Любители и профессионалы», из которой я позволю себе привести здесь достаточно обширные цитаты:

«Деление на любителей и профессионалов идет из крикета. А крикет – поистине святая святых для англичан, национальная игра, которую они считают праматерью не только спорта, но и морали. Именно от крикета ведут свою родословную те принципы спортивной этики, которые стали для англичан основами подходящего поведения, мерилom порядочности.

...Крикет явился первым видом спорта, где деление на любителей и профессионалов было официально зафиксировано в правилах. Причем предпочтение первой из этих категорий выражено в них совершенно недвусмысленно.

³² «Так родилась и распространилась идея джентльменства — дворянского кодекса поведения, принятого затем всем средним классом. А со временем уже и практически всем обществом. Случалось мне встречать и деклассированные элементы, тоже 'косившие' под джентльменов. Эдаких подтянутых молодцов с испитыми лицами и в затертой до дыр одежде, не отказавшихся от утонченной вежливости и хороших манер. Выглядит смешно, даже нелепо, но разве это не великое дело, когда большая часть общества, вплоть до таких вот опустившихся бездомных, считает идеалом образ джентльмена и, как может, пытается ему соответствовать? Разве это не о многом говорит?» (Остальский А. Иностранец Ее Величества. СПб.: Амфора, 2015)

...Помимо любителей и профессионалов, в крикете существуют еще и параллельные термины: джентльмены и игроки. Это второе противопоставление помогает понять, почему любительское отношение к делу стало отождествляться с принадлежностью к избранному классу. Статус джентльмена – как и владение землей – был вершиной человеческих амбиций. Считалось, что хозяин загородного поместья если и пробовал свои силы на каком-то поприще, то не ради корысти, а из чувства долга перед обществом или для собственного удовольствия.

Принадлежность к регулярной рабочей силе выглядела следствием экономической или социальной зависимости. Так что даже если джентльмен трудился по необходимости, он все равно старался делать вид, что относится к работе как к некоему побочному увлечению, то есть изображал любителя»³³.

Говоря о любительстве, о склонности жителей Британии к побочным увлечениям – а к наиболее распространенным хобби, по мнению автора, надо отнести садоводство, коллекционирование самых разнообразных предметов и возню с домашними животными, – Овчинников говорит вовсе не о джентльменах, как таковых, а о шаблонах поведения, свойственных англичанам в целом, об английском национальном характере. Однако он не забывает и об истоках этих широко распространенных привычек:

«Склонность англичан предпочитать любителя профессионалу (причем не только в спорте или искусстве) сложилась, разумеется у определенного класса в определенную историческую эпоху. ...Однако любительский подход к делу, которым когда-то кичились господствующие классы, наложил свой отпечаток на многие стороны жизни народа в целом. Отличительная черта англичан – их презрительное отношение к так называемым 'крысиным гонкам', то есть к готовности жертвовать радостями жизни ради голой корысти»³⁴.

Как мы выяснили раньше, джентльмены могли – следуя за модой – увлекаться «крысиными гонками», но они никак не могли попасть в положение того, кого гоняют. И вот это-то отвращение к вынужденному участию в чем-то тебе неважном и неинтересном стало чертой национального характера³⁵.

Ясно, что сравнивая профессионалов и джентльменов-любителей в каком-то виде деятельности, требующем длительных и упорных занятий, приходится – как и при любом другом противопоставлении – признать наличие, как у той, так и у другой стороны, своих преимуществ и своих слабостей. Оссовская, касаясь данной темы, склонна, видимо, скептически оценивать национальный «культ любительства» и основывается при этом на пересказываемой ею статье довольно известного английского профессора философии, опубликованной в 1966 году. Профессор Дж.О.Уисдом – будучи, вероятно, «джентльменом» по множеству признаков, но в данном случае занявший позицию маститого профессионала – высказывает желание уничтожить «деление на граждан первого и второго сорта» и в стремлении к этому «демократическому идеалу» указывает на опасности, угрожающие стране со стороны тех, кто нахально суется не в свое дело, не имея на то соответствующей лицензии а, следовательно, и права называть себя специалистом в данной отрасли³⁶.

Сегодня, по прошествии пятидесяти лет после появления упомянутой статьи, было бы излишне доказывать, что автор ее видел главную опасность совсем не там, где она таилась. Да и сам профессор Уисдом, дожив до 1993 года, убедился, наверное, в том,

³³ Овчинников, цит. соч., с. 290-291

³⁴ Овчинников, цит. соч., с. 292-293

³⁵ «Принято считать или хотя бы делать вид, что более важное место в жизни человека занимает то, чем он увлекается в часы досуга, а не то, чем он занимается во время работы. Стало быть, любительское отношение к делу ценится выше специальных знаний, а любитель почитается больше, чем профессионал» (Овчинников, цит. соч., с. 290).

³⁶ «Культ любительства – как выясняется, все еще существующий – грозит в любую минуту обернуться культом некомпетентности. Англия, по мнению автора, страдает от глубоко укоренившегося комплекса джентльмена-любителя» (Оссовская, цит. соч., с. 140).

что победа «признанных научной иерархией специалистов» над самозванными философствующими «джентльменами» не принесла ничего хорошего той самой отрасли знаний, в рамках которой в шестидесятые годы еще можно было наблюдать так обеспокоившую профессора конкуренцию между любителями и профессионалами. Здесь не место детально обсуждать, почему ставка на «компетентных специалистов» и «крепких профессионалов» оказалась проигрышной стратегией и почему заложенные трудами «джентльменов-любителей» отрасли человеческой деятельности (такие, как уже фигурирующая в качестве примера философия, наука, литература, искусство и многие другие, считавшиеся лучшими плодами европейской цивилизации) пришли в жалкое состояние, а то и вовсе исчезли после того, как главенствующие позиции в них перешли в руки этих самых «профессионалов». Удовлетворимся имеющимся у нас сегодня эмпирическим доказательством и будем считать, что сама жизнь показала неправоту профессора Уисдома и убедительно продемонстрировала близорукость его тогдашнего взгляда на проблему. Сегодня подобный ему специалист вряд ли бы стал пилить сук, на котором сидит, понимая, что никакие накопленные им профессиональные знания не способны помочь ему в обреченной на заведомый проигрыш конкуренции с множеством банальных прохвостов, не затрудняющих себя постижением всей этой философской дребедени, но также считающих себя «компетентными специалистами» (и не без оснований – пусть их компетентность и лежит в совсем другой плоскости), а потому претендующих на разнообразные чины, звания и соответствующую оплату своих трудов.

Но, оставив эту большую и животрепещущую проблематику за скобками, есть всё же смысл хотя бы в общих чертах разобраться в том, почему в сознании предшествующих поколений сформировалась устойчивая склонность отдавать – при прочих равных условиях – предпочтение любителям по сравнению с профессионалами. Мне кажется, что возникновение этого – в течение долгих лет общепринятого и не требующего дополнительных доказательств – взгляда на проблему нельзя объяснить лишь тем, что общество некритично восприняло за непреложную истину самовосхваление самих «джентльменов-любителей», свысока взирающих на всех прочих, кому не выпало счастье принадлежать к привилегированному слою избранных. Я думаю, что такой взгляд на вещи был обусловлен, в конечном счете, не столько пиететом по отношению к высокородным джентльменам, сколько вполне рациональными и весьма убедительными соображениями.

Сравнивая чьи-то шансы на достижение некоей цели или на выигрыш в соревновании, мы обычно обращаем внимание на наличие у сравниваемых неких свойств и способностей, требующихся для решения задачи, и на сопутствующие обстоятельства, которые в состоянии помочь рассматриваемым кандидатам на победу в состязании, либо, напротив, затруднить им достижение цели. Так, утрируя, можно сказать, что на вокзал первым должен придти вот этот длинноногий, спортивно выглядящий парень с упрямо выдвинутым подбородком, а не вон тот семенящий трусцой старикашка с тросточкой в руке, который, хотя и опережает сейчас парня на несколько десятков метров, но, ясное дело, потеряет это небольшое преимущество уже через пару минут. Возможно даже, мы окажемся правы в своем суждении, и парень действительно появится на вокзале намного раньше старика, однако подобные рассуждения имеют смысл только в том случае, если оба объекта нашего сравнения на самом деле идут на вокзал и стремятся попасть туда как можно быстрее.

Как ни глуп (и даже намеренно абсурден) этот пример, тем не менее, он во многом аналогичен нашим реальным рассуждениям и оценкам. Не так уж редко мы скрупулезно анализируем потенциальные возможности интересующих нас субъектов и различные обстоятельства, в которых им приходится действовать, оставляя в то же время без внимания их мотивы и внутренние побуждения к той или иной деятельности. Если же считать мотивацию важнейшим фактором, определяющим результаты любой человеческой деятельности, то предпочтение, оказываемое любителям, получает солидную рациональную основу.

Действительно, от кого из сравниваемых авторов мы должны ожидать создания романа с высокими литературными достоинствами? От того, кто стремится к максимальному совершенству написанного и не жалеет на это никаких трудов (тем более, что сам процесс доставляет пишущему удовольствие, ради которого он и взялся за это дело), или же от того, чьим единственным побудительным мотивом является заработок от издания запланированного романа? Вопрос – риторический, поскольку при такой абстрактной его постановке на него может быть только один ответ. Ясно, что если автор даже и не стремится написать хороший роман (его задача написать роман, который удовлетворит издателя и будет хорошо продаваться), то вероятность того, что он всё же создаст шедевр, крайне невелика. И дело здесь не в степени одаренности сравниваемых авторов, а в том, что цель профессионала лишь косвенно связана с сутью выполняемого дела, и – более того – во многих случаях интересы творчества могут вступать с интересами заработка в явное противоречие³⁷.

Живым свидетельством того, что такого рода рассуждения не представляют собой чисто теоретических умствований, далеких от реальной жизни, может быть сравнение романов Б.Акунина, входящих в «фандоринский цикл»: тех, которые были написаны им в ранний период, когда он был безусловным «любителем» (да и сам, несомненно, ощущал себя таковым), с удовольствием осваивающим новую для себя область деятельности, и тех, которые он создавал гораздо позднее, когда интерес к этому занятию у него практически исчез и он продолжал им заниматься лишь в силу профессиональной необходимости. Можно только предположить, что его писательская активность по вымучиванию очередных походов Фандорина была связана в эту пору лишь с предыдущими издательскими договоренностями и с надеждами на солидные гонорары, от которых было бы глупо отказываться. Достаточно сравнить появившуюся в 2000 году «Коронацию» с более поздними опусами, такими, например, как «Весь мир – театр» (2009) или «Планета Вода» (2015), чтобы вопрос о том, кого следует предпочесть: Акунина-любителя или же Акунина-профессионала, отпал сам собой. Пример этот, помимо своей наглядности, хорош еще и тем, что в качестве «новичка-любителя» и «опытного профессионала» («в высшей степени компетентного специалиста») выступает один и тот же автор, в литературной одаренности которого не приходится сомневаться. То есть исходные условия в сравниваемых случаях сопоставимы, и различие в результатах можно объяснить только изменением мотивации деятельности.

Кстати сказать, пример Б.Акунина можно считать также убедительным свидетельством, опровергающим распространенное заблуждение, согласно которому, чем выше заработка специалиста, тем больше он старается и, следовательно, тем значительнее результаты его работы³⁸. На деле, конечно, ничего подобного

³⁷ Как говорила Агата Кристи устами одной из ее героинь – профессиональной писательницы Ариадны Оливер:

«Люди так неумны. Да я в любой момент могу придумать убийство гораздо интереснее, чем какое-нибудь настоящее. Я всегда умела придумать сюжет. А публике, которая читает мои книжки, нравятся яды, не оставляющие следов» (Кристи А. Карты на столе. / Кристи А. Карты на столе. Занавес: последнее дело Пуаро. М.: Эксмо, 2015, с. 39).

³⁸ Чаще всего этот ход мысли встречается в рассуждениях о том, как заставить работать чиновников, уклоняющихся от выполнения своих прямых обязанностей: дескать, если платить данному профессионалу вдвое или впятеро больше, он забудет о своей привычке прибираться к рукам всё, до чего может дотянуться, и станет исправным слугой народа. При этом как-то не принимается во внимание, что получающий впятеро больше начальник этого нерадивого слуги народа и хапает в десятикратном размере, соответственно своим возросшим возможностям. Да и странно было бы ожидать чего-то иного от человека, занимающего это место с единственной целью получать от своей деятельности максимальный доход с минимальным риском для себя. Собственно говоря, профессионал потому и считается профессионалом, что он руководствуется в своем деле не какими-то прихотями и не эмоциональными переживаниями, а трезвым

обнаружить в большинстве случаев не удастся. В погоне за высокой оплатой работник, может, и будет стараться, но, на что будут направлены эти старания, зависит от множества разнообразных причин, большинство из которых никак не связаны с сутью дела. Ясно, что, сочиняя свои первые романы, Б.Акунин вовсе не мог рассчитывать на серьезные гонорары и писал их для удовольствия, из желания испытать свои силы на этом поприще, а халтурить он начал как раз тогда, когда писательство стало приносить ему гарантированный солидный доход. Таковы результаты нашего – поневоле простейшего – сравнения любительского и профессионального отношения к делу.

Разумеется, реальная жизнь устроена намного сложнее и далеко не все встречающиеся в ней ситуации будут укладываться в прямолинейно прочерченную нами дихотомию: «бескорыстный любитель vs алчный профессионал». Не затрагивая горних вышей «серьезной литературы», взглянем с интересующей нас точки зрения лишь на ту обширную область художественного творчества, которую принято называть «остросюжетной» или «криминальной» литературой – существующие между ними оттенки для нас в данном случае не важны. Пусть количество убогих поделок, созданных в этой области «любителями», трудившимися над их сочинением не в стремлении поправить свое экономическое положение, а из любви к искусству, на несколько порядков уступает массе аналогичной третьесортной продукции, вышедшей из-под пера профессионалов (как жалких поденщиков, так и превозносимых критикой производителей бестселлеров), тем не менее корявых и вовсе не увлекательных продуктов любительского творчества вполне достаточно, чтобы развеять любые иллюзорные представления о сочинениях писателей-любителей как о кладовой литературных шедевров. Казалось бы, если руководствоваться вышеизложенным взглядом на проблему, любитель, намеревавшийся написать интересную, захватывающую книгу, и не сумевший этого сделать, должен был бы отказаться от мысли о ее публикации – какой в этом может быть смысл, если ты и не собирался заработать на своих литературных упражнениях. Но в таком случае неудачные плоды творчества любителей и не должны попадаться на глаза читателям, а с именами писателей-любителей должны связываться исключительно их творческие удачи. Однако всякому ясно, что в реальности дело обстоит совсем не так, и в общей массе опубликованных творений писателей-любителей замечательные – да и просто приличные, достойные прочтения – книги встречаются нечасто. Объяснение этого кажущегося парадокса достаточно просто и связано, вероятно, главным образом с тем, что мотивы, побуждающие людей сочинять и публиковать книги чрезвычайно многообразны и отнюдь не исчерпываются стремлением к литературному совершенству и противопоставляемым ему желанием заработать. Это всего лишь два ярких полюса, стягивающих на себя значительную часть сочиняемых книг и привлекающих к себе наше внимание, но в пространстве между ними и вокруг них располагается большая масса и других, не сводимых к ним, стремлений, желаний и побуждений, подталкивающих к тому, что люди берутся за литературное творчество и, в конечном итоге, становятся авторами опубликованных книг. В каждом случае можно только гадать, каким мотивом (или, скорее, каким комплексом мотивов) руководствовался автор той или иной книги в своих поступках. Да к тому же не следует сбрасывать со счетов и различия в индивидуальных литературных вкусах. Не исключено, что автор той самой книжонки, которую читатель отбросил с отвращением, был глубоко доволен своим творением и считал, что по своим достоинствам оно, если и не дотягивает немного до уровня романов Толстого или Диккенса, то, по крайней мере, намного превосходит по занимательности эти безбожно перехваленные выдумки знаменитостей из Детективного клуба. Можно не сомневаться, что у каждой такой книжки, как бы она ни была убога (с нашей точки зрения), имеется некоторое число поклонников, считающих ее безусловным шедевром, который даже и сравнивать

экономическим расчетом. Он делает то, в чем видит определенную выгоду, и поступает так, как ему выгоднее.

неприлично с этой нуднейшей «Анной Карениной» или с той же «Смертью на Ниле» (чтобы не выходить за пределы «криминальной» литературы)³⁹.

С другой стороны, было бы совершенно не реалистично подтягивать Агату Кристи (как пример выдающегося автора детективов) к категории писателей-любителей. Она, вне всяких сомнений, – профессиональная писательница, причем одна из самых успешных в этой профессии. Она не только много зарабатывала, занимаясь литературным трудом, но и прилагала неустанные усилия, чтобы регулярнейшим образом издавать свои книги как в Англии, так и в США и чтобы добиться известности, которая обеспечивала массовые тиражи ее книг и получаемые ею высокие гонорары. Можно быть уверенным, установка на получение максимальных доходов от своего ремесла была ей вовсе не чужда⁴⁰. И всё же, несмотря на такую серьезную заботу о доходности избранной ею профессии, ей удавалось на протяжении десятилетий, не снижая продуктивности, публиковать книгу за книгой – иногда по два-три новых романа в год, – среднее качество которых (ясно, что наряду с шедеврами у нее выходили и откровенно слабые книги) – удерживалось на чрезвычайно высоком уровне, просто недостижимом для большинства ее коллег по профессии. При неизбежной для авторов популярной беллетристики необходимости без устали фабриковать всё новые и новые привлекательные для читателей истории она сумела не скатиться на уровень конвейерной штамповки неотличимых друг от друга унылых и кособоких квази-детективов, что стало уделом множества писателей-детективщиков, не нашедших возможности отказаться от участия в этих «крысиных гонках» и продолжавших тянуть свою профессиональную ляжку. Пример Агаты Кристи – а в рамках наших рассуждений его можно считать контрпримером, обосновывающим превосходство писателя-профессионала над писателями-любителями, – всё же следует, вероятно, считать уникальным феноменом, своей исключительностью только подтверждающим опровергаемое им правило. Ее общелитературные дарования и ее совершенно исключительный талант изобретать изощренные сюжетные схемы (ответы на загадки которых она умела искусно маскировать, раз за разомводя читателей за нос⁴¹), были настолько велики, что непосильная для прочих авторов литературная продуктивность

³⁹ Ярким примером такого расхождения во вкусах может служить «Призрак Оперы» Гастона Леру, ставший в наши дни «культовым романом» и имеющий бесчисленное множество поклонников во всем мире. Очевидная убогость этого «литературного хита», редко встречаемая даже в бульварных «выпусках» самого низшего разряда, отнюдь не помешала ему всё растущей мировой славе. Для очень многих «Призрак Оперы» – символ литературного шедевра, пусть даже для большинства его поклонников одолеть текст с таким количеством букв оказывается слишком сложной задачей, и они знакомятся с романом по его экранизациям.

⁴⁰ В некоторых своих высказываниях Кристи достаточно открыто выражает свое понимание термина «профессионал»:

«...как эта несчастная книга всё же появилась на свет, не понимаю!

Прежде всего я не испытывала от работы над ней ни капли удовольствия, у меня не было никакого вдохновения. Я придумала сюжет – вполне приемлемый сюжет, частично заимствованный из собственного рассказа, и, если можно так выразиться, знала, куда идти, но картины и люди не оживали. Мною двигало лишь желание. Вернее, необходимость написать книгу и заработать денег.

Именно тогда, вероятно, я стала превращаться из любителя в профессионала. Последний отличается от первого тем, что должен писать и тогда, когда не хочется, и тогда, когда то, что ты пишешь, не слишком тебя увлекает, и даже когда получается не так, как хотелось. Я терпеть не могла 'Тайну голубого экспресса', но я ее всё же написала и отправила издателем. Ее раскупили так же быстро, как предыдущую. Я должна была бы радоваться – но, надо сказать, этой книгой я никогда не гордилась» (Кристи А. Автобиография. СПб.: «Лимбус-пресс», РИК «Культура», 1997, с. 401).

⁴¹ Книга Роберта Барнарда о творчестве писательницы так и названа в русском переводе А.Брусова: «Талант водить за нос. Лавры Агаты Кристи» (Barnard R. A talent to deceive: An Appreciation of Agatha Christie. New York: Dodd, Mead and Company, 1980).

достигалась писательницей без катастрофического снижения качества продукции. Ей это оказывалось под силу.

Однако было бы неверно делать из этого вывод о том, что именно высокий профессионализм Кристи (пресловутая «компетентность», присущая, – как нам внушают профессора – главным образом, специалистам в своем деле) был основой ее выдающихся достижений в детективном жанре. Наверное, неиссякаемое трудолюбие писательницы, ее упорство в стремлении занять свое место среди наиболее известных представителей детективного жанра, приобретаемый ею на протяжении многих лет опыт вовсе не мешали Кристи при создании детективных шедевров. Однако, эти и другие качества, которые можно связать с профессиональными занятиями литературным трудом, вовсе не объясняют ее феноменального успеха, не они сделали ее «королевой детектива» – главное, конечно, в ее литературной одаренности и в том – весьма специфическом – детективном таланте, которым она была одарена в исключительной, ни с кем не сравнимой степени. Об этом весьма красноречиво свидетельствуют значительно более скромные успехи ее коллег по цеху, обладавших, вероятно, ничуть не меньшим трудолюбием, упорством и другими профессиональными качествами, но одаренных детективным талантом гораздо меньшего, нежели у Кристи, масштаба, – да и эти скромные, по сравнению с нею, дарования у многих оказываются почти незаметными, растворившись в массе невыразительных шаблонных опусов, созданных писателями-профессионалами за долгие годы их литературной деятельности⁴².

Однако талант талантом, но и в этом – уникальном и не имеющем аналогов – случае имеет смысл, чуть изменив угол зрения, заинтересоваться ответом на вопрос: какую роль сыграла профессионализация в литературном творчестве Агаты Кристи? При такой постановке вопроса у нас появляется возможность, не боясь ошибиться, достаточно уверенно утверждать, что значительная часть «некондиционного материала», обнаруживаемого в литературном наследии Кристи – а надо признать, что в ее собрании сочинений не так уж и мало произведений, литературный уровень которых не только несопоставим с ее «стандартным уровнем качества» (речь здесь, конечно, не о ее высших достижениях в данном жанре), но и заслуживал бы серьезных критических упреков, встретившись в сочинениях других, гораздо менее заслуженных авторов, – так вот большая часть этого «творческого балласта» обязана своим появлением на свет стремлению писательницы считаться с литературными вкусами «широких читательских масс», сильно влияющими на тиражи издаваемых книг и, соответственно, на размеры писательских гонораров. Конечно, до уровня фанатов «Призрака Оперы» Кристи практически никогда не опускалась (слава богу, в ее эпоху это еще не было печальной неизбежностью), но планку, которую она для себя ставила, ей нередко приходилось опускать на тот уровень, где блистать присущими ей литературными талантами уже не было никакой нужды – предпочитаемый массовым потребителем уровень мог быть легко достигнут любым «профессионалом», каковы бы ни были его литературные способности. Сама писательница, видимо, хорошо осознавала свою зависимость от внешних условий, налагаемую на ее творчество требованиями избранной профессии и сковывающую ее стремление к литературному совершенству. Помимо всех прочих требований к тексту, он еще и должен был быть приемлемым в коммерческом отношении, а совместить все эти качества в одном тексте удавалось далеко не всегда, хотя умение писать так, чтобы высокое литературное качество не отталкивало привыкшую к примитивной белиберде основную массу читателей, можно, наверное, рассматривать как одну из граней литературного таланта Кристи. В своих

⁴² Можно не без интереса прочитать три-четыре романа Найо Марш (особенно если выбрать их из числа тех, что публиковались в довоенный период), но усердное чтение – от корки до корки – ее обширного собрания сочинений может отбить у читателя всякую охоту знакомиться с творчеством любой из писательниц, рекламируемых в качестве соперниц (или наследниц) Агаты Кристи.

автобиографических книгах «королева детектива» не касалась этой скользкой темы, обычно тщательно избегаемой в среде профессиональных литераторов, однако в романах она неоднократно высказывается по этому поводу, и ее претензии к бестолковой «публике», которая готова «схватить» всё что угодно, кроме настоящей литературы, выражены весьма недвусмысленно. Я уже приводил цитату из романа «Карты на столе», одна из героинь которого – Ариадна Оливер – упрекает читателей, чья тупость не дает хорошей писательнице проявить свой литературный талант в полную силу. Используемая Кристи весьма прозрачная маскировка ни в коей мере не скрывает истинного автора таких упреков, однако позволяет писательнице откеститься – при необходимости – от обвинений в неуважении к «почтенной публике», которая – как прямо заявляет действующая в романе alter ego писательницы – в массе своей представляет абсолютно невежественных в литературном отношении потребителей чита, ни в какой *литературе* совершенно не нуждающихся, но при этом задающих правила игры. Такова механика литературной индустрии, и всякий согласившийся на участие в этом производственном процессе вынужден с ней считаться: во многих случаях он не может сделать свою книгу лучше, поскольку ее улучшение могло бы уменьшить его собственные гонорары и доходы его издателей. Таким образом, мы приходим к выводу, что, как правило, профессионализация творчества, понимаемая как подчинение творческого процесса житейским интересам творца и как экономическая зависимость литератора от результатов своей работы, существенно ограничивает творческую свободу писателей и мешает им в достижении тех вершин, которых они могли бы, вероятно, достичь при более благоприятных условиях работы.

В своем сравнении джентльмена-любителя и специалиста профессионала я с самого начала уклонился в обсуждение примеров, взятых из области литературного творчества. Но ровно то же самое можно было бы сказать об ученых, занимавшихся разнообразными исследованиями в эпоху Шерлока Холмса с Ватсоном⁴³, философах, художниках⁴⁴, композиторах, путешественниках, открывавших и исследовавших новые земли, изобретателях, да и всех прочих, чья деятельность не настолько шаблонна и проста, чтобы ее результаты можно было измерить метрами, килограммами или штуками продукции. Мы можем сказать, что в своем предпочтении «любителя» народный разум нисколько не заблуждался: кардинальное преимущество деятеля этого типа состоит в том, что его цель заключается в том самом деле, за которое он берется из любви к нему, в то время как человек, берущийся за аналогичное дело из стремления получить некоторую материальную выгоду (заработок и тому подобные блага), рассматривает свое дело лишь как одно из обстоятельств, в которых ему приходится действовать. Цель деятельности «профессионала» лишь косвенно (и часто очень слабо) связана с выполняемой им функцией, поскольку она сама, в сущности, не интересует, деятеля этого типа – его интересует размер дохода от нее, а сама она представляет собой издержки производственного процесса. С его рациональной точки зрения,

⁴³ В более поздние времена (не говоря уже о наших) ситуация в науке радикально (хотя и не в одночасье) изменилась, и на первый план в ней вышли деятели, организованные в крупные иерархически устроенные научные структуры, а научное творчество мало-помалу превратилось в рутинную работу под руководством маститых специалистов, для которых научная профессия служит источником материальных благ и обеспечивает достаточно высокий социальный статус. Для удовлетворяющих свою любознательность джентльменов места в науке практически не осталось. Сегодня каждый может полюбоваться, к чему постепенно привела науку эта сукцессия «профессионалов», поинтересовавшись состоянием дел и уровнем выпускаемых научных трудов в любом университете: хоть в Университете дружбы народов, хоть в Сорбонне. А то ли еще будет, ой-ё-ёй!

⁴⁴ Именно интересующее нас сравнение скромного «любителя» и процветающего «профессионала» было положено Гоголем в основу сюжета его известной повести «Портрет»: «дух наживы» (понимаемый автором как дьявольское наваждение) и готовность подчинить свое творчество материальному интересу лишили героя повести возможности стать серьезным художником и добиться в своей деятельности выдающихся результатов.

процесс тем эффективнее, чем больше доходы от него и чем меньше он требует трудозатрат. Но в таком случае конкуренция между профессионалами неизбежно ведет к тому, что преимущество получают те деятели, кому удастся свести свои «издержки» до минимума, а те, кто пытается наряду с получением дохода поддерживать высокий уровень качества, теряют свои позиции и вытесняются из этой сферы деятельности. Если в отрасли дело доходит до господства «профессионалов», стремящихся максимизировать свои доходы и конвертировать свои профессиональные знания и способности в материальные блага, итогом будет засилье разномастного жулья и разного рода махинаторов – никакого другого варианта развития здесь не предусмотрено (в чем, наверное, и убедился к концу своей деятельности упомянутый выше профессор Уисдом). «Попса» неминуемо вытеснит из сознания публики классическую музыку (вплоть до полного исчезновения всякой общественной памяти о ней), как «мягкое масло» вытеснило из нашего обихода традиционный продукт, когда-то носивший название «сливочного масла»⁴⁵. Только доминирование в обсуждаемой области деятельности тех, кто заинтересован в деле как таковом и в максимально высоком качестве результатов, может предотвратить такое сползание с уже достигнутого уровня и засорение отрасли теми деятелями, пресловутый «профессионализм» которых исчерпывается навыками держать нос по ветру, находить общий язык и устанавливать деловые контакты с распорядителями кредитов, направляя денежные потоки в свою сторону. Отсутствие же контроля со стороны любящих свое дело бескорыстных деятелей неминуемо ведет к перерождению любого профессионального сообщества в мафиозную структуру, которая, как и положено злокачественному новообразованию, высасывает соки из общественного организма и растрчивает его ресурсы, ничего не давая ему взамен.

Покончим на этом с несколько затянувшимся сравнением «любителей» и «профессионалов». Не жалея усилий и рискуя утомить читателя, я старался во всех деталях и с максимальной доступной мне убедительностью показать, что укоренившиеся в предшествующие эпохи предпочтение, отдаваемое «джентльменам-любителям», имеет под собой солидное и вполне рациональное основание. Как бы ни были справедливы претензии, предъявляемые профессором Уисдомом раздражающим его «любителям» (ясно, что у них, рассматриваемых как тип деятеля, должно быть множество слабых мест и недостатков – а у кого их нет?), тем не менее, взглянув на дело с удаленной точки зрения, откуда уже не различимы и, следовательно, не заслоняют обзор, бесчисленные подробности и разного рода дразги, из которых на девяносто процентов состоит повседневная жизнь «любителей» и «профессионалов», мы должны, как мне кажется, признать, что те сферы деятельности, достижения которых считаются самыми яркими и впечатляющими плодами европейской цивилизации, созданы трудами «любителей», а переход их в руки «профессионалов» очень быстро – на протяжении двух-трех поколений – привел их в то печальное состояние, которое мы наблюдаем сегодня и которое уже невозможно скрыть от посторонних глаз.

8

Теперь нам надо достаточно подробно разобраться со специфическим понятием *честной игры* (fair play), составляющем, как указывают все авторы, важную часть внутреннего самоощущения джентльмена. Нет нужды доказывать, что понятие честности, честного отношения к делу и к тем, с кем имеешь дело, вовсе не исключительная особенность словаря джентльменов и возникло оно, как общечеловеческое понятие, задолго до того, как появился и сформировался этот слой

⁴⁵ См. об этой происходившей на глазах нашего поколения эволюции в моей старой статье «Дело о “детективе без берегов” (Вольский Н.Н. Легкое чтение. Работы по теории и истории детективного жанра. Новосибирск: Издательство НГПУ, 2006, с. 173-277).

английского общества. И в этом смысле истинный джентльмен так же честен, как и любой добропорядочный обыватель, независимо от того, какое положение в обществе он занимает: ни воровать, ни подделывать счета, ни приписывать себе чужие заслуги он не должен, а иначе с какой бы стати ему претендовать на звание честного человека. Однако в отношении джентльмена к этой общечеловеческой добродетели есть один немаловажный нюанс. Для большинства из нас требование честности в поступках представляется как некое правило (разветвленный свод правил), налагаемое на наше поведение извне: как внешний, задаваемый обществом и традицией регулятор нашего поведения. О честности/нечестности речь заходит лишь в тех (правда, отнюдь не редких в нашей жизни) случаях, когда наше желание, стремление к некоторой выгоде или, напротив, потребность избежать какого-то ущерба и неприятностей наталкивается в своем осуществлении на признаваемый нами моральный запрет: я бы хотел сделать нечто, чтобы получить желаемое, но *Десять заповедей* или иные значимые для меня моральные нормы осуждают подобные поступки, как неприемлемые для честного человека. И в каждом из этих бесчисленных случаев перед каждым человеком, еще не окончательно махнувшим на себя рукой, встает дилемма: поддаться соблазну или отказаться от желаемого и остаться честным человеком. Многократно повторяясь, соблюдение моральных ограничений и выбор честных поступков превращаются в моральную привычку, без наличия которых у подавляющего большинства людей невозможно существование никакого общества.

Ясно, что аналогичный моральный императив есть и у джентльмена, но его функционирование у рассматриваемого человеческого типа имеет существенную особенность, которую вряд ли можно связать с другими слоями общества. И дело здесь не в том, что свод моральных норм, которыми должен руководствоваться джентльмен имеет свою специфику (более того, он изменяется от эпохи к эпохе). Ведь то же самое можно сказать и о других социальных стратах. Речь идет о его принципиальном отличии в этом отношении от всех прочих «неджентльменов», какими бы своеобразными представлениями о поведении честного человека они ни обладали. Суть этой – можно сказать, уникальной – особенности морального поведения джентльмена сводится к тому, что представители этого слоя гораздо реже сталкиваются с ситуациями, в которых присущие им моральные нормы вступают в конфликт с устремлениями джентльменов и с их неудовлетворенными желаниями. При этом я вовсе не хочу сказать, что истинному джентльмену неведомы разнообразные человеческие соблазны, – вероятно, и в этом отношении они не слишком отличаются от нас с вами – однако спектр таких соблазнов, их частота и интенсивность должны быть, надо полагать, заметно уже и ограниченнее. Действительно, джентльменом, по определению, можно считать лишь того, кто материально обеспечен и чей экономический базис фактически не зависит от его поведения – в своих поступках он не руководствуется стремлением к выгоде, потому что общество в любом случае обязано удовлетворять его потребности. Несколько утрируя, можно сказать, что джентльмен имеет всё, что ему требуется, а потому и не должен об этом заботиться. Пусть он зачастую далеко не так богат, как многие другие, не принадлежащие к слою джентльменов, но на то он и истинный джентльмен, чтобы не делать из этого проблемы. Помимо этого – и это очень важно – джентльмен независим в своем поведении и никому во всём свете не подотчетен, а следовательно, у него и не может возникнуть желания в чем-то солгать или не признаваться в каких-то своих поступках, чтобы избежать наказания со стороны вышестоящих лиц. Конечно, стремление к материальным выгодам и страх наказания далеко не исчерпывают причин нечестных поступков, но трудно сомневаться, что среди «неджентльменов» эти мотивы значительно преобладают над всеми прочими. И если это так, то мы приходим к выводу, что у джентльмена – просто в силу его статуса – гораздо меньше причин быть нечестным по сравнению со всеми прочими, какое бы положение в обществе они ни занимали.

И еще один – возможно, самый важный – элемент самоощущения джентльмена, связанный с его честностью/нечестностью. Совершив из корысти или из страха перед

общественными карами какой-то нечестный поступок, джентльмен, как и все мы, должен, по-видимому, страдать от угрызений совести, укоряющей его за нестойкость к соблазну. Но помимо этого, как мне представляется, его должно мучить сознание того, что в данной ситуации он оказался «неджентльменом», – ведь у истинного джентльмена соблазны подобного рода и возникнуть не могут. Будь он, как истинный джентльмен, самодостаточен и независим от чужих суждений, у него просто не было бы потребности, толкнувшей его на этот аморальный поступок. С этой не присущей никому кроме истинных джентльменов точки зрения, допущенная им нечестность стала бы свидетельством его неджентльменства, отсутствия у него законного права считать себя принадлежащим к данному привилегированному слою, доказательством необоснованности его привычных представлений о себе как об избранном, как одном из тех, про кого сказано: «вы – соль земли»⁴⁶. Поскольку подобные представления о себе образуют глубинный фундамент личности джентльмена, уже одно это должно быть серьезнейшим препятствием для соскальзывания субъекта на нечестный путь. Если, конечно, он – истинный джентльмен, а не просто изображает из себя такового.

Оставим теперь в стороне бытовые делишки джентльменов и ограничимся их поведением в рамках того любимого дела, которому джентльмен посвящает свой досуг и львиную долю своих трудовых усилий, выступая в качестве «джентльмена-любителя». Можно ли предположить, что в этой деятельности он будет способен поступить нечестно? Такой ход мысли сразу приводит к вопросу: а зачем ему это? чего он может достичь, вступив в конфликт со своим моральным императивом? Даже если мы возьмем в качестве примера «любителя» не благородного высокообразованного и обладающего утонченными манерами джентльмена, а обычную домохозяйку, любящую и умеющую печь вкусные торты, то наш вопрос о мотивах подозреваемой нечестности остается в силе. Станет ли такая хозяйка, гордая своими кулинарными талантами и желающая порадовать родных и гостей выставленным на праздничный стол шедевром кондитерского искусства, заменять сливочное масло на какое-нибудь пальмовое? С какой стати? Чего она может таким маневром добиться? В то же время, если она будет производить торты на продажу, у нее всегда будет соблазн использовать в своем деле суррогаты – это, конечно, нечестно, но существенно увеличивает доходы. При определенных обстоятельствах она, несмотря ни на какие свои моральные принципы, будет просто не в состоянии противостоять такому соблазну. Если многие другие пользуются подобными способами снижения себестоимости продукции, ей, в конечном итоге, либо придется бросить свое занятие, либо успокаивать свою совесть соображениями, что она ничем не хуже всех других профессионалов-кондитеров.

Но точно ту же логику можно применить и к работе ученого. Если джентльмен-любитель взялся за некую исследовательскую работу, потому что ему нравится такая возня с пробирками и микроскопами, и он не хотел бы заниматься чем-то иным, а получаемый им оклад для него лишь второстепенное обстоятельство при выборе сферы деятельности, то можно ли ожидать, что он станет подделывать результаты? Зачем ему это? Чего он может добиться, переправляя циферки в своем рабочем журнале или публикуя еще не проверенные и плохо состыкованные друг с другом данные, кроме того, что он такими действиями изгадит и обесценит работу, на которую положил

⁴⁶ До какой-то степени (с поправкой на русские реалии) это самоощущение можно сравнить с высказываниями Ильи Ильича Обломова, которого больно уязвило замечание Захара, уподобившего своего барина неким неопределенным «другим», делающим то-то и то-то:

«— Да ты подумал ли, что такое *другой*?

... Я «другой»! Да разве я мечусь, разве работаю? Мало ем, что ли? Худоцав или жалок на вид? Разве недостает мне чего-нибудь? Кажется, подать, сделать — есть кому! Я ни разу не натянул себе чулок на ноги, как живу, слава богу! Стану ли я беспокоиться? Из чего мне? И кому я это говорю? Не ты ли с детства ходил за мной? Ты все это знаешь, видел, что я воспитан нежно, что я ни холода, ни голода никогда не терпел, нужды не знал, хлеба себе не зарабатывал и вообще черным делом не занимался. Так как же это у тебя достало духу равнять меня с другими?»

(Гончаров И.А. Обломов. / Гончаров И.А. Собрание сочинений. В томах. Т. 2. М.: , с.)

столько усилий? Какой у него можно предполагать рациональный мотив, заставивший его свернуть на нечестный путь?⁴⁷ С другой стороны, всякий, чьим основным мотивом является получение от работы неких доходов, может (и должен) вызывать определенные сомнения в отношении его научной честности (главное, тут, конечно, не пересаливать в своей подозрительности). Не потому, что он таков – мы ведь, знакомясь с его опубликованной работой, ничего, как правило, не знаем о нем самом – а потому, что такова ситуация, в которой он находится. Условия научной работы и нормы, установившиеся в далеком прошлом, когда наука была делом любознательных джентльменов, дают серьезные преимущества тем, кого вопросы скрупулезной честности и достоверности публикуемых данных нимало не беспокоят и кого, следовательно, надо было бы на пушечный выстрел не подпускать к научным исследованиям, – однако именно они, пользуясь своими преимуществами, и захватывают ведущие позиции в научной иерархии, диктуя остальным, как надо себя вести, чтобы добиться успеха и соответствующих ему доходов⁴⁸. Исследователя, настроенного честно работать, но невольно втянутого в конкуренцию с *другими*, всё время подстерегает соблазн что-то подправить и приукрасить в полученных результатах, что-то скрыть из не согласующихся с выводами данных и выдать желаемое за действительное, чтобы не быть вытесненным из этих «крысиных гонок» и по-прежнему получать солидные гранты, публиковаться в имеющих высокий импакт-фактор журналах и, вообще, не оказаться за пределами сегодняшнего «мейнстрима», не попасть в число никому не известных «лузеров». Сама ситуация неустанной конкуренции за имеющиеся ресурсы и перенасыщение науки толпами людей, желающих урвать свою крошку пирога, неуклонно толкают ученых на путь фальсификаций, создание самых дичайших квази-научных «теорий» и «концепций», низкопоклонство перед очевидными прохвостами и бездарными ничтожествами, захватившими важные позиции в научной иерархии, и на прочие малопривлекательные и нечестные способы выживания и сохранения своих средств к существованию. Если полвека назад профессор Уисдом видел главного врага науки в бездарном и малограмотном дилетанте, с апломбом оповещающего мир о своих «научных открытиях», то ныне (предположив, что такие бесхитростные олухи еще встречаются в природе) подобных «ученых» следовало бы отнести к самым безобидным представителям сегодняшней научной фауны. Бояться сегодня нужно совсем других, гораздо более опасных животных – как хищников, так и травоядных, чья совместная дружная активность явно не предвещает современной науке светлого, безоблачного

⁴⁷ Конечно, если немного поразмыслить, можно придумать и другие мотивы, не сводящиеся к получению материальных выгод. Ну, например: тщеславие, желание стать научной знаменитостью и блистать на высоких трибунах в свете юпитеров или добиться руководящего поста, чтобы командовать многочисленными сотрудниками с благоговением выслушивающими ваши мудрые мысли и ценные указания. Такое, наверняка, случается – ученые также не лишены разнообразных малопривлекательных страстишек, свойственных прочим социальным группам. Не стоит воображать, что все они как на подбор сплошные аскеты и схимники, не интересующиеся ничем кроме их любимых *нейтрино*, каких-то там *бозонов* или *клеток, ответственных за слуховую ориентацию американских тараканов*. В науке всякие люди есть. Однако в таких случаях у нас нет оснований считать «ученым-любителем» того деятеля, чьим главным мотивом поведения в науке являются стремления лишь косвенно связанные с сущностью дела, которым он занимается. По сути, он такой же «профессионал», как и те, кто рассматривает свои научные занятия, как источник дохода. Только профит его исчисляется в других единицах. Впрочем, два таких варианта мотивации часто совмещаются в одном и том же субъекте: типичный «маститый профессионал» не только ревностно печется о своих доходах, но и падок на лавровые венки и возможность возглавлять разного рода почетные президиумы.

⁴⁸ Как рассказывалось в старом анекдоте про Чапаева, герой, выяснив, что играющие с ним в карты джентльмены верят друг другу на слово и карт не проверяют, быстро сориентировался в обстановке, и «тут-то карта к нему и поперла».

будущего. Если считать, что какое-то будущее у этой сферы человеческой деятельности еще есть.

Можно только надеяться, что нарисованная выше картинка чрезмерно пессимистична и что, пытаясь описать основную тенденцию развития науки и научных учреждений, я излишне сгустил краски. Может, всё еще не так плохо, и в науке еще достаточно живых сил, чтобы справиться с подобными негативными тенденциями. Ведь многим настоящим ученым еще удастся активно и плодотворно работать в существующих условиях, не поступаясь принципами и не втягиваясь во всю эту квазинаучную чехарду, – и серьезные открытия делаются, и объем научных знаний продолжает расти. Но всё же всякий, имеющий какое-то отношение к экспериментальным исследованиям, должен, по-моему, согласиться, что атмосфера «крысиных гонок» и вытекающая из нее склонность к научной нечистоплотности и к фальсификации данных стали сегодня важными (а возможно, и определяющими) факторами научной жизни. Что же касается гуманитарных дисциплин, то их полный крах стал в последние десятилетия настолько очевидным, что оспаривать этот факт вряд ли кому-то может придти в голову.

Все вышеизложенные соображения вполне могут служить дополнительными аргументами в пользу обоснованности предпочтения, оказываемого публикой «любителям» по сравнению с «профессионалами», однако они касаются только общего для всех понятия «честности». По широко распространенному (и даже попавшему в советские анекдоты о Чапаеве) мнению, джентльмен безусловно честен (как мы выяснили, у него есть особые причины для этого), но ничего специфического в его честности нет – в этом он подобен любому порядочному человеку. Чисто «джентльменская» специфика появляется лишь тогда, когда речь заходит не о *честности*, а о *честной игре*. И с этим особым понятием нам стоит разобраться – оно, действительно, многое говорит о сущности *истинного джентльмена*.

9

Слово *игра* появляется в этом контексте в связи с тем, что всякую свою деятельность – от спорта и охоты на лис до археологических раскопок на Крите или наблюдения за спутниками Юпитера – джентльмен привык рассматривать как своеобразную игру. И действительно, в то время как все прочие, не попавшие в эту теплую компанию, смотрят на свою *работу* как на печальный результат первородного греха, обречшего человечество в поте лица добывать хлеб свой насущный, джентльмен поневоле видит в любой своей деятельности *свободную игру физических и интеллектуальных сил*, если использовать здесь известное выражение Маркса. Ведь он *не должен* (не обязан, не вынужден, не принужден) делать то, что он делает, а берется за эту деятельность в результате своего *свободного* выбора: ради удовольствия, которое ему доставляет это занятие, или из каких-то высших соображений, побуждающих его действовать на благо истины, справедливости или, предположим, красоты и вселенской гармонии. Если ему этого не захочется или надоест по ходу дела, он может бросить свои утомительные и наскучившие ему занятия, и переключиться на какое-то другое дело или вовсе ничего не делать, а сидеть в холодке под липой, попивая портвейн или чай с молоком⁴⁹. И при этом он – что главное в наших рассуждениях – не потерпит никакого материального урона, поскольку он занимался оставленным теперь делом не из выгоды, а лишь потому, что ему так хотелось. Вот это-то отличие между «надо» и «хочется» и составляет основной водораздел между привилегированным слоем «благороднорожденных», в силу своего происхождения избавленных от последствий Адамова греха, и всеми *другими*, над которыми продолжает тяготеть неумолимый рок, вынуждающий их ежедневно трудиться. И дело, конечно, не в самих по себе усилиях, затрачиваемых на ту

⁴⁹ К чему, вероятно, и приходило, в конце концов, множество джентльменов, решивших, что археологические раскопки не так уж и заняты, как это им показалось сначала.

или иную деятельность. Как среди джентльменов есть трудяги, готовые горы свернуть ради любимого занятия (ни малейшего удивления не вызывает рыбак-любитель, тратящий на поимку какой-нибудь паршивой форели столько времени и сил, сколько профессиональный рыбак не тратит, чтобы наловить полную лодку рыбы), так и среди вынужденных «работяг» можно встретить тех, кто умеет виртуозно отлынивать от дела при самых неблагоприятных для них обстоятельствах, да еще и слыть при этом усердными работниками. Дело, еще раз подчеркну, в мотивах деятельности.

Так вот, поскольку джентльмен в своем деле забавляется и играет, а не трудится, дабы получить за свои труды необходимые жизненные блага, и не «вкалывает» в надежде на увеличенную пайку, то для описания такой своеобразной *игровой деятельности*, которую, при взгляде извне, часто невозможно отличить от *трудовой активности* профессионалов и потребовалось особое понятие *честной игры*. Чтобы правильно понять сущность данного понятия, необходимо вспомнить, что интерес и увлекательность всякой игры зиждется на соответствии возможностей играющего с требованиями, которые предъявляет ему игра. Толстому, задыхающемуся при быстрых движениях ребенку вряд ли может показаться увлекательной игра в догоняшки, а вот шашки или склеивание моделей самолетов могут его и заинтересовать – они ему вполне по силам. С другой стороны, слишком заниженные требования также отбивают охоту к игре. Никто не назовет игрой раскладывание карт на две кучки (сюда красные, а сюда черные), в то время как складывание карточного домика – какая-никакая, а всё же игра. Для того, чтобы возбуждать интерес играющего, игра должна иметь не полностью predetermined исход. При удаче я могу выиграть, хотя для этого придется, вероятно, напрягать свои способности и прилагать значительные усилия, но и мои шансы на проигрыш должны быть вполне реальны – однако только в этих условиях игра может быть увлекательной. Ни слишком легкая, ни слишком трудная игра не могут доставить играющему истинного удовольствия. Если вы посредственно играете в шахматы, то нет смысла садиться за стол с гроссмейстером. Возможно, вы тем самым потешите свое тщеславие, но получить удовольствие от самого процесса шахматной игры вам, по-видимому, не удастся. Равно как и гроссмейстеру не доставит удовольствия выигрыш в этой партии, исход которой был заранее предreshен.

На подобных простейших соображениях и основывается представление о *честной игре*. В книге Оссовской этому понятию уделен лишь один абзац, и она чрезмерно ограничивает его применение, когда пишет:

«Поскольку джентльмен действует в обстановке соперничества, для него особенно важны принятые в этом соперничестве 'правила честной игры'. Они, как известно, запрещают пользоваться слабостью противника, бить в спорах по его заведомо уязвимым местам».

Однако уже в следующем предложении она переходит на гораздо более широкую и близко подходящую к нашим рассуждениям трактовку этого понятия, хотя и не меняет своей исходной, привязанной к соперничеству формулировки:

«Джентльмен считает ниже своего достоинства удить рыбу на закате солнца или стрелять в сидящую птицу: слишком уж это легкая добыча»⁵⁰.

А еще дальше она цитирует, в качестве образца джентльменского поведения, роман А.Моруа, герой которого сообщает, что при рыбной ловле он предпочитает иметь дело с лососем, не сдающимся без борьбы. Ясно, что было бы странно утверждать, будто упоминаемые джентльмены *соперничают* с птицами или с лососем, если не расширять безмерно смысл этого слова. И намного понятнее и логичнее становится истинный смысл всех этих утверждений (включая и соперничество с реальными противниками в спортивных состязаниях, спорах и т.п.), если считать, что достоинство джентльмена требует достаточно высоко ставить планку, обозначающую уровень его притязаний в любом виде деятельности. Склонность удовлетворяться легким успехом (в том числе, победой над заведомо слабым противником) недостойна истинного джентльмена.

⁵⁰ Оссовская, цит. соч., с. 138

Другой автор, затрагивающий в своей книге данную тему, акцент в словосочетании «правила честной игры» делает на слове *правила*. Он пишет:

«... ключ к пониманию английской природы находится в словах 'правила игры', в той особой смысловой нагрузке, которую они несут на Британских островах. Англичанам присуще смотреть на нормы поведения как на своего рода правила игры. Спортивная этика служит стержнем их общественной морали.

...Заимствовав из спортивной этики такие понятия, как честная игра, командный дух, умение проигрывать, официальная мораль придала им характер моральных критериев, основ подходящего поведения.

...Осуждая тот или иной поступок, англичанин прежде всего скажет: 'Это не спортивно!' ...»⁵¹

А после такого вступления он обстоятельно рассказывает о законопослушности англичан, о соблюдении ими правил уличного движения, об их неуступчивости даже в мелочах, если речь идет о попытке получить нечто в обход правил и в порядке исключения и о тому подобных материях, иллюстрирующих царящее в британском обществе уважение к обязательным для всех правилам и одновременно исключительную чувствительность англичан к любому нарушению их индивидуальных прав и свобод. Англичане, по его словам, абсолютно не выносят жуликов, даже самых мелких, и крайне редко бывают к ним снисходительны, но точно те же требования они предъявляют и к самим себе. Вероятно, всё сказанное им вполне адекватно описывает отношение стандартных англичан к неукоснительному соблюдению «правил игры» и их нетерпимость ко всякого рода уловкам, попыткам получить необоснованные преимущества и прочим мелким жульническим приемам достижения успеха. Однако здесь не усматривается прямой связи между *честной игрой* и *этикой джентльмена*. Разумеется, джентльмену не пристало ловчить и выкручиваться, хотя бы потому, что в попытках такого рода он явственно продемонстрировал бы иллюзорность своих претензий на джентльменство. Но всё, о чем говорит Овчинников, может быть отнесено не только к обсуждаемому нами слою английского общества, но и ко всем порядочным людям, это общество составляющим. Никакой джентльменской специфики здесь нет, да автор и не упоминает о ней в данном разделе своей книги. Правда, он подчеркивает роль спортивной этики и спортивной терминологии в моральных суждениях англичан, тем самым связывая упоминаемые словосочетания со словарем и, соответственно, с этическими воззрениями джентльменов, которые на заре развития спорта были чуть ли не единственными спортсменами. И всё-таки истинная сущность *честной игры* при таком подходе к делу практически исчезает, она почти полностью растворяется в общем понятии *честности*.

Суть же честной игры заключается в том, что играющий не дает себе никаких поблажек и всегда выбирает вариант игры, не дающий гарантий успеха и требующий от играющего максимального напряжения сил и способностей. Как пелось в популярной когда-то песне: «И можно свернуть, обрыв обогнуть, но мы выбираем трудный путь...» Любая другая стратегия ведет, с точки зрения джентльмена, к нечестной игре, то есть к такой игре, в которой играющий заранее обеспечивает себе наибольшие шансы на выигрыш. Неважно, каким образом он этого добивается: выбирает заведомо более слабого противника, использует в споре «удары ниже пояса» (так сказать, аргументы *ad hominem*) или вставляет в свой изощренно построенный роман героиню-феминистку, чьи радикальные взгляды должны привлечь внимание «идуших в ногу со временем» критиков – что бы это ни было, в любом случае, он ведет себя недостойно джентльмена. Он нарушает правила честной, то есть бескорыстной – то есть единственно подходящей джентльмену – игры. Джентльмену может повезти в игре, а может не повезти, но он не может подталкивать шарик пальцем, чтобы тот побыстрее скатился в лунку, – любой, у кого появляется соблазн совершить нечто подобное, не вправе считать себя истинным джентльменом.

⁵¹ Овчинников, цит. соч., с. 317-319

Такой – можно сказать, спортивный⁵² – подход к делу легко объясним. Он вытекает из самой сущности джентльменства, как особой социальной категории. Если кто-то в своей деятельности ориентируется на результат, как на главную цель своих усилий, и старается дойти до этой цели кратчайшим и простейшим путем, то, глядя на его активность со стороны, мы должны сделать вывод, что это (результат) ему зачем-то *надо* – не будь у него нужды в результате, он бы и не стал предпринимать никаких действий, и, по-видимому, прекратит свои занятия, как только добьется желаемого. Однако такую деятельность, обусловленную нуждой в чем-то, чего человек еще не имеет, вряд ли можно считать игрой. Мотивация к игре, какой бы специфичной ни была эта игра, не представляет собой реакции на некий дефицит, на отсутствие чего-то, на фрустрированную потребность в чем-то конкретном. Наоборот, в основе любой игры лежит ощущение избытка – избытка жизненной энергии, свободного времени, дремлющих в душе способностей, ищущих для себя адекватной сферы, в которой они могут проявиться. Играющий не выбирает, *для чего* он будет играть, он ищет, *во что* он будет играть, какая игра будет интереснее и увлекательнее, то есть он рассматривает игру как самоцель, а не как средство достижения какой-то иной цели. И если это так (а это, разумеется, именно так), то достижение результата каким-либо обходным путем вовсе не должно увеличивать удовлетворенность игрой. Ведь цель играющего – сам процесс игры со всеми его перипетиями, опасениями и надеждами, срывами и удачами, а не результат как таковой, возможно, совсем и не нужный играющему и служащий ему лишь свидетельством того, что игра удалась и что он может по праву считать себя хорошим игроком. Если же, получив каким-то образом результат (так сказать, «без боя»), человек теряет интерес к игре, то можно быть уверенным, что для него это занятие было вовсе не *игрой*, а определенным *делом* (трудом), предпринятым с целью получить нечто ему требующееся⁵³.

И здесь мы должны вернуться к джентльмену с его специфическим понятием *честной игры*, под которой он понимает настоящую игру, то есть игру, соответствующую своему понятию, ту игру, которая не служит средством к чему бы то ни было – а ведь джентльмену ничего и *не надо*, у него уже всё есть, – игру, целью которой является она сама по себе. Поскольку джентльмен, по определению, избавлен от необходимости трудиться, то любое его занятие служит для него развлечением, и даже если ему придет в голову шить сапоги или учить крестьянских детей, как Лев Толстой, трудом (в полном смысле этого слова) такую деятельность считать нельзя. «Барин наш развлекается», – наверняка говорили окружающие, и были, в сущности, недалеко от истины, поскольку трудно предположить, что Толстому нужны были сапоги, которые он шил – да и носил ли он их? Конечно, это была своеобразная игра. Именно поэтому качество той или иной игры определяет не ее результат – он может быть и совершенно ничтожным в глазах играющего, – а сложность и непредсказуемость процесса игры, требующие от играющих наличия разнообразных способностей и навыков и значительного напряжения

⁵² Речь здесь, разумеется, не о нынешнем спорте, который нацелен на рекорды, звания, безумные по масштабам призы и известность среди миллионов идиотов-болельщиков. «Профессионализация» (за которую когда-то близоруко ратовал известный уже нам профессор) в сфере спорта уже практически завершилась, и всякий младенец, попавший в поле зрения какого-нибудь тренера, теперь оценивается с точки зрения его потенциальной спортивной производительности и продуктивности. Отсюда и соответствующие плоды: торговля «перспективными» спортсменами как живым товаром, почти неизбежное применение различных видов допинга, подкуп судей, олимпийских комитетов и всякого рода «отборочных комиссий» и почти полная коррупция всех, кто как-либо связан со спортивной отраслью.

⁵³ Я прекрасно осознаю, что во многих конкретных ситуациях провести точную границу между *игрой* и *делом* может оказаться трудной – а то и неразрешимой – задачей. Однако наши рассуждения и не претендуют на всеобщее практическое применение, для наших целей вполне достаточно того, что они принципиально верны и позволяют установить связь между самоощущением джентльмена и его представлениями о честной игре.

умственных и/или физических сил. Игра должна давать играющему широкие возможности для самореализации, для проявления своих способностей и талантов.

Следует также сказать пару фраз еще об одном аспекте деятельности джентльмена, на который редко обращают внимание и который тесно связан с активностью, понимаемой как свободная игра сил. Я имею в виду руководящую роль самого объекта, на который направлена такая активность, в процессе деятельности. Для ясности стоит воспользоваться конкретным примером. Зададимся вопросом: почему герой гоголевской повести, поддавшись соблазну обогащения и став профессиональным портретистом, быстро утратил свои недюжинные способности и опустился в своей деятельности до уровня посредственного ремесленника? Что ему помешало стать выдающимся художником? Очевидно, что главным препятствием на пути развития его дарований стала настоятельная необходимость учитывать при работе пожелания заказчиков и их представления о том, как они должны выглядеть на своих портретах. Именно такая уступчивость по отношению к его состоятельным клиентам и позволила Черткову стать модным и преуспевающим в коммерческом плане портретистом. Но она же мешала ему следовать в своей работе тем требованиям, которые предъявляла творцу создаваемая им картина. Как и во всяком творческом создании, в картине есть своя внутренняя художественная логика, проявляющаяся в ходе работы над полотном и обусловленная множеством разнообразных факторов и обстоятельств: особенностями модели, ее позой, композицией, освещением, выбранным цветовым решением, связанным с одеждой изображаемой личности и фоном, на котором она изображается, а также с массой других деталей, подробностей и нюансов. Главная составляющая таланта художника как раз и состоит в умении нащупать эту логику, почувствовать ее и в своей работе следовать тем путем, который она диктует, – только на этом пути у художника имеется шанс прийти к художественным открытиям и к эстетическому совершенству. Любая внешняя по отношению к этому процессу цель и любые добавочные требования, предъявляемые извне, могут только затруднить продвижение художника по этому пути, а то и вовсе заставить его уклониться от направления, требуемого самим объектом деятельности, то есть возникающим на холсте портретом. При этом объектом является не модель, не изображаемое лицо, а *изображение* модели – вот к его-то пожеланиям и должен прислушиваться художник, отменяя в сторону все прочие соображения и пожелания. Но может ли профессиональный художник, чьим приоритетом поневоле является его заработок и его профессиональный имидж, определяющий круг его клиентов, не обращать внимания на подобные побочные влияния, лишь изредка совпадающие с требованиями самого творения? Конечно, нет – в противном случае у нас не будет оснований считать его «профессионалом». Такое, независимое ни от каких обстоятельств поведение возможно только для «любителя», не преследующего в своей работе никаких иных целей, кроме стремления создать как можно более совершенное художественное творение. А любой профессионал вынужден либо полностью махнуть на требования объекта творчества, как это в конечном итоге сделал гоголевский Чертков (и бесчисленное множество реальных художников), либо искать какие-то компромиссы между требованиями объекта, с одной стороны, и требованиями тех многочисленных сил – упомянем только непосредственных заказчиков, «широкую публику» вообще, а также критиков и журналистов, чьими стараниями создаются художественные репутации, – от которых напрямую зависят гонорары художника, с другой стороны. Здесь в качестве примера мы можем воспользоваться уже разобранным выше случаем Агаты Кристи, которая хотя и не писала портретов, но в социальной позиции которой по отношению к потребителю создаваемых ею художественных ценностей можно видеть близкую аналогию той ситуации, в какой находился выдуманный Гоголем художник.

Случай Кристи хорош еще и тем, что демонстрирует талантливого и стремящегося к совершенству творца, который, оказавшись в зависимости от свойственных широкой

публике литературных вкусов, не выходящих за пределы эстетики бульварного романа⁵⁴, вынужден в своей работе как-то совмещать разноречивые требования и объекта деятельности и своих – широко понимаемых – работодателей. Видно, что позиция «профессионала» не полностью исключает возможность истинного творчества (достаточно вспомнить, что практически все великие художники прошлого были профессионалами), но она сковывает творческие потенции и создает существенные препятствия на пути того, кто всё время должен помнить, что творение, созданное им в порыве вдохновения, должно будет затем выставлено на продажу. И только беззаботному джентльмену-любителю дано право идти туда, куда указывает внутренняя логика объекта и куда *влечет его свободный ум*.

Ясно, что вышеизложенные соображения вовсе не ограничиваются деятельностью в эстетической сфере. Ровно то же можно сказать и о ситуации, в которой оказываются профессиональный ученый, модельер дамских нарядов, врач, искренне верующий служитель церкви, архитектор, инспектор отдела народного образования, журналист, адвокат, конструктор, разрабатывающий новые образцы кухонной мебели... короче говоря, всякий, чья деятельность не сводится к механическому следованию существующему шаблону или инструкции, а требует от работника изобретательного ума, специфических талантов и способностей, умения выбрать из массы возможных вариантов наиболее оптимальные и ведущие к разрешению проблемы, то есть требует некоторого творческого элемента в деле. Во всех таких случаях профессионал поневоле вынужден действовать с оглядкой на те условия, в которых ему приходится работать, и соразмерять свои творческие потенции с воздействием разнообразных факторов, не связанных напрямую с сущностью выполняемого дела, но значимо влияющих на профессиональный статус работника и на величину его профессиональных доходов. Всякий, работающий по найму или основывающий свое материальное благосостояние на доходе, получаемом в качестве «лица свободной профессии», так или иначе входит в некое сложное, иерархически устроенное, профессиональное сообщество и прямо или косвенно зависит от потребителей, нуждающихся в продукции данной отрасли производства. А следовательно, он должен внимательно прислушиваться к тем требованиям, которые предъявляет ему его окружение, независимо от того, способствуют ли они успешному разрешению возникающих перед ним проблем, или же они прямо преграждают ему путь в том направлении, в каком ведет его логика самого дела. Попытки совершенно игнорировать такие требования и недооценивать их важность, полностью отдаваясь сути дела, почти с неизбежностью повлекут за собой разрушение того экономического базиса, на котором покоится существование профессионала. А потому любой профессионал, ясно осознавая свою зависимую позицию, или просто действуя в соответствии с принятыми в профессиональной среде шаблонами, и в то же время желая делать свое дело как можно лучше, приучается идти на разнообразные компромиссы и искать разного рода обходные пути, позволяющие ему как можно меньше вредить делу и вместе с этим не нарываться на риск штрафных санкций, которые ожидают нарушителей существующих в данной среде конвенций и ведут к снижению его дохода. И только... – стоит повторить это еще раз – только джентльмены-любители и те редкие баловни судьбы, которым посчастливилось занять позицию, сходную с позицией занимающегося каким-то делом джентльмена, могут не обращать внимания на все эти иерархические градации, на принятые в среде профессионалов негласные договоренности, на мнения высокостатусных и влиятельных персон и на все их грозные санкции, а полностью

⁵⁴ Здесь, видимо, стоит сказать, что речь идет отнюдь не только о литературных пристрастиях малограмотного плебса. Большинство образованных людей того времени, включая и литературных критиков и работников издательств, в своих эстетических установках были не так уж далеки от горьковской Насти, искавшей в книгах душещипательные истории о «роковой любви». Наверное, то же самое можно утверждать и о значительной части слоя джентльменов, если учесть всеобщую популярность Эдгара Уоллеса и подобных ему авторов.

отдаваться сущности дела, которым любитель увлечен в данное время. Никто не может помешать джентльмену развлекаться так, как ему вздумается.

10

Покончив на этом с темой *честной игры* и связанными с ней вопросами (надо признать, раздел этот получился в моем изложении особенно обширным), мы можем перейти к рассмотрению еще одного аспекта внутренней мировоззренческой установки идеального джентльмена – а именно, его отношения к истине. Можно предположить, что для самих джентльменов эта деталь их внутреннего душевного устройства не представляет большого интереса, а потому про нее редко вспоминают. Но для нас она важна в связи с нацеленностью наших рассуждений на фигуру сыщика-джентльмена, имеющего дело с поиском истины, а потому нелишне уделить ей особое внимание в этих подготовительных рассуждениях о джентльмене, как таковом.

Сказать, что джентльмен, как он представляется нам в понятии, бескорыстный поборник истины, который только в исключительных обстоятельствах может решиться на грубое отклонение от воззрений, принимаемых им за истинные, – значит сказать слишком мало. Из этого высказывания мы практически не узнаём ничего ценного об интересующем нас человеческом типе. Ведь почти то же самое мы можем сказать и о любом честном человеке. Более того, любой не потерявший рассудка представитель рода человеческого, даже вконец изолгавшийся и способный, не сморгнув глазом, назвать черное белым, если видит в этом какую-то выгоду, даже такой прожженный лжец внутри себя не может не быть искренним поборником истины. Просто потому, что адекватное представление о реальности и знание истинного положения дел является единственным фундаментом, на котором может строиться поведение живого существа. Тот, кому неведомы истинные контуры реальности и кто руководствуется ложными представлениями о ней и какими-то иллюзиями, заслоняющими истину, не может успешно действовать в этом мире, и следовательно, такие существа не могли стать жителями Земли, а те неудачные экземпляры, которые недостаточно ценят истину, даже если и возникают время от времени, то моментально отпадают естественным отбором, как нежизнеспособные. Стремление к истине впаяно, можно сказать, в саму конструкцию живого.

Всё это так. И тем не менее можно обнаружить определенную специфику в отношении типичного джентльмена к истине – он обращается с истиной всё же несколько не так, как это привычно для большинства людей. И здесь нам желательно разобраться, в чем эта специфика состоит.

Обычный средний человек ценит истину именно за то, что обладание ею приносит очевидную пользу: она дает возможность сориентироваться в обстановке и принять оптимальное решение, предостерегает об опасности, позволяет прогнозировать будущие события и так далее. Любая деятельность человека требует знания определенного набора истин. Однако нужные – полезные данному конкретному человеку – истины составляют лишь каплю в океане других истин, которые, несмотря на всю свою истинность, ни малейшей пользы ему принести не могут. Даже тот, в общем-то небольшой, объем знаний, который у меня есть, состоит в значительной степени из истин, не приносящих и не могущих принести мне никакой пользы. Какой мне толк в знании одиннадцати знаков после запятой числа π (когда-то в детстве я выучил мнемонический стишок и, как ни удивительно, помню его до сих пор)? Где и как я могу эту истину использовать? В чем она может мне пригодиться? Я могу себе представить, что существуют какие-то люди, которым эта истина требуется для неких целей, но мне-то она зачем? И точно то же я могу сказать о множестве других застрявших в моей памяти истин: будучи несомненно истинными, они совершенно для меня бесполезны – я мог бы и не обладать ими безо всякого ущерба для себя.

Но ровно то же можно сказать и о читателе, да и вообще о любом из тех, с кем мы встречаемся на каждом шагу. Все мы – такие, и у каждого в памяти хранится множество

истин, полезность которых для нас либо весьма гипотетична – трудно сказать, какие знания могут нам неожиданно понадобиться, – либо очевидно равна нулю. Однако даже те знания, которыми мы можем как-то воспользоваться и отсутствие которых могло бы привести нас к определенным потерям, издержкам и неудобствам, далеко не равнозначны для нас в отношении их полезности. Если расположить все наши знания по степени пользы, которую они нам приносят (или могли бы принести в тех или иных обстоятельствах), то между полюсами безусловной полезности (куда, вероятно, следует отнести базовые сведения об устройстве мира, в котором протекает наша обыденная жизнь, профессиональные знания, используемые в трудовой деятельности, элементарные истины о нашем ближайшем окружении и т.п.) и абсолютной бесполезности (вроде тех одиннадцати знаков после запятой или названий самых крупных спутников Юпитера) обнаружится обширная область истин, незнание любой из которых ничем особенно ужасным нам не грозит, но и назвать которые вовсе бесполезными было бы несправедливо. Выше я сказал, что истины, приносящие пользу человеку, лишь капля в океане истин, ему бесполезных. Но такая констатация возникает лишь при взгляде с абстрактной, удаленной от нашей реальной жизни точки зрения. Если же взглянуть на это дело изнутри пресловутой «капли», то впечатление будет совершенно иным, и эта капля окажется безбрежным морем истин, попытка просто составить список которых заняла бы у нас долгие годы.

Среди этой массы «слабо полезных» и «условно полезных» истин (сведений, знаний) можно выделить область знаний – практически не структурированную и имеющую расплывчатые очертания без определенных границ, но весьма важную для нашего существования, – которую можно было бы обозначить как «базовый индивидуальный тезаурус». Содержание этого «тезауруса» значительно варьирует от человека к человеку, и многие его элементы могут быть утеряны без особого вреда для его носителей – следовательно, отбор сведений, попадающих в эту индивидуальную «копилку знаний» в значительной степени случаен, и соответственно, сведения, составляющие индивидуальный вариант такого тезауруса, до некоторой степени взаимозаменяемы и могут выполнять одну и ту же функцию, несмотря на заметные различия между ними. Несмотря на разношерстность и хаотичность этого набора сведений и на проблематичность пользы, приносимой нам каждой из этих истин (так и хочется снабдить это слово кавычками, подчеркнув предельную условность такого термина в контексте данного высказывания), трудно переоценить важность всего тезауруса в целом для наших отношений с другими людьми и для нашего самоопределения в многообразном и беспредельном мире. Мы находим себе подобных среди всех прочих людей, тестируя их индивидуальные тезаурусы и сравнивая их со своим собственным. Если совпадение достаточно полное и наши тезаурусы в значительной степени перекрываются, мы относим такого человека к категории «своих», близких к нам по многим параметрам индивидуумов. Ясно, что общение со «своими», с «нашими» проще и устойчивее. Они понятнее и предсказуемее, чем другие – «чужие», далекие от нас самих по воспитанию, привычкам и ценностям – люди. От «своего» не ожидаешь каких-то необычных реакций, он понимает тебя верно и с полуслова, ему не надо растолковывать простейшие для тебя вещи – он во многом такой же, как ты. И не важно, что многие из этих «своих» – люди противные, тупые, вредные и даже, может быть, отчасти опасные. По крайней мере, ты знаешь, как вступать с ними в контакт и чего от этих контактов ожидать. Они для тебя «прозрачнее», нежели «чужие», о которых ты не знаешь, чего о них и думать, поскольку они для тебя непроницаемы и загадочны. А посему лучше быть с ними осторожнее и свести контакты с ними до поверхностных, функционально обусловленных отношений – ведь неизвестно, как такой чужак может истолковать любое твое, самое банальное замечание и что он может воспринять, как нестерпимое оскорбление и обиду.

Каждый из нас ощущает себя одновременно принадлежащим к самым разным человеческим общностям. Когда кто-то употребляет в своей речи или в мыслях местоимение «мы», это может означать: «мы – мужчины», или «мы – русские», или «мы – образованные люди», или «мы – европейцы», или «мы – советские женщины» и так

далее и так далее. И каждая такая общность предполагает наличие в памяти ее членов особого – хотя и не точно определенного – набора истин, свойственного членам этой общности. Мы – русские – это те, кому известны Колобок, Незнайка, Александр Невский, Татьяна Ларина, Высоцкий и адмирал Нахимов (естественно, всё это – персонажи, первыми пришедшие мне в голову, можно было бы назвать и совершенно других из того же ряда). Мы потому русские, что знаем, зачем нужен самовар, как играют в городки и каков смысл выражения «стоять на стрёме». Но мы одновременно считаем себя и «европейцами», потому что представляем себе, кто такие Зевс, Юпитер и Геракл, знакомы с историями Красной Шапочки, Дюймовочки, Мориса-мустангера, капитана Немо и прочих мифических и литературных героев, знаем (в общих чертах), кто такие Робеспьер, Черчилль и Эдит Пиаф, а некоторые помнят даже, в какой стране находится Лиссабон и что такое Акрополь.

На первый взгляд может показаться странным, что такие малозначащие, необязательные (если брать их по отдельности) «истины», сваленные, грубо говоря, в кучу, могут служить основой для самоидентификации человека и в значительной мере определять его отношения с другими людьми. Но в своей сущности такой подход опирается на вполне рациональное основание. Так как основная масса сведений и знаний, о которых мы говорим, получена нами без каких-либо специальных усилий с нашей стороны – из разговоров, детских сказок, книг, газет, кинофильмов, телепередач и тому подобных обыденных источников информации, – то общность индивидуальных тезаурусов свидетельствует об общности условий, в которых выросли и живут сопоставляемые индивиды. Значит им рассказывали одни и те же сказки, одному и тому же учили в школе, они ходили в одни и те же библиотеки и кинотеатры, пели под гитару любимые в их кругу песни, впитывали одни и те же стандарты поведения, они обсуждали со своими приятелями одни и те же проблемы, рассказывали друг другу анекдоты и обменивались мнениями об услышанном, увиденном или прочитанном, но именно благодаря схожести своих жизненных историй, сходства впитанных из общего окружения привычек и оценок они и ощущают совместную принадлежность к некому общему «мы». Именно поэтому они чувствуют себя более спокойно и уверенно среди понятных и привычных «своих».

Здесь, вероятно, стоит сказать, что, именуя те наборы сведений, о которых только что говорилось, «истинами», мы во многих случаях не можем претендовать на точность такой характеристики. В каком смысле можно утверждать «истинность» наших знаний о мифологических и литературных персонажах, составляющих существенную часть таких тезаурусов? Если в случае героев популярных книг и кинофильмов мы можем хотя бы говорить об адекватности наших представлений содержанию соответствующих произведений⁵⁵, то, что мы имеем в виду, когда говорим о своем знакомстве с Бабой-ягой, Василисой Премудрой и Кощеем Бессмертным? «Истинность» наших высказываний о таких персонажах – даже в чисто логическом смысле – можно истолковывать самым различным образом. Однако почти те же сомнения можно испытывать и по отношению к общеизвестным «истинам», составляющим наши представления о реально существовавших исторических личностях. Если наши представления о «самоваре» художественно соответствуют реально существующему классу предметов, и их адекватность можно проверить, сравнив их с натуральным самоваром, то можно ли говорить об адекватности предмету, и соответственно, об «истинности» представлений об Александре Невском, свойственных *всем нам, русским людям*? Что, собственно говоря, знает об этом средний *наш человек*? Что-то вроде: святой благоверный князь разгромил на льду

⁵⁵ Однако даже такие утверждения зачастую будут слишком категоричными. Ведь у каждого читателя есть свое представление об Онегине, Печорине или Жаке Паганеле. Кто-то может считать Онегина душкой и образцом для подражания, а кому-то он представляется напыщенным хлыщом и эксплуататором трудового народа. И это, еще не считая тех, кто познакомился с данным персонажем, слушая арии из оперы Чайковского. Трудно сказать, какое из этих представлений «истинное», а какое «ложное».

Чудского озера войско злобных псов-рыцарей, благодаря чему спас нашу родину и нашу православную веру от угрожавшего им погибелью нашествия тевтонских полчищ, а затем прокомментировал результат этой судьбоносной битвы знаменитыми словами: «Кто с мечом к нам придет...» Насколько истинны в историческом смысле эти расхожие мнения, понять не так-то просто. Пусть некоторым известно, что памятные всем слова вложил в уста князя посредственный литератор Петр Павленко, создававший вместе с Эйзенштейном сценарий фильма, который вышел на экраны в 1938 году (через 700 лет после знаменитого сражения), но обо всём-то остальном, что можно сказать? Было ли оно вообще – это пресловутое *Ледовое побоище*, все сведения о котором восходят к Новгородской летописи, создаваемой, вероятно, под благосклонным патронатом самого князя-победителя, а прочие упоминания этого сражения отделены от него десятилетиями и веками? где и как оно происходило? какую роль сыграла победа в нём (если оно действительно было) для защиты русских земель? и так ли уж было опасно для русских всё это «тевтонское нашествие»? да и был ли князь настолько уж благоверным и святым, как это сейчас утверждается: не с него ли начинается сползание русских земель в пучину многовекового отставания от Западной Европы? – обо всем этом историки спорят уже долгие годы (на то они и ученые, чтобы спорить), и пока что никакого единства во взглядах на то, что истинно, а что ложно, между ними не намечается. Однако имеют ли подобные сомнения какое-либо серьезное значение для нас, принимающих, не особенно задумываясь, всё где-либо услышанное за истину? Вряд ли. И дело не в нашем легковереии и готовности принять любую ахинею за правду, если она – ахинея – приятно ласкает наше национальное самолюбие. Ведь в отношении многих других истин мы далеко не так податливы на чьи-то уверения и зачастую обнаруживаем здоровый скептицизм, услышав рассказы о счастье, которое нас ожидает, если мы закопаем свои денжки в какой-нибудь «Алиса-банк».

Дело здесь в другом – в том, что в этом и в подобных случаях нас интересует вовсе не *истина* как таковая, а *польза*, которую приносит нам вера в утверждения, широко распространенные среди нашего окружения. Несколько утрируя, можно уподобить наши знания такого рода знанию пароля, позволяющего нам опознавать *своих* и самим быть опознанными в качестве действительных членов некоторой общности. Истинность утверждения *широка страна моя родная*, используемого нами для того, чтобы опознать лиц, живших и воспитывавшихся в одной с нами жизненной среде, никак не связана с адекватностью этого утверждения свойствам страны, в которой мы жили. Предположим, что относительно *лесов, полей и рек* адекватность географическим условиям нашего проживания налицо, но вот относительно *вольно дышит человек* – нет причин сомневаться, что налицо банальное вранье, бывшее очевидным как для пишущего, так и для слушавших эту песню. Однако ни истинность, в обычном понимании слова, ни ложность таких утверждений не ставят под вопрос наше знание пароля, и в этом смысле наше знание о Бабе-яге или об Александре Невском истинно – оно адекватно тем утверждениям, которые циркулируют в *нашей* жизненной среде.

В этом же смысле придется признать «истинными» (верными, правильными) и те сведения о «салтане Махноте турецком» и о «людях с песьими головами», которые сообщает странница Феклуша своим слушательницам. Именно это и надо было им знать, чтобы быть *своими* среди тех *истинно русских православных*, которые населяли уездный город Калинов. Тот, кто этого не знал, рисковал быть воспринятым как неуч, невежда, темный, оставшийся в стороне от просвещения дурень, а то и как нехристь, диссидент, франкмасон, подозрительный и не внушающий доверия субъект. С такими надо быть очень осторожным, а лучше и вовсе с такими не водиться. Как говорят, дурную траву с поля вон. И то же самое можно сказать о содержании любых мифов и народных суеверий. Древний грек не мог не знать, из чего состояла шевелюра Медузы Горгоны, – такого дремучего невежества можно было ожидать только от деревенских дурачков или от варваров, еще прозябающих во мраке своих диких верований (про которые греку и знать-то неприлично) и не поднявшихся на уровень истинного знания о вещах. В то время

как выросший в русской деревне, несомненно, обладал бесспорным знанием о происхождении и привычках русалок – иначе и быть не могло.

Разумно предположить, что такой подход к делу основывается на практическом отождествлении *истины* и *пользы*. Истина полезна, поскольку обладание ею позволяет нам оптимально налаживать свои взаимоотношения с окружающим нас миром. И только то, что может оказаться полезным (нам лично или кому-то еще), имеет право называться настоящей *истиной*. Даже признав (сквозь зубы), что существуют формально истинные утверждения, от которых невозможно ожидать какой-либо – пусть самой минимальной – пользы, большинство людей не склонно уважительно относиться к такого рода «истинам» и признавать их равенство с *настоящими истинами*. И действительно, зачем нам знать, что лестница в доме 2216 по Бейкер-стрит состоит из семнадцати ступенек? Пусть это знание истинно – что толку от такой истины? Любой из нас может, не выходя из собственной квартиры, нафабриковать целую кучу таких «истин», но зачем? И можно ли считать такую, с позволения сказать, «исследовательскую активность» реальным процессом познания? Ведь это не серьезное занятие, подобающее взрослому разумному человеку, а какие-то детские игрушки, которые можно оправдать лишь в том случае, если ими увлекается малыш, только-только научившийся считать до двадцати. Но, если мы вынесем за скобки бесполезные истины (как нечто несерьезное и не заслуживающее внимания), то истина и польза оказываются жестко спаянными: истина – это то, знание чего может быть полезным, и наоборот, знание, которое может быть полезным, – истинное знание, то есть истина. Вот такой своеобразный прагматизм, уравнивающий истину с приносимой ею пользой. И во многих случаях такая установка вполне себя оправдывает.

Продолжив наши рассуждения относительно «квази-истин», обеспечивающих нам распознавание «своих» и «чужих», мы можем сказать, что они не только выполняют функции *пароля*, известного только *нашим людям*, но и могут рассматриваться как слова из специфического словаря, в который вошли термины и понятия *нашего диалекта русского языка*⁵⁶ – то есть те слова, которые в ходу у *наших*, но малоизвестны или даже вовсе не понятны тем, кто находится за пределами нашей общности. Не владеющий этим диалектом человек оказывается среди *нас* в положении иностранца, не способного к полноценному общению с туземцами, поскольку он не знает их языка. Но в подобных обстоятельствах выяснение того, кто такой *домовой*, что такое *Ледовое побоище* и чем славится *Махнут турецкий*, не только полезно при завязывании достаточно близких отношений с *нашими*, но и представляет собой приобретение истинных знаний о понятиях, используемых этими туземными *нашими*. Польза и здесь не расходится с истиной, какими бы чудовищно глупыми и фантастическими ни казались *наши* понятия при взгляде на них со стороны.

Таким образом, мы приходим к выводу, что большая часть известных нам истин обладает некоторой полезностью для нас. Даже те из них, которые мы не можем непосредственно использовать в своей повседневной жизни, могут приносить нам существенную пользу при общении с окружающими нас людьми. На те же знания, которые, несмотря на свою формальную истинность, для нас абсолютно бесполезны, и не рассматриваются нами как настоящие истины, мы большей частью просто не обращаем внимания, даже если случайно знакомимся с ними. Они не представляют для нас существенного интереса, поскольку не связаны с нашими текущими потребностями, с нашими опасениями и надеждами, и, получив такую истину в свое распоряжение, мы не знаем, куда бы мы могли ее приспособить.

Но не так относится к бесполезным истинам тот, кто считает себя джентльменом. Как бы парадоксально это ни звучало, но приходится констатировать, что истинному джентльмену подобает обращать свое внимание лишь на бесполезные, в обычном смысле слова, то есть неприменимые в повседневной жизни, истины. Разумеется, джентльмен, как и все мы, не чурается пользы, и, вероятно, не хуже всех прочих

⁵⁶ Вероятно, здесь правильнее было бы говорить о социолекте.

разбирается в том, что ему может оказаться полезным, а что нет. Можно, наверное, даже сказать, что, обращая свое внимание на бесполезные истины, джентльмен, как и другие люди – не-джентльмены – ищет некоторой пользы для себя, но пользы весьма специфической.

Сразу скажем, что привычку иметь дело с бесполезными, не имеющими отношения к текущей жизни знаниями джентльмены получают наравне со всеми другими образованными людьми (особенно это относится к тем, кто получил высшее образование). В школе дети решают задачи, доказывают теоремы, вызубривают наизусть «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...», заучивают разные *правила буравчика*, правописание *жи* и *ши*, даты Пунических войн, спряжение неправильных латинских глаголов и тысячи других школьных премудростей, которые, по мнению педагогических авторитетов, надо усвоить, чтобы считаться образованным человеком. Ясно, что практическое использование всех этих знаний ребенку не только недоступно, но и не вызывает у него ни малейшего желания. Для него все эти знания представляются абсолютно бесполезными. Правда, взрослые уверяют, что они необходимы каждому джентльмену и пригодятся ему в будущем. Ну, предположим... но вот его папа окончил университет и занимает важный пост в министерстве, а *правила буравчика* не помнит, и не похоже, что это его сильно огорчает. Ребенок не ломает голову над тем, какой смысл в этих напихиваемых в него знаниях. Он привык, что взрослые от него постоянно что-то требуют: чистить зубы, убирать разбросанные игрушки, вежливо отвечать на глупые бабушкины вопросы... Но точно так же он привыкает находить ненужные ему истины, запоминать их и усваивать, потому что этого требуют взрослые, чья авторитетность и способность заставить его делать всё, что они считают правильным, не ставится ребенком под сомнение. Если он не усвоит доказательство теоремы Пифагора и не научится находить на карте Лиссабон и Осло, он получит двойки, его могут оставить без обеда, а то и вовсе не перевести в следующий класс, что чрезвычайно огорчит его родителей и, возможно, вызовет какие-то кары с их стороны. Чтобы избежать неприятностей, ребенок делает то, чего бы он не стал делать по собственному желанию. Таким образом, знание представляет для учащегося не самостоятельную цель, а лишь средство достижения других важных для него целей. И в этом смысле, усваиваемые во время учения знания вовсе не бесполезны для тех, в кого их напихивают, – их польза очевидна и наглядна. Вряд ли ребенок – особенно в ранние годы своего вживания в школьную систему – способен оценить процесс с подобной точки зрения, но то, что предстоит перед ним, он видит и без особых размышлений. Он уверен, что знание *признака делимости чисел на три* ему совершенно ни к чему, и в то же время ему столь же очевидно, что подобные знания обладают определенной и несомненной ценностью. Как бы ни была бесполезна истина сама по себе, в школьной системе обучения она приобретает весьма полезные свойства: обладающих ею хвалят и поощряют, а не знающих ее ругают и наказывают. А кроме того, в хороших школах успешное усвоение знаний придает ребенку и некий социальный статус в детском коллективе. Может, оно и не сравнимо со спортивными успехами или умением свистеть в два пальца, но и оно чего-то стоит. Во всяком случае, никого не прельщает место последнего по успеваемости в классе – этак и тупицей легко прослыть. Короче говоря, годы учения в школе европейского образца внедряют в сознание учащихся мысль о важном значении всякой общепризнанной истины, какой бы бесполезной она тебе не казалась.

Но помимо того, что школа с младенческих лет прививает своим питомцам уважение к истине как таковой, многолетнее общение с множеством разнообразных истин дает учащимся специфический опыт, который затруднительно приобрести в обыденной жизни. Вряд ли обычный ребенок, не вынуждаемый условиями существования в искусственно созданной школьной среде, мог бы заинтересоваться *признаками деления* или *правилом буравчика*. Конечно, по собственной инициативе он искал бы нечто более

ему близкое и знакомое – лишь оно могло бы пробудить его интерес⁵⁷. Однако, познакомившись не по своей воле с начатками математики, физики или других наук, он вполне может обнаружить, что в этих новых для него мирах есть нечто любопытное и увлекательное. Оказывается, что решение хитроумных математических задач может быть захватывающе интересным занятием, а разобраться в строении атома или понять, как возникает радуга, может доставить не меньше удовольствия, чем игра в «казаки-разбойники». Но то же самое можно сказать и об истории, географии или ботанике. Полученные им бесполезные знания открывают ему двери в новые сферы бытия, о существовании которых он не мог и подозревать, считая, что все эти школьные науки – сплошная нудота и бездарная трата времени. Перед ребенком открываются широкие возможности для развития и проявления дремлющих в нем способностей. Не всякий ими воспользуется, но если ребенок увлечется хоть чем-то из сферы науки, искусства, литературы, музыки, это будет для него важным опытом, свидетельствующим о принципиальной возможности получать удовольствие от какой-либо деятельности, находящейся пока что за пределами его знаний и умений. Всякое бесполезное для него знание он может, исходя из такого опыта и глядя на других людей, расценивать как потенциальный источник увлекательных занятий и будущих удовольствий. Такой итог долголетнего обучения роднит джентльмена, как уже было сказано в начале предыдущего абзаца, с прочими образованными людьми: все они привычны к общению с широким спектром бесполезных в быту истин и вполне способны оценить их потенциальную роль в тех сферах жизни, которые и не предполагают извлечения из них какой-либо ощутимой пользы. Однако разница между отношением к ним истинного джентльмена и отношением субъекта, получившего образование, но не претендующего на этот привилегированный статус, достаточно явственна и имеет очевидную причину.

Большинство людей (не-джентльменов) покончив с периодом обучения и взявшись за серьезные «взрослые» дела, мало-помалу отвыкают от усвоения ненужных им знаний, как бы любопытны и занимательны они им не казались, просто потому, что на бесполезные увлечения у них нет теперь ни времени, ни сил. Вниманием почти полностью завладевают возникающие каждый день профессиональные проблемы, домашние заботы, участие в общественной жизни, а о занятиях чем-то, казавшемся тебе интересным, остается только мечтать. Даже часы досуга не удастся полностью посвятить своим увлечениям. Надо же учитывать интересы родных и знакомых, наносить обязательные визиты, сопровождать жену на выставку кошек, водить детей в цирк и луна-парк, посещать стоматолога – да мало ли у человека дел в свободное от работы время, а ведь иногда хочется и просто полежать на пляже или бездумно расслабиться в шезлонге с кружкой пива. Любые, необязательные и не приносящие непосредственной пользы занятия сдвигаются на самый край внимания и занимают в жизни большинства людей незначительное место. За редкими исключениями, чистый и бескорыстный интерес к какому-то занятию вовсе не играет существенной роли в жизни обычного человека. Инженер Птибурдуков (счастливый соперник незабвенного Васисуалия Лоханкина)

⁵⁷ Именно поэтому, надо полагать, современные молодые люди, не прошедшие нормального школьного курса наук, а следовательно, и не имевшие возможности получить хоть какое-нибудь высшее образование (никакие их *ЕГЭ* и *дипломы с отличием* здесь значения не имеют), при желании придумать что-то интересное поневоле пурхаются в замкнутом кругу монстров, инопланетян, принцесс и других аналогичных персонажей, знакомых им из сказок, мультфильмов и прочитанных в детстве и юности случайных книжек. Но ничего другого нельзя и ожидать – никто не в состоянии в одиночку пройти путь, на преодоление которого европейской цивилизации потребовалось несколько тысячелетий. Школа расписалась в своей неспособности транслировать знания подрастающим поколениям, вот и результат: признаки цивилизации стремительно исчезают из нашей жизни. (Об интересах молодого поколения я сужу, правда, лишь по названиям бесчисленных опусов из области пресловутой *боевой фантастики*, *любовно-фантастических детективов* и *фэнтези*, почти на сто процентов заполняющих «литературный» сегмент русского интернета, но подозреваю, что и в *современном литературном творчестве* на других европейских языках дела обстоят не менее скверно).

развлекался в свободное от работы время выпиливанием из фанеры игрушечного дачного сортира, но можно ли сказать, что это незамысловатое хобби – существенная черта данного персонажа? Вовсе нет. Он мог бы заняться гимнастикой цыгун или стать чемпионом по бриджу в своей родной конторе, или вовсе, соревнуясь с Лоханкиным, перейти к сочинению написанных белым стихом трагедий, и ни одно из подобных занятий не изменило бы его облика – он так бы и остался тем же самым инженером, никто бы и не заметил такой мелочи как изменение его увлечения. Оно – всего лишь маргинальная подробность при описании его личности.

Но всё поворачивается совершенно другим образом, если речь пойдет не о любом получившем высшее образование, а об истинном джентльмене. И причина, конечно, в том, что ему не приходится выкраивать часок-другой свободного времени для того, чтобы заняться каким-то интересным для него, но не приносящим реального дохода делом. Вся жизнь джентльмена представляет собой свободное время, которое он волен заполнить, чем ему только заблагорассудится. Можно даже сказать, что у него – в его беззаботном существовании (ведь всё, в чем он нуждается, у него уже есть, и проблемы поддержания этого статуса его не беспокоят) – есть лишь одна насущная забота: найти для себя подходящее занятие, увлекательную и рассчитанную на длительный срок игру, в которой он сможет развернуться во всю свою мощь и показать, на что он способен. Он может стать авиатором или автогонщиком, найти компаньонов-энтузиастов и ринуться на покорение Южного полюса, на поиски сокровищ Монтесумы или в джунгли Борнео, откуда еще не вернулся живым ни один белый человек. А может увлечься великосветскими успехами или политическими прожектами, борьбой за права животных, читать лекции о спиритизме или просаживать все свои доходы за карточным столом. Мало ли можно найти увлекательных занятий и увеселений? Никто не мешает джентльмену менять свои увлечения хоть по три раза в год, переходя от занятий акварелью к созданию школы для детей туземцев на том же Борнео, а от надоевшей педагогической деятельности к изобретению нового типа акваланга. Можно и дальше сочинять разнообразные занятия для тех, кому нет нужды думать о способах прокормить себя и свою семью, и для каждого такого выдуманного развлечения можно будет найти примеры в реальной жизни. Именно из среды джентльменов выходили великие путешественники, видные политические деятели, знаменитые авантюристы, покорители воздушного пространства и морских глубин, великосветские денди, вожди массовых народных движений и модных в свое время умственных поветрий, да и вообще те, чьи имена неизменно всплывают при обращении к истории любой человеческой деятельности.

Однако, обратив свое внимание на джентльменов, принимавших деятельное участие, а то и задававших тон в разнообразных славных делах, мы ушли в сторону от темы своих рассуждений. Пора вспомнить и про бесполезные истины. Хотя перед окончившим университет джентльменом открывается широкий выбор между самыми разными видами деятельности и безделья, вся его предыдущая жизнь, проведенная в стенах учебных заведений и посвященная постижению и накоплению разнообразных бесполезных, но порой крайне любопытных и увлекательных знаний, невольно подталкивает многих представителей этого лишенного низменных забот племени к поиску интересных занятий как раз в тех областях человеческого творчества, с которыми они уже хорошо знакомы. То есть к науке, литературе, искусству, музыке и близким к ним видам интеллектуального и художественного творчества. Именно в этих отраслях деятельности джентльмен часто ищет и во многих случаях находит точки для приложения своих сил, здесь он стремится найти свою собственную *честную игру*, то есть такое сложное и не дающее полной гарантии в успехе занятие, которое позволит ему в полной мере проявить свои возможности, наклонности и таланты. Для полноты удовольствия ему нужно не просто рутинное занятие, заполняющее длинные пустые часы ежедневного существования, вроде вышивания гладью или прогулок в парке, а нечто более динамичное и захватывающее дух. Не безмятежного отдыха от трудов праведных ищет джентльмен – не был он обременен такими трудами и не будет, – ему как раз нужен хороший повод, чтобы добровольно взвалить на свои плечи какой-нибудь тяжкий труд и

блистательно с ним разделаться. Молодость и бьющая через край энергия требуют занятия-авантюры, такого занятия, в котором присутствует и риск, и неизбежные взлеты и падения, и надежда на покорение еще никем не покоренных вершин. Вот такое занятие или хотя бы нечто, приближающееся к подобному идеалу, могут стать делом жизни истинного джентльмена, и именно на такие образцы человеческого поведения ориентируется джентльмен, выбирающий «делать бы жизнь с кого». Исходя из такого настроения, ищущий, чем бы ему заняться, молодой шалопаи перебирает уже знакомые ему бесполезные истины, сравнивает их увлекательность и связанные с ними потенциальные удовольствия, а затем, решившись на что-то, берется за сочинение трагедии, написанной по-французски александрийским стихом, изучение политики германских княжеств в эпоху Фридриха Великого, препарирование копулятивных органов бабочек или еще какое-нибудь подобное занятие. С точки зрения простого малообразованного человека из народа, все такие занятия объединяет их муторность и абсолютная бесполезность, но при этом все они, опять же по народному мнению, как нельзя лучше согласуются со статусом истинного джентльмена – они, по крайней мере, много достойнее крысиной травли и прожигания жизни на модных курортах. При этом нужно учесть, что, выбирая себе подходящую жизненную игру, джентльмен не склонен профессионализироваться (да это и не пристало истинному джентльмену – он призван срывать цветы удовольствий, а вовсе не уныло тянуть ляжку), и его верность избранному занятию простирается лишь до того предела, за которым утомление начинает доминировать над радостью свершений и надеждами на будущий успех. А потому всякая попадающаяся ему на глаза бесполезная истина расценивается им как потенциальный источник новых увлечений и новой захватывающей интеллектуальной авантюры, не исключаящей и его личного участия. Даже если он сам и не предполагает подключаться к этой игре, он всё же с любопытством следит за теми, кто вовлекся в связанные с ней поиски, – интересно ведь узнать, как у них пойдет дело. Каждая истина рассматривается им не как более или менее полезная в каком-то приземленном, практическом смысле, но с точки зрения присущей ей большей или меньшей перспективности и плодотворности, то есть с точки зрения внутренних характеристик истины⁵⁸. Таким образом, мы видим, что сама жизненная позиция джентльмена подталкивает его к взгляду на бесполезные истины как на потенциально полезный и, может быть, даже единственно полезный в его ситуации вид истин⁵⁹. Только от таких истин он может ожидать помощи при выборе его личной жизненной игры, только бесполезные и не приносящие никакой выгоды истины могут быть положены в фундамент его жизненной стратегии и тем самым спасти его от бессмысленного и унылого прозябания.

11

Теперь, завершив наконец обсуждение тех свойств и граней личности джентльмена, знакомство с которыми, на мой взгляд, будет необходимо нам в дальнейшем, мы можем

⁵⁸ «...из наук в большей мере мудрость та, которая желательна ради нее самой и для познания, нежели та, которая желательна ради извлекаемой из нее пользы...» (Аристотель. Метафизика. / Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М.: Мысль, 1976, с. 68)

⁵⁹ Здесь, вероятно, уместно будет привести одну запоминающуюся цитату, почерпнутую мной из книги А.Остальского:

«Американский писатель и знаменитый педагог Уильям Фелпс свел все к одной простой, но действительно решающей вещи: 'Окончательный тест для джентльмена — насколько он способен уважать тех, от кого ему не может быть никакой пользы'» (Остальский А.В. Иностранец Ее Величества. М.: Амфора, 2012).

Если понимать *пользу* лишь в узко приземленном и меркантильном смысле, как нечто, увеличивающее, в конечном итоге, благосостояние субъекта, то результаты подобного теста можно считать валидными и достаточно надежными, но можно ведь взглянуть на это с более широкой точки зрения и считать *пользой* всё, благоприятствующее осуществлению любых жизненных интересов личности и способствующее удовлетворению всех ее потребностей.

подвести некоторые итоги всех предшествующих рассуждений и дать некоторую обобщающую характеристику этому человеческому типу, играющему, как мне представляется, кардинальную роль в конструкции классического детектива и задающему, как правило, главную тональность «внезагадочной составляющей» произведений этого жанра.

И начать надо с того, чтобы найти место нашему *джентльмену* в общей классификации человеческих типов.

Здесь я должен заметить в скобках, что – как до того, так и в дальнейшем, – я говорил и буду говорить о мужском варианте данного типа. То есть основным предметом внимания почти во всех рассуждениях является *джентльмен*, а соответствующая ему *леди* остается где-то в стороне со всеми присущими ей гендерными особенностями, хотя и она, несомненно, входит в состав интересующего нас человеческого типа. Я должен сознаться, что совершенно не готов обсуждать этот интересный и важный аспект поднимаемой в статье *джентльменской* темы. Я могу лишь просить о снисхождении и надеяться, что искренние поборники гендерного равноправия примут во внимание бесспорный факт существования многовековой традиции, выдвигающей на первый план всяческих деятелей мужского рода и скрывающей в тени женское влияние на жизнь общества, – традиции, которой следовали и с которой были внутренне согласны и сами женщины. Не мне, слабо разбирающемуся в тонкостях женской психологии и особенностях женского поведения, пытаться выйти за рамки этой традиции. Да и такие поползновения могли бы далеко увести нас от темы этой – и без того чрезмерно разрастающейся в объеме – работы. Хотя, как ясно и без долгих размышлений, в воспитании юных джентльменов и в направлении их амбиций в сторону истинного джентльменства роль матерей, бабок, тетушек, нянек и прочих особ женского пола вряд ли может быть меньше, нежели оказывающееся на виду влияние их отцов, старших братьев, учителей и балбесов-однокурсников на формирование очередного поколения джентльменов. К тому же *леди* и в качестве самостоятельных субъектов деятельности всегда играли значимые роли в жизни европейского общества (что, кстати сказать, нашло адекватное отражение в детективном жанре – *Великих сыщиц* в нем не намного меньше, чем *Великих сыщиков*, а в эпоху *Золотого века* работавшие в этом жанре *леди* явно превосходили по популярности своих коллег-писателей мужского пола).

После этого, вероятно, необходимого для прояснения авторской позиции, пассажа я могу вновь возвратиться к месту, занимаемому типом *джентльмена* в общей классификации типов личности.

Однако здесь я сталкиваюсь с определенной проблемой, для которой не вижу простого и приемлемого решения. Дело в том, что классификация человеческих типов, способная дать *джентльмену* его законное и – забегая вперед, скажу – почетное место, почти наверняка не знакома никому из потенциальных читателей данной статьи. Несмотря на то, что суть этого взгляда на человеческую личность и ее исторические превращения в ходе поступательного развития общества была обнародована более пятнадцати лет назад, ни малейшей популярности такая классификация не приобрела, и только чисто случайно читатель может наткнуться на тексты, в которых излагается этот оригинальный взгляд на одну из фундаментальных характеристик любого человеческого индивида. К тому же сегодня было бы преждевременно говорить о теории типов человека, как уже существующей и доказавшей свою несомненную плодотворность и пригодность для решения многочисленных проблем в разнообразных областях гуманитарного знания. В настоящее время существует лишь эскиз такой теории, в фундамент которой заложено представление о четырех основных типах человека, соответствующих определенным стадиям социального прогресса, и сделаны лишь единичные попытки проиллюстрировать захватывающие перспективы использования данной классификации для разрешения конкретных вопросов, связанных с пониманием и адекватным истолкованием человеческого поведения. Развитие полноценной теории с ее многочисленными разветвлениями и приложениями – дело будущего. Однако уже сейчас нет сомнений, что подобная классификация или какие-то ее модификации должны лечь

(и, безусловно, лягут) в основание нового взгляда на внутреннюю структуру души человека, на базовые мотивы его деятельности, на специфические способы его бытия в мире. Доминирующий сегодня допотопный (и можно сказать, «естественный»⁶⁰) взгляд на человека, как на предмет, имеющий неизменную сущность, основные характеристики которого определились еще на стадии его выделения из животного царства и с тех пор только надстраивались и совершенствовались, но не меняли своей базовой структуры, – такой взгляд преграждает сегодня почти все пути развития гуманитарных наук. История, социология, социальная психология и все прочие отрасли знания, имеющие предметом исследований структуру человеческого поведения и взаимоотношения Человека (как родового существа) с Миром, не могут развиваться нормально, не признав неоднородность класса существ, именуемых «человеком», и не осмыслив те достаточно четко отграниченные друг от друга формы человеческого бытия, которые возникали в ходе непрерывно продолжающегося антропогенеза и обеспечивали внутренний базис социального развития.

В ситуации, когда требуемая для наших рассуждений классификация типов человека никому из читающих статью не известна, оптимальным выходом можно было бы считать предварительное знакомство читателя с теми текстами, в которых – пусть только конспективно – излагается суть данной классификации и иллюстрируются ее возможности, как инструмента для рационального исследования и истолкования различных конкретных вопросов⁶¹. Однако присущей мне самоуверенности недостаточно, чтобы предполагать, что многие из читателей, позабыв обо всем, ринутся отыскивать в интернете указанные тексты и знакомиться с этой, новой для них концепцией. Скорее всего, рядовой читатель отмахнется от предлагаемой ему возможности поглубже вникнуть в суть проблемы или, по крайней мере, отложит это дело на потом – он ведь и без этого потратил уже много усилий на чтение текста с огромным количеством «букаф», а до заявленного в заглавии «сыщика» дело так еще и не дошло. Да и так ли уж ценна пропагандируемая автором классификация, как он в этом уверяет? Шансы на то, что читатель пренебрежет знакомством с рекомендованными текстами, очень велики. Но я не могу позволить ему остаться в полном неведении относительно сути дела. А потому решил привести здесь довольно обширные цитаты, благодаря которым читающий сможет получить хотя бы некоторое представление о предлагаемой классификации.

⁶⁰ И действительно, «люди» – это ведь те, кого мы видим ежедневно, и те известные нам из исторических свидетельств индивиды, чьи мотивы и поступки более или менее нам понятны – пусть только на интуитивном уровне понимания. То есть «люди» («нормальные люди») – это те, кто в общем и целом подобны нам самим. Тех же, чьи поступки расцениваются нами как алогичные и противоречащие рациональной линии поведения, мы либо считаем глупыми, легкомысленными, темными, одурманенными дикими предрассудками и суевериями, обуреваемыми патологическими страстями или вовсе душевнобольными, либо предполагаем их такими же, как и мы, но находящимися в ситуации, важных элементов которой мы не знаем. Идея о том, что могут существовать люди, столь же рациональные и не хуже нас ориентирующиеся в своем мире, но руководствующиеся совершенно безумными, с нашей точки зрения, стереотипами поведения, вряд ли может возникнуть сама собой – для этого нужны какие-то особые предпосылки, позволяющие хотя бы признать наличие здесь определенной интеллектуальной проблемы.

⁶¹ Основные сведения о классификации человеческих типов изложены в книге, посвященной осмыслению сущности человека: Вольский Н.Н. Лингвистическая антропология. Введение в науки о человеке. Новосибирск, 2004, с. 227-235.

Электронный вариант этой книги можно скачать с сайта «Классический детектив – поэтика жанра» (страничка «Свои работы» – <http://detective.gumer.info/self.html>).

Кроме того данная проблема обсуждается в моей (давным-давно начатой, но не доведенной до конца) книге «О смысле жизни и осмысленной типологии личности». Главы из этой книги можно найти на той же интернет-страничке. Для усвоения смысла указанной классификации следует обратить особое внимание на главы 1 и 4-6.

«...теория предполагает, что индивидуальная сущность конкретного человека, глубинное ядро его психологии, тот душевный 'каркас', который организует человека как внутренне цельную личность и определяет основные черты его поведения, заключается в том 'проекте' самого себя, который человек воплощает в собственной жизни.

Рассмотренные с этой точки зрения традиционные категории, в которых обычно описывается человеческая жизнь ('счастье', 'смысл жизни', 'цель жизни', 'жизненный путь', 'смерть', 'бессмертие'), становятся достаточно четко определенными научными терминами, теряя значительную долю той неясности и расплывчатости, которые присущи им в обыденном сознании, и образуют рациональную, внутренне непротиворечивую систему понятий, развитие которой позволяет прийти к нетривиальным выводам. В частности, появляется возможность создания типологии личности, основанной на типах структурирования 'жизненного проекта' индивидуума (смысла его жизни). Смена господствующих типов личности на протяжении истории понимается при этом как культурно-исторический феномен, обусловленный глобальными изменениями общественных условий и, в конечном итоге, экономическим развитием общества»⁶².

В предлагаемой теории постулируется, что первым – появившимся в результате эволюции наших животных предков и просуществовавшим практически до наших дней – вариантом Человека было человеческое существо, к которому неприменимо понимаемое в вышеуказанном смысле понятие *личности*, поскольку его душевная конструкция не предусматривает существования у него какого-либо «жизненного проекта». Ближайшим примером такого человека можно считать известный из художественной литературы классический тип североамериканского индейца-воина.

«Назовём такого человека – *родовой человек* и, предполагая, что это первый тип человека, появившийся в человеческой истории, попытаемся понять, в чём его сущность. Сразу скажем, что человек этого типа не является личностью, и мы должны отнести его к единственной известной нам разновидности доличностного типа человека. На этом этапе антропогенеза формулирование жизненной программы (программы функционирования) человека происходит, в принципе, так же, как и у животных. Каждое появившееся на свет человеческое существо получает инструкцию, как ему вести себя в тех или иных ситуациях: если ты встретишься в жизни с этим, поступай так, если с этим – так; и не беспокойся, эффективность такого поведения гарантирована опытом твоих предков, они поступали именно так, и, если ты появился в мире, то, значит, их поведение было достаточно правильным, и, значит, оно годится и для тебя. Единственное отличие в этом отношении между животными и человеком в том, что часть 'жёсткой' программы животного заменяется у человека 'мягкой' программой, получаемой им в процессе социализации.

...Родовой человек совершает поступки, исходя из представления о том, как правильно действовать, можно сказать, что конечный результат всей его жизненной деятельности остаётся за пределами его внимания; программируется способ его действий, но не конечная цель его действий. Его можно сравнить со стрелой, выпущенной из лука: 'хорошая', 'правильная' стрела точно выдерживает направление движения и прекращает свое движение, лишь наткнувшись на что-либо или исчерпав свою исходную энергию движения.

...Такой родовой человек имеет большие достоинства (с нашей современной точки зрения), которые, вероятно, и послужили основой мифа о 'благородном дикаре' и сожалений об ушедшем 'золотом веке', когда люди жили в соответствии с природой и самими собой. На такого человека можно положиться: он всегда равен самому себе и, можно сказать, следует максиме стоической философии 'Поступай как должно, и будь что будет', хотя никогда не слышал не только о стоиках, но и о какой-либо моральной философии. Никакое мировоззрение ему вообще не требуется, поскольку в каждой точке его жизненного пути, на каждой жизненной развилке заранее можно предсказать, куда он повернёт – туда, куда положено идти человеку его

⁶² Вольский Н.Н. Смысл человеческой жизни и типология личности. ()

сущности. ...Если же он попадает в ситуацию, которая не подпадает под действие правил (не числится в перечне регулируемых правилами ситуаций), то и здесь он может не беспокоиться: отсутствие правил на такой случай означает, что этот случай несущественный, и, следовательно, не важно, как он в данной ситуации поступит»⁶³.

Как ни интересен этот тип человека сам по себе и как ни важно правильное осмысление связанной с ним социальной психологии для понимания закономерностей антропогенеза и для формирования адекватного взгляда на давние и ныне происходящие события, гораздо большее значение для нас имеет понимание людей-личностей, к которым мы и сами принадлежим.

«Большая часть истории человечества (доисторическая эпоха, от которой не осталось письменных свидетельств) – это история родового человека. Представители этого типа людей существуют и сегодня, но не они определяют ход современной истории – несколько тысячелетий назад инициатива перешла в руки людей нового типа, людей-личностей. Людей личностного типа можно подразделить на несколько разновидностей, которые появляются одна за другой в ходе исторического развития человеческого общества и столь существенно отличаются друг от друга, что их следует рассматривать как разные типы человека. Можно выделить три таких типа: циклический (патриархальный) человек, линейный человек (или человек европейского типа) и квази-линейный человек (человек мещанского типа). В разные исторические эпохи, в разных частях Земли руководство обществом переходило к представителям то одного, то другого человеческого типа: они определяли господствующие в обществе моральные установки, формы поведения, способы социальной организации и связи;

...У человека личностного типа программа содержит образ конечной цели движения – того состояния, которого должен достичь человек в конце своего жизненного пути.

...Личностью человека делает необходимость (и возможность) подведения личного жизненного итога: сравнения результатов, достигнутых в жизни, и того исходного представления о цели жизни, с которым человек вступил на свой жизненный путь. Исходя из такого понимания, мы приходим к выводу, человек личностного типа (единственного типа, известного нам из непосредственного опыта и самонаблюдения) во всех точках своего жизненного пути 'не равен самому себе', его актуальное состояние не выражает полностью его сущность. Как бы детально ни изучали мы свойства и способности данного, сегодня существующего человека, мы не сможем понять, что это за человек, в чём его сущность, потому что сущностным ядром человека, определяющим все его поступки, реакции, мысли и чувства, является вещь, не присутствующая в сегодняшней реальности, воображаемая цель его жизни (образ того человека, которого ещё нет, но который будет), план, по которому человек строит свою жизнь. Можно сказать, что человек – это проект. Чтобы судить о человеке, как личности, нужно не только знать, каков он сейчас, но и понять, в чём заключается осуществляемый им проект, потому что целостный человек представляет собой единство проекта и его осуществления»⁶⁴.

В течение долгих веков *циклический тип* человека, как и соответствующие ему патриархальное общество и патриархальный уклад жизни были доминирующими как в Европе, так и в других частях света. Сущность этого типа определяется тем, что его жизненный проект – та идеальная точка, к которой он будет устремлен – не появляется в результате самостоятельного индивидуального выбора, а передается входящему в жизнь человеку от предыдущих поколений. Крестьянскому сыну и внуку самим фактом рождения предопределена судьба стать крестьянином, точно так же, как купеческому сыну – купцом, а родившемуся в помещичьей семье – помещиком. Каждому суждено пройти тот же самый жизненный путь, который прошли его предки, так что та точка, достичь которой

⁶³ Вольский Н.Н. Лингвистическая антропология. Введение в науки о человеке. Новосибирск, 2004, с. 229-233

⁶⁴ Там же, с. 232-235

человек, напрягая свои силы и надеясь на удачу, стремится, равна, в сущности, пункту, в котором он появился на свет и начал свое движение. В конце жизни успешно справившийся с жизненными трудностями человек должен передать своим потомкам то же самое наследство, какое он получил в начале своей жизни, чтобы и они могли повторить неизменный из поколения в поколение жизненный цикл. Отсюда и название этого типа, подчеркивающее «круговой» характер течения человеческой жизни, свойственный подавляющему большинству членов патриархального общества.

Тип этот был детально описан во множестве художественных произведений и научных работ. Достаточно вспомнить, что русский крестьянин – в некотором смысле реликт циклического типа в Европе девятнадцатого века – стал во второй половине этого столетия объектом пристального внимания со стороны писателей, художников, социологов, этнографов, общественных деятелей, так что из книг и журнальных статей, описывающих быт и «повадки» этого людского племени, можно составить громадную библиотеку, в которой содержится масса наблюдений, обобщений, соображений и практических выводов, так и не оказавших значительного влияния на судьбу крестьянства и мало что проясняющих в крестьянской психологии и социологии. И главная причина такого – оставшегося, несмотря на все приложенные усилия, явно неудовлетворительным – нашего состояния знаний о русском крестьянине, исчезнувшем как тип чуть ли не на наших с вами глазах, связана, вероятно, с тем, что все изучавшие крестьянство и писавшие о нем авторы были людьми другого человеческого типа. Не подозревая о фундаментальном отличии себя от тех, кто был их объектом наблюдения, пишущие невольно истолковывали поведение крестьян, исходя из «общечеловеческих» (то есть свойственных самому наблюдателю) мотивов и жизненных установок, вследствие чего и не могли увидеть крестьян в их собственной системе понятий – такими, какими они видели себя в крестьянской картине мира⁶⁵. А сам циклический человек не может описать себя объективно, так как взглянуть на себя «со стороны» (то есть стать на чуждую ему точку зрения) он, по определению, не способен.

«Признаком, определяющим общество как циклическое, является его стабильность, неизменность во времени, отсутствие видимого развития. Это касается всех сторон жизни общества, но в первую очередь, характеризует неизменность экономических параметров, описывающих данное общество. ... Именно эта неизменность жизни, существующая из поколения в поколение, формирует циклического человека, определяет его понятия, принципы поведения и моральные оценки...»⁶⁶

«...необходимо отойти от своих привычных представлений и попытаться стать на точку зрения субъекта фольклора, то есть человека традиционного циклического типа. Такой человек никогда не испытывает сомнений относительно выбора своего жизненного пути. Поскольку жизненная цель личности не является предметом выбора (она известна, как нечто естественно существующее), то направление жизненного пути полностью определяется тем положением, в котором находится данный конкретный человек. Сомневаться не приходится еще и потому, что все, кто находится в близком к тебе положении, движутся в одном направлении, у вас у всех практически одна и та же цель, если и отличающаяся от цели соседа, то лишь нюансами ее индивидуального понимания.

⁶⁵ Исключения из этого правила, хотя и, несомненно, существуют, крайне редки, и даже гиганты русской классической литературы (не исключая и Льва Толстого), точно и ярко описывающие внешнюю картину крестьянской жизни (так сказать, ее феноменологию), очень слабо представляли себе специфичность крестьянского способа бытия. В качестве примера удачной попытки прорваться через скрывающую крестьянина мировоззренческую завесу и увидеть типичного крестьянина «изнутри», я могу здесь вспомнить только Глеба Успенского с его знаменитой «Властью земли». Эта написанная в 1882 году книга, хоть и не описывает крестьянина таким, каков он есть в своем собственном понимании, но, по крайней мере, совершенно ясно говорит о кардинальном отличии этого человеческого типа от людей европейской культуры, привычных и понятных писателю.

⁶⁶ Вольский Н. О национальной зависти великороссов. ()

Поэтому циклический человек не может свернуть с пути по собственной инициативе, это было бы для него совершенно бессмысленным актом. Уклонить его с заданного общего направления может лишь какая-нибудь внешняя причина или препятствие, не позволяющее ему двигаться к цели по прямой. В этом отношении циклический человек действует как гомеостатически управляемый автомат, поведение которого в любой момент определяется рассогласованием между заданным и текущим значениями управляющего параметра.

...Из наблюдений за своей внутренней жизнью и за поведением окружающих современный человек привык к тому, что, попав в любую достаточно новую ситуацию, каждый начинает с выбора целей, к которым он будет стремиться, и путей их достижения: проблема выбора направления деятельности представляет для линейного человека одну из важнейших форм его духовной активности. Но перед циклическим человеком такие проблемы никогда не возникают, они просто не существуют в реальном пространстве его опыта. Единственный известный ему тип выбора, который он постоянно совершает, это выбор одного из возможных общепринятых вариантов реакции на предлагаемые ему судьбой обстоятельства (которые также воспринимаются им как типичные и заранее знакомые)⁶⁷.

«Классический циклический тип человека не пригоден для жизни в достаточно быстро развивающемся обществе по двум (по меньшей мере) причинам:

1. Он не приспособлен к изменениям программы действий. ...человек циклического типа, по определению, способен к изменениям лишь в очень узких пределах, не входящих в противоречие с 'зашитой' в его психике программой; попадание его в новую социальную нишу приводит либо к тому, что он упрямо следует ранее усвоенным стереотипам поведения, не обращая внимания на их неадекватность окружению, либо возникающая 'сшибка' ценностей ведёт к распаду его личности и утрате им человеческой идентичности.

2. Он не способен к повышению производительности труда. Любое значительное повышение производительности его труда (связанное с использованием более эффективной технологии или с внешними – по отношению к производителю – изменениями общественных условий) приводит к тому, что работник добивается исполнения своих желаний и теряет стимул к дальнейшей интенсивной деятельности»⁶⁸.

Следующий по времени становления *линейный* тип личности, выдвинувшийся на роль ведущей общественной силы уже в историческое время, знаком нам значительно лучше всех прочих типов. Во-первых, мы сами представители данного типа личности (или каких-то модификаций и подтипов, близких к нему по природе), а потому о многом можем судить на основании самонаблюдения. А во-вторых, практически вся европейская литература – как художественная, так и научная, публицистическая, религиозная и прочая – создана людьми линейного типа, а потому базируется на мировоззрении, оценках и житейских принципах, свойственных этой разновидности *Homo sapiens sapiens*. Огромное большинство героев художественной литературы (включая и *лирических героев* поэзии), знакомясь с которыми, мы открываем для себя безбрежный мир чувств, мнений, поведенческих реакций, – линейные люди. И в этом нет ничего удивительного, ведь таковы их создатели – авторы романов, пьес и лирических стихотворений. Но ровно то же самое можно сказать и о путешественниках, описывающих далекие экзотические страны и нравы обитающих там народов, и об историках, знакомящих нас с жизнью предыдущих поколений, отдаленных от нас на века и тысячелетия. Короче говоря, можно, не боясь ошибиться, утверждать, что практически вся интеллектуальная среда, в которой формируется и проходит свой жизненный путь современный человек, создана линейными людьми и, соответственно, несет в себе отпечаток их структуры личности.

⁶⁷ Вольский Н. Иван-дурак, или Первобытная диалектика жизненного пути ()

⁶⁸ Вольский Н. О завистливом мещанстве ()

Читая любую книжку, мы невольно воспринимаем мир с точки зрения линейного человека или, говоря другими словами, с точки зрения европейской культуры.

Всё наше знание о «людях вообще» фактически почти полностью сводится к знанию о людях с линейным типом личности. И проблема здесь в том, чтобы отдифференцировать знание о *человеке*, как родовом существе, от специфического знания о близко знакомом нам *линейном человеке*. Но это значит, что неотложной задачей гуманитарных наук является осознание специфики других человеческих типов и реальное знакомство с ними, которое не ограничивалось бы внешним наблюдением за ними (их поведением, обычаями и т.д.) и нашими часто неуклюжими и безуспешными попытками втиснуть их в рамки собственных воззрений на человеческую жизнь, а включало бы в себя исследование внутренних мотивов и представлений о жизни, стоящих за видимыми нам (а зачастую и не замечаемыми) поступками этих, так радикально отличающихся от нас, людей, за их странными обычаями, жутковатыми мифами и сказками, за их свадебными и похоронными обрядами, их понятиями о чести и достоинстве, о преступлении и наказании, за праздничным мордобоем «стенка на стенку»... много чего предстоит еще здесь понять и уложить в какую-то стройную, непротиворечивую картинку. Но такое «постижение изнутри» других – не сходных с нами и во многом нам чуждых – типов человека даст нам возможность подняться на иной уровень понимания самих себя. О психологии линейного человека мы (а отчасти и наша наука) знаем несравненно больше, нежели о внутреннем мире иных людей, и это естественно. Однако только сравнение с *другими* позволит нам увидеть свое реальное место в мире, осмыслить внутреннюю структуру нашего собственного бытия и перейти от интуитивного «понимания» и «вчувствования» к рациональной (выраженной в понятиях) постановке вопросов и теоретической реконструкции уже имеющихся у нас бытовых представлений. Никто кроме нас не может взять на себя выполнение этой задачи, поскольку прочие человеческие типы не способны «выйти за пределы собственного я» и взглянуть на себя со стороны. Но всё это – дело будущего. А пока что мы можем лишь указать на фундаментальную характеристику линейного типа, лежащую в основе его специфического способа структурировать свою жизненную программу и отличающую его от прочих типов – в первую очередь от исторически предшествующего ему циклического типа личности.

У циклического человека жизненный проект (смысл жизни), закладывающийся в раннем возрасте, определяется его ближайшим окружением, и сам он не принимает в его определении никакого участия – никакого решения по этому поводу от него и не требуется. Он должен – это ясно всем, в том числе и ему самому – во всех деталях воспроизвести те формы жизни, в которых он вырос и которые свойственны всем тем, кто составляет его «мы» («мы – крестьяне» и т.п.). Действующие в патриархальном обществе механизмы социализации не дают ему ни возможности, ни желания задуматься над вопросами: кем ему быть и к чему стремиться. Никакого выбора в этом смысле перед ним не стоит. Прямо противоположным образом осуществляется формирование жизненного проекта у линейного человека. Условия жизни, в которых вырастает будущий линейный человек таковы, что перед ним открывается множество возможных путей, ведущих к различным, часто несовместимым друг с другом целям. У него есть возможность выбрать свой индивидуальный жизненный проект, и этот выбор он не только может, но и должен сделать самостоятельно – его окружение не предопределяет его дальнейшую судьбу, а может лишь склонять и подталкивать его к тому или иному варианту выбора. Он может, конечно, выбрать в качестве образца судьбу своего отца или кого-то из родственников⁶⁹, но может и решиться пойти каким-то новым путем, никак не связанным со стандартами и установками его ближайшего окружения. Сын аптекаря может посвятить свою жизнь исследованию электромагнитных волн, а сын и внук мелких торговцев приложит все усилия, чтобы стать капитаном дальнего плавания. Каким образом происходит такой

⁶⁹ И даже этот проект, внешне сходный с тем, который предуготован циклическому типу, будет результатом его личного выбора, а не волей тяготеющего над ним наследственного фатума.

выбор? В какой форме возникает в подсознании ребенка склонность и желание выбрать жизненный путь, о реальном содержании которого он еще не может иметь никакого ясного представления? Как переформулируются, редактируются и уточняются эти смутные детские предварительные установки в юные годы, превращаясь в осознанное стремление стать таким-то и таким-то? Как человек нащупывает свой конкретный жизненный путь, добиваясь максимального его совпадения с таящимся в глубине души и недоступным для непосредственного наблюдения смыслом его личной жизни? Такие и подобные вопросы, сегодня даже толком не сформулированные, будут, вероятно, еще долгие десятилетия предметом исследований и размышлений ученых, интересующихся этой большой, исключительно важной и трудноразрешимой проблемой. Однако и сегодня мы можем, основываясь на тех знаниях, которые у нас есть, пытаться ставить какие-то частные, конкретные вопросы, имеющие отношение к будущей всеобъемлющей теории типов личности, и искать на них разумные ответы.

Несовместимость преобладающего циклического типа личности с потребностями развивающегося общества вызвала к жизни более динамичный линейный тип, в самой структуре которого заложена постановка индивидуальных жизненных целей, находящихся за пределами существующего положения индивида, и который, следовательно, нацелен на движение и развитие. Развиваясь, общественная структура создавала поле деятельности для личностей линейного типа и позволяла им занимать привилегированные социальные позиции, а постоянный приток линейных людей обеспечивал дальнейшее устойчивое развитие. В Европе Нового времени (а затем и в Северной Америке) такая взаимная поддержка и стимуляция между преобразующейся общественной структурой и становящимся новым типом личности привела к тому, что линейные люди постепенно заняли ключевые позиции в обществе, образовали привилегированную часть общества, его наиболее динамичный и влиятельный слой, определяющий всю общественную жизнь. Люди линейного типа в численном отношении, вероятно, никогда не преобладали в населении даже наиболее развитых европейских стран (за исключением, может быть, Англии), но образуя наиболее активную и мобильную часть населения, находясь, так сказать, на авансцене общества, они создали представление о 'европейском типе' человека вообще. Именно их (а не 'среднестатистического жителя Европы') поведение, стиль жизни, моральные установки и культурные предпочтения стали восприниматься как стандарт 'современного европейца'⁷⁰.

Ну, и несколько фраз о самом «молодом» – *квази-линейном* – типе личности. Существовавший, возможно, испокон веку, он лишь в двадцатом столетии стал самым многочисленным из типов личности в большинстве цивилизованных стран и шаг за шагом занял доминирующее положение, определяя стиль жизни и социальные процессы практически во всех обществах, традиционно причисляемых к европейской цивилизации. Это самый темный по своей сущности и не желающий укладываться ни в какие четкие формулировки тип человека⁷¹. Он не только ни в коей мере не описан и не исследован, но, можно сказать, даже и не распознан до сегодняшнего дня. Его относительная

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Здесь, наверное, стоит заметить, что даже ответ на вопрос о том, полностью ли соответствует сущность представителей этого типа личности понятию *человек*, представляется сегодня недостаточно ясным. Некоторой аналогией к такого рода сомнениям может служить вопрос о том, можно ли считать *домашних животных* истинными *животными* в полном смысле слова. Не исключено, что более адекватным подходом к пониманию этого типа было бы уподобление его злокачественному новообразованию, клетки которого происходят от нормальных составляющих организм клеток, и в значительной степени схожи с ними по своим свойствам, но которое не интегрировано в организм и не является его нормально функционирующей частью. (Я надеюсь, что читатель не воспримет это соображение, как злостный выпад против сотен миллионов вполне приличных членов общества или как попытку разделить наших сограждан на людей первого и второго сорта. Никакого отношения к обсуждению достоинств и недостатков какой-либо части социума эти абстрактно-теоретические предположения не имеют).

новизна, отсутствие у его представителей каких-либо специфических признаков, его текучесть и исключительная способность к мимикрии, позволяющая ему принимать любые внешние формы, требуемые актуальной ситуацией, привели к тому, что, многократно размножившись и заняв ключевые позиции в породившем его социуме, он сумел остаться незамеченным и избежал внимания социологов, психологов, да и всех прочих живущих рядом с ним представителей линейного типа. Правда, его активная экспансия в период между мировыми войнами и выход этого типа личности на авансцену европейской истории позволили наиболее чутким и проницательным мыслителям во всеуслышание заявить о «восстании масс», угрожающем всему зданию европейской цивилизации и разрушающем основы европейской системы ценностей. Однако связывать феномен такого социального переворота с доминированием в обществе людей нового типа никому не пришло в голову⁷². И сам творец этого понятия – Ортега-и-Гассет, – и другие критики «массового общества» исходили из неявно принимаемого и не обсуждаемого вслух предположения, что пресловутые «массы», затопляющие Европу хуже всяких вандалов и гуннов, состоят из тех же самых, в сущности, людей, которые были преобладающей частью населения европейских стран в предыдущие столетия, когда они, хоть время от времени и бунтовали, но всё же не пытались навязывать обществу свой стиль жизни – знали, так сказать, *свой шесток*.

Все вопросы, касающиеся квази-линейного типа личности, еще на порядок темнее и запутаннее, по сравнению с аналогичными вопросами относительно прочих типов человека, а ответы на них могут быть сегодня лишь сугубо гипотетическими. Но, к счастью, никаких отсылок к данному типу личности в дальнейших разделах статьи не предполагается, и потому мы можем здесь ограничиться лишь упоминанием о его существовании, чтобы иметь возможность представить нужную нам классификацию во всей ее полноте.

«Квази-линейный тип является, в определённом смысле, гибридом двух существовавших до него типов личности, и в этом его специфическая сущность и социальная значимость. Как и человек циклического типа, его квази-линейный потомок не способен к самоопределению и самостоятельному выбору жизненной цели, своего будущего образа жизни. Как и у его предка, установка на определённый образ жизни у такого человека возникает в результате социального 'импринтинга', запечатлевающего образцы поведения и мотивации из своего ближайшего окружения. Но существенное отличие от циклического типа заключается в том, что способность к такому запечатлению не ограничивается годами детства, а растягивается на значительный период, фактически, на всю активную, взрослую, самостоятельную жизнь. В этом отношении квази-линейный человек всю жизнь остаётся 'вечным ребёнком', которого можно постоянно воспитывать и переучивать. На самом деле, квази-линейный тип, усвоив в детстве те жизненные цели, которые имели ценность в глазах окружающих его взрослых, не успокаивается, как циклический тип, на их прятии, а всё время сравнивает имеющиеся у него ценности, его внутренний идеал человека, с ценностями своего окружения, с поведением и установками тех, кого он считает такими же, как он. Поэтому, если его окружение изменяется, как-то эволюционирует в своём стиле жизни, такой человек способен корректировать свои внутренние установки, приводя их в соответствие с групповыми ценностями, внутренне изменяясь и эволюционируя вместе со своей референтной группой. Таким способом человеку квази-линейного типа удаётся сохранять чувство собственной самоидентичности, не принимая никаких самостоятельных решений о том, каким ему быть, и не оказываясь в непосильной для него ситуации выбора жизненного пути»⁷³.

И еще одна – последняя – цитата, в которой образно характеризуются и сравниваются между собой все три личностных типа человека:

⁷² Можно предположить, что какие-то попытки взглянуть на «восстание масс» и возникновение «массового общества» под подобным – антропологическим – углом зрения всё же были, но о них мне, увы, ничего не известно.

⁷³ Там же.

Метафорически выражаясь, циклический человек – это плот, который может плыть только по течению, и единственное, что может делать плотоводитель, это обходить мели и пороги, поскольку конечный пункт и путь к нему определяются рекой, в которой он оказался. Квази-линейный человек – парусник, у которого парус закреплён в одном определённом положении и нет никаких средств управления лодкой, он может плыть в любом направлении и с любой скоростью – это определяется равнодействующей между ветром и течением (если оно есть); конечная цель его путешествия может оказаться любой, но от лодочника она не зависит, он может только принимать все меры, чтобы лодка не затонула (чтобы не было течи, не порвался парус), и считать, что плывёт в правильном направлении. Тогда линейный человек – это моторная лодка, водитель которой не только может, но и вынужден сам выбирать цель своего плавания; конечно, на него тоже воздействуют течение и ветер, влияющие на выбор им своего пути, он должен учитывать свои ресурсы и запасы горючего, но он сам принимает решение и может, если захочет, двигаться против ветра и течения, неся ответственность за свой выбор»⁷⁴.

12

Теперь, покончив с вынужденным отступлением от основной темы, мы можем вновь вспомнить про джентльмена и найти ему подходящее место в только что представленной классификации типов личности. Без долгих размышлений ясно, что место нашему герою приурочено среди представителей линейного типа личности. Он идеально подходит под определение этого типа, и можно, по-видимому, сказать, что именно джентльмены (а также их прямые и косвенные наследники и последователи, взявшие на вооружение их жизненные принципы) создали в эпоху, близкую временам Шерлока Холмса, высокую репутацию европейскому типу человека, ставшему образцом поведения для множества людей из самых разных стран⁷⁵. Разумеется, Англия с ее джентльменами и другие европейские страны привлекали взоры огромного числа людей в первую очередь благодаря их экономическому и военному могуществу, позволяющему европейцам распоряжаться непропорционально большим количеством мировых ресурсов и чувствовать себя хозяевами на всех континентах. Вероятно, не меньшее значение имел и высокий уровень благосостояния европейцев, их очевидные и недостижимые в других краях успехи в широком распространении современных бытовых удобств, принесенных бурным развитием промышленности, транспорта, новых средств связи, непредставимая до тех пор широкая доступность образования, квалифицированной медицинской помощи, возможностей культурного досуга. Все эти растущие на глазах блага и прочие «дары европейской цивилизации», существующие параллельно с дикой нищетой, поголовной неграмотностью, эпидемиями и периодическими – опустошающими целые области – вспышками голода в других частях света, несомненно, вызывали завистливо-уважительное внимание тех, кому не посчастливилось попасть в число европейцев, и даже жителей тех стран, географически расположенных в Европе, которые значительно отставали от своих более благополучных соседей и не могли считать себя вышедшими на европейский уровень развития⁷⁶. То есть можно считать, что уважение и зависть не-

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ «Проследивая дальнейшие судьбы рыцарского этоса, мы встречаем образец джентльмена. Трудно указать образец, влияние которого распространялось бы так широко, и притом не только в обществе, где он возник, но и за его пределами, образец равной интеграционной силы, образец, который в такой же степени унифицировал бы общество, преодолевая классовые и национальные барьеры. ...Согласно шутивому замечанию ...образец джентльмена в качестве экспортного товара больше содействовал престижу Англии, чем экспорт английского угля». (Оссовская, цит. соч., с. 127)

⁷⁶ Речь здесь, безусловно, идет лишь о наиболее просвещенной части населения этих стран – жители города Калинова вряд ли связывали с Англией какие-то конкретные представления,

европейцев вызывали богатство и мощь европейских стран, а вовсе не личные качества европейцев. Понятно, что всякий не отказался бы стать богатым и сильным, и все, кому это удалось, привлекают внимание всех прочих, только еще собирающихся добиться этого в будущем.

И тем не менее, народный разум оказался достаточно проницательным и безошибочно связал (возможно, даже не осознавая этого) очевидные успехи европейских стран с особыми качествами европейского человека, с его неумной активностью, стремлением «пробиться в люди» и обеспечить свои детям лучшую долю, нежели имел ты сам, с нежеланием смиренно выносить ниспосланные судьбой тяготы существования и удовлетворяться привычным уровнем жизни. Интересно, что эта подмеченная общественным мнением корреляция была и верно истолкована: на роль причинного фактора в этой паре было выдвинуто качественное отличие населяющих Европу жителей. Общепринятое мнение гласило: не потому европейцы такие активные, что хорошо питаются, поголовно ходят в сапогах, ездят по хорошим дорогам и пользуются телеграфом, а напротив, наличие телеграфа и всего прочего объясняется неутомимой активностью европейцев и их стремлением без устали карабкаться вверх и вверх, не останавливаясь на достигнутом уровне.

Можно, пожалуй, утверждать (не заморачиваясь излишней точностью формулировок), что этот *глас народа* оказался более адекватным существу дела, чем выводы тогдашней экономической науки, бурно развивавшейся в девятнадцатом веке и дружно объяснявшей феномен европейского цивилизационного рывка переходом к капиталистическому способу производства. Было бы странно и глупо отрицать громадную роль капитализма, как прогрессивной в то время организации хозяйственной жизни, в опережавшем все другие регионы мира развитии европейских стран. Но внимание политэкономов было занято почти исключительно превращением прибавочного продукта в средства производства и дополнительные ресурсы для нового – расширенного – цикла воспроизводства, так что наука мало интересовалась той частью овеществленного труда, которая, будучи изъята – в виде налогов, прибыли, ренты – у непосредственных производителей и переходя в распоряжение привилегированных социальных слоев, не только обеспечивает им беззаботное комфортное существование на привычном для них уровне, но и, постепенно накапливаясь и перетекая на ниже расположенные этажи социальной иерархии, представляет собой материальный базис всякого общественного развития. Такие – избыточные, по сравнению с традиционным уровнем потребления, – ресурсы дают обществу (в первую очередь, естественно, привилегированной верхушке) возможность расширения объема и спектра своих потребностей, что неизбежно ведет к появлению новых отраслей производства, новых профессий и занятий, к усложнению и реорганизации социальной структуры, к появлению все более многочисленных слоев населения, занятых не производством элементарных средств существования, а перераспределением созданного на нижних этажах прибавочного продукта и удовлетворения за его счет всё новых и новых потребностей общества⁷⁷. Именно

помимо устойчивого мнения о том, что *англичанка гадит*, да и эта нехитрая концепция, наверное, овладела их умами не раньше англо-бурской войны, по какой-то загадочной причине заинтересовавшей все население тогдашней России.

⁷⁷ «Производство прибавочного рабочего времени на одной стороне вместе с тем является производством *свободного* времени на другой стороне. Все человеческое развитие, в той мере, в какой оно выходит за рамки развития, непосредственно необходимого для естественного существования людей, состоит исключительно в использовании этого свободного времени и предполагает его как свой необходимый базис» (Маркс К. Экономическая рукопись 1861 – 1863 годов. / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. Т. 47. М.: Политиздат, 1973, с. 212).

«...этот прибавочный труд, с одной стороны, представляет собой базис свободного времени общества, а с другой стороны, тем самым – материальный базис всего общественного развития и всей культуры вообще. В той мере, в какой именно капитал вынуждает значительную часть общества к этому труду сверх ее непосредственной нужды, он создает культуру, выполняет определенную исторически-социальную функцию. Тем самым создается всеобщее трудолюбие

капиталистический способ производства многократно ускорил и принудительно интенсифицировал неустанное производство предоставляемого в распоряжение правящей верхушки прибавочного продукта, а тем самым и создал возможность быстрого развития общества.

Однако превращение этой возможности в реальные – вышеупомянутые – изменения традиционной социальной структуры и стереотипов поведения, безусловно, требует наличия в обществе достаточно большого количества лиц, не удовлетворяющихся своим положением и стремящихся выйти за пределы тех способов бытия, которые они застали в ближайшем окружении в процессе своего становления как человеческого существа определенного душевного склада. Другими словами, для быстрого освоения тех возможностей прогрессивного развития, которые появляются с избыточным накоплением прибавочного продукта, общество нуждается в достаточном количестве индивидов с линейным типом личности. И действительно, общество целиком состоящее из представителей патриархального циклического типа не только бы бессмысленно растратило, не найдя ему достойного применения, любое количество общественного богатства, превышающее его традиционные потребности, но и не дало бы ни малейших шансов на расцвет капиталистических способов хозяйствования. Любые попытки интенсифицировать производство на капиталистической основе угасли бы в очень краткий срок, натолкнувшись на отсутствие расширяющегося общественного спроса на производимые продукты. Следовательно, необходимо признать, что появление человека нового европейского типа было важнейшим фактором в том бурном развитии европейских стран, которое стало неоспоримым и наглядным в девятнадцатом веке, но началось на несколько столетий раньше.

Без доминирования в обществе людей такого типа капиталистический прогресс как-то не торопится проявлять свою потенциальную мощь. Это хорошо было видно на примерах тех стран из разных частей мира (не исключая и самой Европы), правящие слои которых, с завистью взирающие на экономическую и военную мощь европейских держав, были готовы перенять у них любые технологические новшества и способы ведения хозяйства, чтобы и самим оказаться во главе одной из могущественных и динамично развивающихся стран. Я поневоле ограничусь здесь лишь указанием на пример императорской России, об истории которой у меня есть хоть какие-то примитивные представления (чего не скажешь об истории других стран, вероятно, во многом схожих с Россией в этом отношении). Не будем здесь вспоминать одиозную фигуру Петра Великого – этого *недоросля* на троне, – который, правда, *уздой железной Россию поднял на дыбы*⁷⁸, но бешеная скачка вслед за

общества вообще, выходящее за пределы того времени, которое требуется для удовлетворения непосредственных физических потребностей самих работников» (Там же, с. 251).

«...понуждая рабочее время к превышению меры, определенной для удовлетворения физических потребностей рабочего, капитал толкает к большему разделению общественного труда, совокупного труда общества, к большему разнообразию производства, к расширению круга общественных потребностей и средств их удовлетворения, а также, следовательно, – к развитию производственных возможностей человека и тем самым – к приведению в действие человеческих способностей в новых направлениях» (Там же, с. 254).

⁷⁸ Любопытное, между прочим, выражение. Трудно себе представить, чтобы Пушкин с его исключительным слухом на поэтическое слово и на вызываемые им ассоциации, не заметил бы двусмысленности употребленного им выражения: *Россию поднял на дыбы* / *Россию поднял на дыбы*. А ведь, если отодвинуть в сторону фальконетов монумент, направляющий внимание читателя на одну из сторон этой двусмысленности, то такую читательскую ассоциацию вполне можно было иметь в виду. Однако, предположив, что поэт сознательно использовал именно такую формулу для описания подвигов Петра, мы, вероятно, должны будем существенно изменить общепринятое мнение о внутреннем смысле «Медного всадника» и об отношении поэта к рассказанной им фантастической истории. Обычное ее истолкование как художественного уравнивания правоты *бедного Евгения* (наследника *забытой старины*) и не меньшей правоты *горделивого истукана*, гонящегося за ним (надо полагать, в интересах создания мощной европейской державы), вряд ли можно будет считать адекватным истинному замыслу автора поэмы.

европейской цивилизацией на этом практически и закончилась. Реальный результат заключался лишь в некоторой внешней (косметической, можно сказать) «европеизации» привыкшего курить табак и насильственно побритого правящего слоя. И ради этого благого дела пресловутые «петровские реформы» нанесли производительным силам страны столь глубокую рану, что от ее последствий они так и не смогли оправиться до самого конца Российской империи. Даже в пушкинские времена (как, впрочем, и в блоковские) проблема усвоения прогрессивных – европейских – форм хозяйственной жизни стояла перед российским обществом практически столь же остро, как и во времена царевны Софьи. Правящая верхушка страны была всерьез заинтересована в экономических результатах европеизации русского хозяйства⁷⁹, предполагая, что бескрайность территории, большое и быстро растущее население и огромные природные ресурсы обновленной европеизированной России обеспечат ей первое, по-видимому, место в концерте мировых держав. Такого рода прогнозы о будущем могуществе страны, возвращающейся в Европу после трехсотлетнего татаро-монгольского ига, регулярно возобновлялись на протяжении двух веков и звучали вполне правдоподобно, лаская, вероятно, душу всякого русского патриота, но сбываться, тем не менее, не спешили. Такое несоответствие между ожидаемыми результатами осознанного следования европейским образцам и реальным состоянием русского хозяйства объяснялось (и объясняется до наших дней) разнообразными и важными причинами. Разумеется, для неотвратимого поворота на европейский путь развития необходимо сочетанное действие многих факторов, которые сложно ранжировать по степени их влияния на скорость данного процесса⁸⁰.

Однако, мне кажется, что эти факторы являются всё же косвенными следствиями одной основной причины, сдерживающей быстрое развитие капиталистического производства в России. И действительно, о каком стремительном и устойчивом росте экономики могла идти речь, когда 70 процентов российского населения составляли крестьяне, привычные к хлебу с лебедой⁸¹ и к самодельным лаптям и не видевшие в этом никакой беды? А из оставшихся 30 процентов большинство жило в городишках вроде *уездного города Калинова* и вовсе не стремилось к какому-то радикальному изменению своего положения. А зачем? И деды-прадеды наши так жили, и мы проживем. Тот, очень тонкий слой населения, в котором только и стоило искать людей линейного типа,

⁷⁹ По известному выражению Пушкина, «...правительство все еще единственный европеец в России» (Пушкин А.С. Черновик письма к П.Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 года. / Пушкин А.С. ПСС в 10 томах. Т. 10. Л.: Наука, 1979, с. 362).

⁸⁰ Можно предположить, что достаточно часто на роль главного тормоза развития капитализма в России историки и экономисты выдвигали недостаток свободных капиталов. Но если принять такое объяснение за истину, то неизбежно возникает следующий вопрос: почему же иностранные капиталы не ринулись в Россию (и подобные ей страны), если освоение этой необъятной по своим масштабам «целины» обещало в недалеком будущем громадные барыши? Что им в этом помешало?

⁸¹ «Первое впечатление, отвечавшее в положительном смысле на вопрос о том, находится ли население в нынешнем году в особенно тяжелых условиях: употребляемый почти всеми хлеб с лебедой, — с 1/3 и у некоторых с 1/2 лебеды, — хлеб черный, чернильной черноты, тяжелый и горький; хлеб этот едят все, — и дети, и беременные, и кормящие женщины, и больные.

Но смотришь на народ, на его внешний вид, — лица здоровые, веселые, довольные. ...Притом самый хлеб с лебедой, когда приглядишься, как и почему он употребляется, получает другое значение.

В том дворе, в котором мне в первом показали хлеб с лебедой, на задворках молотила своя молотилка на четырех своих лошадях... Ржи, правда, оставалось мало, четвертей 8, но, кроме овса, было до 40 четвертей картофеля, была греча, а хлеб с лебедой ела вся семья в 12 душ. Так что оказывалось, что хлеб с лебедой был в этом случае не признаком бедствия, а приемом строгого мужика для того, чтоб меньше ели хлеба... 'Мука дорогая, а на этих пострелят разве наготовишься! Едят люди с лебедой, а мы что ж за господа такие!'» (Толстой Л.Н. О голоде. / Толстой Л.Н. ПСС в 90 томах. Т. 29.

составлял лишь небольшую часть жителей немногих крупных городов и почти полностью (за исключением поместного дворянства, имевшего собственную экономическую базу) ограничивался лицами, получающими жалование из государственной казны. Понятно, что при таком соотношении сил спрос на товары возрастал очень медленно, и отечественная промышленность обслуживала не столько потребности широких слоев населения, сколько государственные квази-потребности, вроде строительства броненосцев, не принесших России ни малейшей славы, или завоевания Хивинского ханства, которое тоже, вероятно, не намного ускорило экономический рост российской державы. Видимо, взгляд на процветающую Европу изнутри таких, как Россия, стран и вел к пониманию народным разумом того, что дело здесь не в наличии капиталов, и не в доброй воле правительств, а в тех европейских людях, чей специфический образ жизни и соответствующие ему душевные качества являются истинным фундаментом европейского доминирования в мире.

Не менее удивительно, что тот же самый глас народа выбрал *английского джентльмена* в качестве законного представителя европейского типа человека. То, что образцовым европейцем был назван англичанин, вполне понятно – Англия конца девятнадцатого века была самой развитой в промышленном отношении страной мира и владычицей *империи, над которой никогда не заходит солнце*. Но почему именно *джентльмен* стал в общественном мнении самых разных стран эталонным образцом европейского типа человека? Казалось бы, если бросающимся в глаза достоинством типичного европейца была признана его неустанная активность, предприимчивость, деловитость, то его эталоном должен был стать удачливый предприниматель, коммерсант, финансист, на крайний случай, инженер, запатентовавший новый способ чего-то там, вследствие чего получивший всемирную известность и сказочно разбогатевший. Логика подобного выдвижения на первый план одного из типов деловых людей, вносящих свою лепту в развитие экономической мощи европейских наций, была бы очевидной и неоспоримой. Но каким образом на этом месте мог оказаться *джентльмен*, ни в какой экономической активности не замеченный и занимающийся чаще всего чем-нибудь совершенно несерьезным, вроде *соперничества* с лососями или беготни с сачком по джунглям Амазонки за экзотическими, но никому не интересными невзрачными мотыльками? С какой стати этот специфический тип стал олицетворять в мировом общественном мнении всех деловитых и не выносящих безделья европейцев? Ведь именно *джентльмен*, если мы не ошибались в своих рассуждениях, склонен относиться к любому своему занятию как к забаве, как к приносящему удовольствие развлечению. К нему и определение «деловой человек» вряд ли подойдет. Не дело он ставит во главу угла, не пользу, им приносимую и видимую всякому стороннему наблюдателю, а всего лишь свой субъективный интерес. Если взять для сравнения специально подобранную хорошим писателем пару человеческих личностей, в которой Обломов – типичный русский (циклический, в глубине своей, несмотря на европейское образование) человек, а Штольц – представитель европейского типа, делового и рвущегося куда-то за сегодняшний горизонт, и поместить на их фон типичного *джентльмена* (каким мы его себе представляем), то можно обнаружить неожиданный и любопытный факт. Несмотря на глас народа и на наши рассуждения о несомненной европейской сущности *джентльмена*, придется признать, что по многим параметрам наш герой будет скорее близок фигуре гончаровского Обломова, нежели Штольцу, хотя и довольно схематично изображенному писателем, но несомненно принадлежащему к тому же самому – линейному – типу личности, что и рядовой английский *джентльмен*. Но тогда мы опять возвращаемся к вопросу: так почему же эталонным образцом европейского человека стал *джентльмен*, а не какой-то из его соотечественников, по своим характеристикам лучше совпадающий с образом гончаровского Штольца?

Здесь есть загадка. Однако загадка заключается не в том, за какие-такие заслуги из всех подтипов линейного человека на роль его эталона был выдвинут именно *джентльмен*. Загадочно здесь другое. Мы, как видно, совершенно не представляем механику формирования этого самого *гласа народа* и, явно, недооцениваем

познавательные возможности такого, никому конкретно не приписываемого, общественного мнения. Самые обыкновенные люди, вряд ли особенно долго раздумывающие и обосновывающие свои взгляды на ту или иную проблему, высказывают свое мнение, не слишком заботясь о том, что думают по этому поводу профессионалы и специалисты. Все эти разнообразные высказывания повторяются, как-то суммируются, усредняются, транслируются и корректируются, так что через некоторое время дистиллированный экстракт всех этих мнений начинает играть роль общего мнения. И, как это ни удивительно, довольно часто такое мнение оказывается более точным и верным, нежели мнение специалистов, располагающих гораздо большими сведениями в данной области и потративших долгие годы на раздумья об этой проблеме. Как это происходит, абсолютно непонятно. Как раз в этом и состоит, по-моему, загадочность данного случая. Каким образом люди, не пользовавшиеся понятиями о разных типах личности, не дававшие никаких четких определений ни «европейскому человеку», ни «джентльмену», ни каким-либо другим терминам, не сговариваясь и не ведя публичных дебатов по этому вопросу, основываясь лишь на интуитивном понимании сути дела, сумели безошибочно определить тип «джентльмена» как высшую точку развития и квинтэссенцию «европейского человека»? Как им это удалось? Ответа на этот вопрос я не знаю. Но сегодня мы можем привести некоторые рациональные аргументы, обосновывающие правильность выбора, сделанного когда-то общим мнением на непонятной для нас основе.

Фундаментальным признаком человека линейного типа является, согласно определению, возможность индивидуального выбора жизненного пути. В самом начале этого пути – возможно, в ранние детские годы, еще до осознания собственного «я» – человек (точнее сказать, будущий человек) линейного типа оказывается в точке, из которой исходит множество дорог, и ему необходимо самостоятельно выбрать одну из них – то есть наметить какую-то еще невидимую ему точку, попасть в которую он будет стремиться всю свою жизнь. Именно в эту пору становления человека формируется и закрепляется в глубине психической структуры, определяющей базовые цели индивида, представление о конечной цели его жизни – зафиксировавшись, это представление (смысл его жизни) в дальнейшем служит ему главным ориентиром, и с ним он сверяет свои оценки и решения на всех этапах жизненного пути. Как осуществляется этот индивидуальный выбор? как влияет на него среда, в которой растет ребенок? какими способами происходят и какими факторами определяются неизбежные уточнение и коррекция детских представлений на этапах становления и взросления индивида? какие психические механизмы позволяют личности сверять и оценивать свое продвижение по избранному пути с той недоступной для прямого наблюдения целью жизни, которая таится в неосознаваемой глубине человеческого «я»? – на все такие вопросы у нас нет сегодня ответов. Более того, нет и уверенности, что приходящие нам в голову вопросы адекватно сформулированы и ведут к пониманию реального поведения людей линейного типа. И всё же, оставив на будущее детальные исследования этих сложных процессов становления личности, мы можем быть уверены, что каким-то образом такой индивидуальный выбор между возможными жизненными целями неизбежно происходит. Не выбрав своего пути, человек, чья цель не предопределяется самим фактом рождения в той или иной среде, просто не мог бы ориентироваться в жизни и принимать какие-либо решения.

Как ни широк набор возможностей, открывающийся перед человеком в момент выбора своей жизненной цели, он всё же ограничен в своих пределах. Разумно предположить, что на содержание такого набора существенно влияет окружение ребенка, та среда, в которой он воспитывается. Но еще большее ограничение происходит в период уточнения и переформулирования жизненной цели, когда перед личностью встает задача оформить свои смутные детские влечения и желания в виде конкретной жизненной программы, соотношенной с реальностью и имеющей некоторые шансы на успешное выполнение. В этот, чреватый заблуждениями и роковыми ошибками период становления личности, манящий, но пока что сотканный из туманных детских грез, образ

будущего счастья должен быть «спущен на землю» и стать на прочную почву реальности. Не теряя своей притягательности и сохраняя принципиальные черты запавшей в душу младенческой мечты, жизненные цели должны быть перенесены в координаты реальной жизни и приноровлены к конкретным условиям существования индивида. Чтобы избежать участи бесплотных и несбыточных фантазий, сформулированные в юные годы цели должны учитывать наличие средств и способов их достижения, имеющихся в распоряжении конкретного индивида. Ясно, что в жизни можно найти бесчисленное количество вариантов как адекватного (или содержащего непоправимую ошибку) формулирования личностью линейного типа земной цели существования, так и тех последствий, к которым привела, в конечном итоге, та или иная формулировка: сколько людей – столько и судеб. Бессмысленно даже пытаться как-то представить и описать эти варианты, но, оставаясь на абстрактно-теоретической точке зрения, можно утверждать, что условия существования индивида, его социальный статус и материальное благополучие на старте могут радикально изменять спектр тех жизненных путей, которые предоставляются индивиду на выбор, а также значимо влиять на вероятность успешного осуществления ими избранной жизненной программы.

Именно в этом ограничении спектра выбора следует искать заметное отличие джентльмена от прочих вариантов линейного человека. И отличие это очевидно. Если каждый из избирающих свою жизненную программу должен учитывать все предстоящие ему трудности и разумно соразмерять свои дерзкие планы с реальными возможностями их осуществления, то находящийся в начале своего жизненного пути джентльмен имеет значительные преимущества, по сравнению с теми, кто не входит в эту привилегированную социальную группу. Он может чувствовать себя значительно свободнее в своем выборе, и перед ним открыты многие из тех путей, которые заказаны для других членов общества. Его выбор шире и разнообразнее. Не то, чтобы джентльмен вовсе не ощущал земного тяготения, возвращающего его из области мечтаний на грешную землю, но всё же значительная часть тягот обыденной жизни не представляет для него серьезной проблемы. Он может не принимать во внимание заботы о хлебе насущном и необходимость тратить большую часть своей энергии на удовлетворение элементарных жизненных потребностей. Он с детства уверен, что, как бы ни сложилась его судьба, пока он остается джентльменом, общество обеспечит ему уровень благосостояния, приличный для этого социального статуса. Ему нет особого смысла ограничивать свои притязания, да он и не привык *по одежке протягивать ножки* – ему свойственно из предлагаемых вариантов выбирать лучшее. К тому же взятый им на вооружение принцип *честной игры* подталкивает его к выбору наиболее трудных (в разумных, естественно, пределах) и рискованных вариантов жизненной программы. И джентльмен, по-видимому, не ошибается относительно своих шансов на успех. Если – в данных исторических условиях – выбираемый им вариант жизненного пути более или менее реалистичен, то у кого из его современников может быть больше надежд на благоприятный исход предпринимаемой авантюры? Ведь не обремененный житейскими заботами он может направить всю свою энергию на достижение намеченной цели; он получил солидное, соответствующее современным стандартам образование и хорошую спортивную подготовку; он привык ощущать себя капитаном собственной души, и большинство окружающих его лиц, невольно поддаваясь исходящему от него волевому импульсу, легко соглашаются на его лидерство; ощущение за своей спиной обширной галереи славных предков не дает ему оснований сомневаться в собственных силах и вселяет в него уверенность, что любое начинание, не превышающее человеческих возможностей, годится и для него – нет причин заранее считать, что оно окажется ему не по плечу. И что, может быть, особенно важно, джентльмен, решаясь на что-либо, всегда чувствует за собой молчаливую поддержку сплоченного социального слоя, состоящего по большей части из влиятельных, обладающих обширными материальными ресурсами и властными полномочиями лиц – таких же джентльменов, как и он сам. Выбирая рискованный путь и ставя перед собой трудно достижимые цели, джентльмен

обоснованно рассчитывает, что ему будет на что опираться при осуществлении своих планов.

И еще одно (пусть и менее важное) обстоятельство, отличающее джентльмена от иных подтипов линейного – европейского – человека. Когда зашла речь о сравнении джентльмена с парой Обломов – Штольц, было высказано мнение, что идеальный английский джентльмен в каких-то своих качествах больше походит на склонного к погружению в нирвану и азиатскую расслабленность Обломова, нежели на энергичного и по-немецки деловитого Штольца. Это, разумеется, всего лишь читательское впечатление, но, надо полагать, оно не взято с потолка, а основывается на той картине, которую читатель находит в романе Гончарова. Что же сближает типичного (как убеждает нас автор) русского барина с произросшим в совершенно иных условиях типом джентльмена? Что у них может быть общего, если отставить в сторону их индивидуальные душевные свойства⁸²? Можно, конечно, предполагать, что их объединяет общность происхождения: и тот, и другой – отпрыски благородных семейств. Однако, мне кажется, что их сходство обусловлено более глубоким и неочевидным родством душ. У джентльмена, как мы его понимаем, несмотря на всю его рафинированную «европейскость» и линейность, есть одна черта, роднящая его с циклическим типом личности – в определенном отношении он самодостаточен. У него нет стимула стремиться к тому, чтобы *выбиться в люди* и занять более высокую по социальному положению ступеньку, – джентльмен исходно ощущает себя находящимся в высшем слое, на самом вершине социальной пирамиды.

Вообще ощущение внутренней самодостаточности – характерная черта личности циклического типа. Как только циклический тип достигает уровня, воспринятого им в детстве, как норма жизни, он считает, что живет в достатке и ему не надо стремиться к чему-то еще. И действительно, у него есть всё, что заложено в его жизненную программу, и ему незачем суетиться и ломать голову над тем, что бы ему еще такое затеять. Конечно, в жизни его что-то происходит: дети растут, урожаи сменяются неурожаями, случаются болезни, пожары, разные неприятные происшествия, требующие дополнительных усилий по ликвидации их последствий. Но и это входит в обычный жизненный круговорот – так было всегда и будет впредь. Такова жизнь человеческая. Не нами уклад этот установлен, не нам его и менять. Да и вообще: от добра добра не ищут. Вот это согласие с собственной жизнью, умиротворенность и гармония с миром, от которого личность ничего и не требует, помимо того, что ей уже дано, вызывали в наблюдающем за жизнью циклического типа удивление и даже зависть. Казалось бы, кто должен быть больше удовлетворен своей жизнью: граф Толстой, владеющий поместьем, большим барским домом, в котором усердно трудятся многочисленные слуги, и получающий за написанный в течение двух недель рассказ столько, что можно стадо коров купить, или сиволапый мужик, живущий в ветхой избе и каждую весну вынужденный, скрепя сердце, покупать какое-то количество хлеба, а раз в несколько лет и вовсе посылающий жену и детей «в кусочки»? А вот поди ж ты? Граф непрестанно мечется, хватается то за шитье сапог, то за вегетарианство и проповедь Евангелия, всё его не устраивает и ничего от жизни он не ждет, кроме неминуемой, жуткой в своей неотвратимости, смерти. А мужик, хотя и кряхтит временами, жалуясь на плохие хлеба и висящие на нем недоимки, но в целом вполне удовлетворен своей жизнью, катящейся по заведенному испокон веков кругу, и не устает славить Бога и судьбу за милостивое к нему отношение. И всё это несоответствие между реальными условиями существования двух сравниваемых лиц и их оценками собственного положения оказывается результатом того, что сравниваемые имеют разную структуру личности и, соответственно, разную структуру мира, в котором проходит их жизнь. Как ни велико богатство графа, – которому мужик, кстати сказать, вовсе не завидует: оно ему вовсе ни к чему, и если бы он стал вдруг владельцем графского поместья, это означало бы крах благополучной мужицкой жизни – но обладание им не

⁸² В случае джентльмена мы и не знаем ничего о его личных достоинствах, хотя и предполагаем у него благородство чувств, непоколебимую честность и прочие добродетели, свойственные и любезному нашему сердцу Илье Ильичу.

может удовлетворить Толстого, поскольку внутренняя цель его жизни лежит в какой-то иной плоскости – за пределами материальных условий существования. В то время как мужицкая цель жизни находится внутри уже имеющейся у мужика покосившейся избы и той «землицы», с которой связала его судьба, – пока эта земля родит и приносит какое-никакое пропитание, хозяину ее не на что особенно жаловаться и желать себе какой-то иной доли. Ведь именно такой представлялась ему будущая жизнь в его ранние годы – теперь он самостоятельный хозяин: он не *кормится* в услужении у чужих людей, а ест свой собственный хлеб и *кормит* свою семью. Следовательно, он живет в достатке – Бог даст, и дальше жизнь будет столь же благополучной, и его сыновья получат то же, что получил он от своих родителей.

Ясно, что самодостаточность джентльмена нельзя уравнивать с самодостаточностью циклических типов личности, хотя бы потому, что эта черта не мешает джентльмену – как и любому линейному человеку – неустанно стремиться за пределы своего наличного состояния. И в этом отношении, он, как и Толстой⁸³, не чужд, вероятно, беспокойству по поводу верности избранного им направления движения, сомнениям в своем успехе на этом пути, сетованиям, что дни бегут так быстро, а удача по-прежнему ускользает из расставленных на нее сетей. И хотя, как мы знаем, джентльмен – капитан своей души и не дает воли эмоциям, но, наверное, и у представителей этого слоя бывают дни тягостных раздумий, горьких и бесплодных сожалений, беспросветного отчаяния, когда кажется, что жизненная игра бесповоротно проиграна, и жить больше незачем. Как же без этого? И всё же определенная самодостаточность у джентльмена есть, и более того она является основой его самоощущения, хотя и ограничивается лишь одной сферой его жизни.

Суть дела здесь в том, что почти все линейные люди, стремящиеся выйти из круга своего существования и занять новые, до тех пор недостижимые рубежи, нацелены на повышение уровня материального благосостояния и, соответствующее этому обретение более высокого социального статуса. Подсобник на фабрике стремится стать мастером, фермер – прикупить лужок и увеличить стадо коров, сын аптекаря зубрит анатомию, чтобы стать паном доктором, поручик носит с собой маршальский жезл, и, в крайнем случае, согласен на чин полковника. Цель каждого из них – продвижение по социальной лестнице и обретение тех благ, преимуществ и привилегий, которые были недоступны им в начале их жизненного пути. Хорошим представителем этой категории лиц можно, по-видимому, считать и Штольца: хотя, начавши с относительно небольшого унаследованного от отца капитала, он к описанному в романе времени уже стал, судя по всему, богаче барского сына Обломова, да и в чинах заметно обошел своего приятеля, он вовсе не собирается на этом успокоиться и по-прежнему намеревается взбираться всё выше и выше. Если мы правильно истолковываем его поступки, его цель – занять как можно более высокое положение в обществе. Такое целеполагание, с одной стороны, служит фундаментом непрекращающейся активности линейных людей, их пресловутой *деловитости*, а с другой – приводит к тому, что повседневным ориентиром их деятельности оказывается *выгода*. Большая часть их поступков, решений, размышлений и переживаний оказывается лежащей в плоскости *выгоды* и *убытка*. Недаром бросающейся в глаза чертой характера деловых людей представляется их расчетливость, приписываемая обычно *немцам*, в отличие от простодушного и склонного к спонтанным эмоциональным реакциям *нашего русского человека*. Благодаря тому, что деловые люди неустанно следят и чутко реагируют на все события, прогнозы и слухи, касающиеся баланса выгод и убытков (на все, так сказать, *колебания биржевых сводок*), их жизнь

⁸³ Попавший в наши рассуждения из-за его замороженного внимания к Платону Каратаеву, деду Ерошке и другим «людям из народа», удивлявшим и мучившим писателя своей непохожестью на прозрачных для его взора «людей из общества», «из публики». Их прятие жизни, согласие с миром, которым вовсе не мешали их поистине жуткие – с писательской и с нашей точки зрения – условия существования, вызывали у Толстого жгучую зависть и желание проникнуть в их тайну – понять, на чем основывается присущее этим людям спокойное и лишенное суеты отношение к жизни и смерти.

почти целиком состоит из постоянной суеты, боязни что-то упустить, желания пронюхать о чем-то раньше всех, вовремя заметить изменения в направлении ветра и тому подобных судорожных (хотя и не лишенных рациональной подоплеки) реакций. По крайней мере, именно такими они выглядят в глазах сторонних наблюдателей, не принадлежащих к сонму деловых людей (или суетящихся в какой-то другой отрасли и, соответственно, читающих другие *биржевые бюллетени*).

Но совершенно не таков, как мы знаем, наш герой. Само предположение о том, что какие-то его поступки или высказывания обусловлены *презренной выгодой*, может быть расценено как публичное оскорбление и стать причиной кровопролитной дуэли. Каков бы ни был уровень его благосостояния, он вряд ли опустится до того, чтобы, забросив все свои увлечения и развлечения, посвятить большую часть своего времени увеличению текущих доходов – это было бы так не по-джентльменски, и могло нанести ему серьезную моральную травму. Но еще труднее представить, чтобы истинный джентльмен из кожи, что называется, лез, добиваясь более высокого социального статуса. Да и существует ли положение в обществе более высокое, нежели звание джентльмена? И потом: карабкаться со ступеньки на ступеньку, считать пенсы или сантимы, рассчитывать свои шансы на повышение в должности или получение желанного ордена – как это скучно, однообразно, утомительно, а главное, как мелко. Может ли джентльмен уподобляться в своем поведении лавочнику или клерку, мечтающему поднакопить деньжонок и стать владельцем парикмахерского салона? Фу-у!

Самоощущение джентльмена – его полупренебрежительно-полупрезрительное отношение к погоне за выгодой и житейскими благами, к желанию «выбиться в люди» – делает его почти что антиподом Штольца и ему подобных представителей линейного типа. И оно же роднит его с людьми циклического типа, для которых выгода вовсе не является главным регулятором поведения – они во всем следуют унаследованной традиции и свысока смотрят на тех несолидных суетливых молодчиков, что так и норовят урвать что-нибудь сверх положенного им по статусу⁸⁴.

Теперь мы можем подвести итоги своих многостраничных рассуждений о том, кто такой *джентльмен* и какими интересными для нас качествами обладает этот своеобразный человеческий тип. Разобрав различные стороны существования джентльмена и его отношения к жизни, мы пришли в конце к выводу, что этот вариант вида *Homo sapiens sapiens* должен быть классифицирован как личность линейного (европейского) типа, и более того является наиболее рафинированной разновидностью такой личности. Кардинальный признак линейного типа – способность к индивидуальному выбору жизненного пути – доведен у *джентльмена* до своего мыслимого совершенства⁸⁵. С этим обстоятельством, выражающим уникальное положение слоя джентльменов в общей структуре европейского общества, связаны и

⁸⁴ Можно предположить, что наше (сегодняшнее) отношение к героям гончаровского романа порождено нашим специфически *русским* взглядом на жизнь. Я не имею ни малейшего представления, как воспринимаются образы Обломова и Штольца читателями в других странах. Скорее всего, они никогда о них и не слышали. Но я думаю, что русские читатели большей частью симпатизируют не Штольцу (при всех его достоинствах), а Обломову (несмотря на его очевидные недостатки) – он кажется нам более человеческим, душевным, более близким нам самим. И вот этот – *русский* – взгляд на выдуманных литературных персонажей имеет в своей основе особую смесь воззрений, в состав которой входят как всё еще свойственные нам остатки «циклического» взгляда на жизнь наших совсем недавних предков, так и укорененная в нашей душе затаенная тоска по *европейскому идеалу*, олицетворяемому образом английского джентльмена.

⁸⁵ Поскольку *линейный тип личности* оказался венцом происходящего до наших дней антропогенеза и поскольку вид *Homo sapiens sapiens* обоснованно считается во многих отношениях вершиной эволюционного развития *приматов*, а следовательно, в некотором смысле и высшей точкой эволюции всего класса *млекопитающих*, то приходится признать, что Андрэ Моруа, поместивший *джентльмена* в самую верхнюю клеточку линнеевской классификации видов, не погрешил в этом вопросе против истины.

другие важные характеристики данного человеческого типа: его самодостаточность (неподчиненность диктату экономической необходимости), его независимость от внешнего принуждения (неподотчетность кому бы то ни было), его особое – любительское – отношение к любому предпринимаемому им делу и склонность рассматривать всякое занятие, как особый вид развлечения и свободную игру сил.

Карл Маркс первым заметил и теоретически осмыслил тот факт, что человечество подошло к порогу, отделяющему «царство необходимости», в котором оно пребывало все предыдущие тысячелетия своего существования, от «царства свободы»⁸⁶, в которое оно должно неизбежно перейти, если история не прекратит свое течение. К сожалению, философ не обратил внимания на живущих рядом с ним в Лондоне *джентльменов* (хотя и сам был одним из них), уже перешагнувших (как человеческий тип) этот порог и живущих, фактически, в таком, еще не видимом для всех, «царстве свободы». Вероятно, недосмотр классика можно объяснить господствовавшим тогда представлением о «классовом антагонизме» и непримиримости противоречий между трудящимися и живущими плодами их трудов эксплуататорами, ведущими паразитическое существование. Не менее обидно констатировать, что и среди джентльменов никто не обратил внимания на идеи великого мыслителя, слывшего, правда, вождем и идеологом рабочего движения, но и, помимо всего прочего, бывшим философским апологетом джентльменского образа жизни. Увы, *своя своих не познаша*. Давно уже нет Карла Маркса, а провозглашенные им философемы пошли на растопку так называемой «мировой революции». Ничего более ценного из них построить потомкам не удалось – мало было среди последователей истинных джентльменов. Что же касается другой стороны взаимного недопонимания, то и о судьбе джентльменов, вероятно, ничего утешительного не скажешь. Есть ли сегодня люди, ощущающие себя *джентльменами*, где они, чем занимаются? – на эти вопросы вряд удастся получить сегодня более или менее внятные ответы. Во всяком случае, на современные события джентльмены, даже если они в каком-то виде и существуют, уже не оказывают, судя по всему, ни малейшего влияния. Их эпоха осталась в прошлом, и ничто не свидетельствует о ее возрождении.

Однако, глядя на это прошлое с сегодняшней дистанции, мы можем сказать, что хотя общество, возникновение и становление которого провидел Маркс, еще не воплотилось в реальность – и даже рискованно было бы утверждать, что для нас оно стало ближе, чем для Маркса и его современников, – но люди, которые должны населять такое, разумно устроенное и дающее человеку все возможности для его полноценного развития, «коммунистическое» общество, уже были явлены миру в образе *идеального английского джентльмена*.

⁸⁶ «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью. Следовательно, по природе вещей, оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, во всех общественных формах и при всех возможных способах производства.

С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности. Но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения.

...По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе» (Маркс К. Капитал. Т. 3. / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. Т. 26. Ч. 2. М.: Политиздат, 1962, с. 386-387).

II. Джентльмен в роли героя классического детектива

Разобравшись, насколько нам это удалось, с *джентльменом* как особым человеческим типом, мы можем перейти к вопросу о том, как выглядит такой субъект, оказавшись в позиции Великого сыщика. Вопрос этот далеко не нов – о сыщике-джентльмене заговорили еще в те годы, когда Конан Дойл писал и публиковал новые рассказы о приключениях своего героя, а сегодня это может стать и темой школьных сочинений. Тем не менее, что-то еще не сказанное или невнятно сформулированное осталось и на нашу долю. Не забываясь чрезмерно о возможных повторениях банальных истин, мы можем порассуждать не только о самом факте появления легко узнаваемой фигуры джентльмена в той сфере деятельности, которая близко соприкасается с самой неприглядной и вызывающей отвращение стороной жизни, но и о вероятных причинах и последствиях такого (по-видимому, весьма неожиданного для читающей публики в раннюю эпоху становления детектива⁸⁷) скрещения взаимоисключающих миров – мира криминала, переполненного грязью и жестокостью, и мира, в котором беззаботные джентльмены срывают цветы удовольствий, не опасаясь запачкать руки.

1

Для начала просто взглянем на шеренгу самых известных героев детектива и сравним их портреты с тем представлением об идеальном джентльмене, которое сложилось у нас в предыдущем разделе.

1.1. Начинается этот славный ряд с фигуры Огюста Дюпена, и его образ можно считать основополагающим, с ним вынуждены были считаться все последующие мастера детективного жанра. Греческие статуи задали тон изображениям человеческого тела, и как бы ни уклонялись от этого канона Гоген, Модильяни или Кустодиев, зритель невольно соотносит изображенное на полотне не с увиденным им в зеркале или на пляже, а с греческими пропорциями идеальной фигуры. Но точно так же созданный По образ определил не только общие контуры фигуры Великого сыщика и господствующий колорит его изображения, но и потенциально задал спектр всех продуктивных вариаций этого персонажа. Трудно вообразить себе фигуру, сильнее отличающуюся от привычного облика джентльмена, чем мисс Марпл, но она потеряет значительную часть своей оригинальности и привлекательности, если читающий не увидит ее контраста с Дюпеном и его многочисленными литературными потомками. И неверно было бы рассматривать образ Дюпена только как эскиз еще не нашедшей воплощения фигуры Великого сыщика. Хотя до окончательного оформления детективного канона должно было пройти еще полвека, гений По безошибочно выявил необходимые новому жанру компоненты и соединил их в безупречно функционирующую, жизнеспособную конструкцию, которая в дальнейшем почти не подвергалась принципиальным усовершенствованиям и модификациям. Это справедливо и в отношении изобретенного писателем прототипа всех будущих героев детектива.

Что же касается заданного нами вопроса, то персонаж, образ которого был положен По в основу заявившей о возникновении нового жанра «рациоциации», – несомненный

⁸⁷ В качестве аналогии можно предложить сюжет о Татьяне Лариной, выступающей в роли хозяйки припортового кабачка.

джентльмен⁸⁸. Дюпен и задуман как образцовый джентльмен, и снабжен недвусмысленными приметам этого специфического человеческого типа. Умеренно эксцентричный в своих вкусах и не имеющий настоятельной нужды заниматься каким-либо общепольным трудом или регулярно посещать место службы, он живет затворником, не появляясь «в свете», общается лишь с немногими знакомыми и все свое время посвящает размышлениям о свойствах человеческой природы. Обычные житейские страсти его, судя по всему, не волнуют, и привлечь внимание героя может лишь нечто совершенно бесполезное, но обещающее возможность «позабавиться»⁸⁹ (вроде газетного сообщения о жутком убийстве, произошедшем при загадочных обстоятельствах). Такое описание прямо указывает на *джентльмена*, обладающего всеми характерными признаками этого типа. Правда, можно усомниться, был ли такой вариант джентльмена обыденным в описываемые По времена и не ближе ли он представителям этого социального слоя, жившим на полвека позднее – в эпоху Уайльда? К сожалению, мои, неизвестно из каких книжек почерпнутые, познания об этих временах слишком ничтожны, чтобы обсуждать такие вопросы хотя бы с минимальной степенью уверенности. Однако, если в высказанном предположении содержится некоторая доля истины, придется признать, что и в этом замечательный писатель сумел опередить свое время и видел *образцового джентльмена* таким, каким ему предстояло стать лишь через полвека социальной эволюции этого слоя. И в этом случае решение По сделать своего героя французом и перенести место действия рассказа в Париж можно истолковать, как предусмотрительное нежелание давать читателю повод для произвольного сравнения образа Дюпена с теми реальными джентльменами, с которыми читающий мог сталкиваться в своем окружении.

1.2. Переходя к следующей знаковой фигуре в ряду Великих сыщиков – Шерлоку Холмсу, мы можем не тратить время на банальные утверждения. Именно этот знаменитый литературный персонаж дал критикам основание говорить о герое детектива как о «сыщике-джентльмене» и до сих пор остается основным примером в этой области рассуждений, несмотря на появление в дальнейшем *Лорда Питера* (героя романов Дороти Сэйерс) и других аристократов, не гнушавшихся распутыванием криминальных загадок. «Джентльменство» Шерлока Холмса очевидно и несомненно – не стоит здесь и копы ломать. Но остается один – пусть только формальный – вопрос, который остается не до конца проясненным. Несмотря на то, что жизненный путь этого героя изучен в мельчайших подробностях и сделаны все мыслимые допущения и предположения о любых обстоятельствах его быта, образа жизни и характера⁹⁰, мне не удалось найти никаких сведений о наличии у Холмса некоторого постоянного дохода, не связанного с его гонорарами за проведенные расследования. Надо полагать, во всем корпусе текстов, составляющих «Сагу о Шерлоке Холмсе», нет ни малейших намеков на эту – немаловажную для нас – сторону дела. Однако, если учесть тот факт, что после завершения обучения в Оксфорде Шерлок достаточно длительное время не работал и занимался усердным изучением предметов, знание которых могло ему пригодиться в будущих расследованиях, можно предположить его относительную финансовую

⁸⁸ Надо совершенно забыть о своем, присущем каждому читателю, литературном слухе, чтобы увлечься дикой идеей о том, что толчком к созданию рассказа стало знакомство По с мемуарами Видока и, следовательно, что именно этого бывшего уголовника, а затем полицейского, надо считать прообразом Дюпена.

⁸⁹ «Что касается убийства, то давайте учиним самостоятельный розыск, а потом уже вынесем суждение. Такое расследование нас позабавит (у меня мелькнуло, что ‘позабавит’ не то слово, но я промолчал)...» (По Э. Убийства на улице Морг. / По Э. А. Полное собрание рассказов. М.: Наука, 1970, с. 296).

⁹⁰ В качестве примера такой «холмсоведческой» литературы можно привести книгу Гэвина Брэнда, написанную в 1951 году и содержащую многочисленные ссылки на предшествующие работы: Brend G. My dear Holmes: a study in Sherlock. L.: Allen and Unwin, 1951 (русский текст книги в переводе П.Моисеева - <http://detective.gumer.info/txt/brend.doc>).

обеспеченность – лишенным средств к существованию он, как и прочие джентльмены, себя не чувствовал.

Приклеившееся к нему издавна определение «сыщик-джентльмен» было, конечно, обусловлено не его благородным происхождением или изысканными манерами и галантным отношением к дамам – не это имелось в виду. По аналогии с другими подобными определениями, вроде «гонщик-джентльмен», оно указывало на любительский характер деятельности субъекта. И в этом отношении «Рассказы о Шерлоке Холмсе» вполне красноречивы, давая достаточно указаний на явную принадлежность Великого сыщика к сонму «любителей» несмотря на тот факт, что проведение различного рода расследований и выявление преступников декларировались им как его профессиональное занятие – как источник получения дохода. «Любителем», а следовательно, и джентльменом, выбравшим одно из возможных – уже ставших для кого-то профессией – занятий в качестве постоянного жизненного увлечения, делает Холмса его отношение к делу. Хотя в некоторых случаях гонорары сыщика могли быть весьма впечатляющими (рассыпанные в текстах сведения о важных государственных поручениях, о близком знакомстве с коронованными особами и представителями самых знатных семейств прямо намекают на крупные размеры вознаграждений), в части случаев они были мизерны и не могли покрыть даже издержек расследующего, не говоря уже о приличествующей фигуре такого ранга оплате его труда. Даже одного этого, неоспоримо подтверждаемого текстом рассказов, факта достаточно, чтобы говорить, что ключевым мотивом Шерлока Холмса, определяющим, за какие из предлагаемых ему расследований он берется, а от каких уклоняется, нельзя считать стремление к максимальной выгоде. И действительно, многочисленными способами рассказчик внушает читателю представление о своем герое, как о человеке, который находит удовлетворение в самом процессе расследования и не слишком заботится о выгодности того или иного дела. Отсутствие интересных дел, от которого временами страдает Холмс, воспринимается им не как упущенная выгода (об этом нет и речи), а как тягостная невозможность найти достойное применение своим сыщическим талантам, как лишение его главного жизненного удовольствия и как нестерпимая для его активной природы необходимость проводить длительное время в скучном вынужденном безделье⁹¹. И кем же, кроме настоящего джентльмена, может быть такой человек?

1.3. Следующим в нашей портретной галерее по праву должен стоять патер Браун – центральный персонаж большинства детективных рассказов Честертона. Фигура, которую трудно совместить с обыденным представлением о джентльмене, да и задумана она была автором, с юных лет восхищавшимся образом Шерлока Холмса, как своеобразный антипод этому захватившему воображение читающей публики герою. На сцену был выведен невзрачный пожилой сельский священник, не имеющий железных мускулов и не владеющий приемами бартитсу, не придающий, по всей видимости, важного значения дактилоскопии (она уже вошла в употребление ко времени выступления на сцену патера Брауна) и вряд ли хоть что-то знающий о химических методах обнаружения следов крови, а тем более о многочисленных разновидностях табачного пепла. И этот, казалось бы совершенно непригодный для сысского дела, субъект, тем не менее, вовсе не уступал своему старшему знаменитому коллеге в проницательности при раскрытии криминальных тайн. Надо заметить, что недостаточно даже ясно, можно ли говорить о

⁹¹ «Мой мозг бунтует против безделья. Дайте мне дело! Дайте мне сложнейшую проблему, неразрешимую задачу, запутаннейший случай — и я забуду про искусственные стимуляторы. Я ненавижу унылое, однообразное течение жизни. Ум мой требует напряженной деятельности. Именно поэтому я и выбрал для себя свою уникальную профессию, точнее, создал ее, потому что второго Шерлока Холмса нет на свете. ...Я не ищу славы. Когда мне удастся распутать дело, мое имя не фигурирует в газетах. Я вижу высшую награду в самой работе, в возможности применить на практике мой метод» (Дойл А.К. Знак четырех. / Дойл А.К. Собрание сочинений. В 12 томах. Т. 1. М.: Рипол классик; Престиж книга; Литература, 2005, с. 140).

проводимых патером Брауном расследованиях? Он не выезжает по зову клиентов в отдаленные поместья, не сидит в засадах, не ползает по пыльному полу с лупой в руке, не следит, переодевшись старухой или отставным боцманом, за подозреваемыми... Короче говоря, он не делает ничего из того набора, который и до сих пор многие считают сутью детективного жанра⁹². Надо отдать должное литературному таланту Честертон и его способности в гуще бросающихся в глаза деталей и обстоятельств разглядеть суть дела – черта, роднящая автора с его героем. Он отодвинул в сторону весь этот – большей частью заимствованный из авантюрного жанра и любимых публикой бульварных романов – антураж и доказал, что сущность детектива не в исследовании отпечатков пальцев и не в тщательном хронометраже передвижений подозреваемых, а в умении найти ту – часто единственную – точку зрения, глядя с которой, можно увидеть не хаотическое переплетение никак не связанных фактов и загадочных происшествий, но стройную и логичную историю произошедшего.

Поскольку расследований, как таковых, герой не предпринимает⁹³, нет особого смысла и говорить о его профессионализме или любительстве – распутывание криминальных загадок не является для него ни профессией, ни хобби. Его вмешательства в расшифровку подоплеки драматических происшествий – лишь случайные эпизоды в жизни маленького, скромного священника. Можно сказать, что патер Браун близок сыщику-джентльмену ввиду очевидной бескорыстности своих поступков. Сама механика его участия в расследованиях такова, что не возникает и мысли о возможности получения им какого-либо дохода в качестве сыщика-консультанта. С другой стороны, с профессионалами сыска этого героя роднит то, не слишком бросающееся в глаза, обстоятельство, что его цель находится за пределами непосредственного выяснения истинной картины преступления. Конечно, получение вознаграждения за свои услуги, мысли о размерах будущей пенсии или карьерные соображения его не волнуют, но, встречая в расследованиях, которые, вроде бы, его никак не задевают, он стремится не к чистому постижению истины – чего мы ожидаем от сыщика-джентльмена, – а к выполнению своего профессионального долга. Только надо иметь здесь в виду профессию не сыщика, не служителя закона, а профессию отца Брауна по основному, так сказать, месту работы. Профессиональная деятельность священнослужителя предполагает пастырское руководство своими духовными чадами, возвращение грешников на праведный путь, душевную поддержку и утешение всем, изнемогающим в борьбе с тяготами жизни и собственными пороками. Как раз достижение именно этих целей и можно считать основным мотивом, побуждающим патера Брауна раз за разом ввязываться в грязные и кровавые криминальные истории, к которым он, по сути, не имеет ни малейшего отношения. Как уже говорилось, расхождение между внутренней целью деятельности, определяемой самим предметом (в данном случае, расследованием), и той целью, которая руководит активностью субъекта, может приводить к противоречию между мотивами и сильно затруднять достижение оптимальных результатов (наилучших, с точки зрения самого дела). Теоретически рассуждая, это правило должно быть справедливо и в данном конкретном случае. Можно было бы ожидать, что страстное стремление спасти заблудшие души будет регулярно сбивать увлеченного пастырским долгом патера Брауна с пути постижения истины и низводить этого незадачливого детектива на роль очередного Лестрейда, беспомощно ожидающего вступления в дело настоящего сыщика-джентльмена. Однако, совершенно

⁹² Если, конечно, они не считают главными приметами детектива рискованные – с визгом тормозов и зависанием колес над краем пропасти – бешеные погони за преступниками, рукопашные схватки и захватывающие дух перестрелки. Как было сказано в давнем, но до сих пор не уходящем с телевизионных экранов известном фильме: «Один бежит – другой догоняет». Таков непреложный закон жанра. Детектив без погони – это как жизнь без любви».

⁹³ Никто не обращается к патеру Брауну за специфической помощью, а он не принимает на себя миссию розыска преступников. У него вообще нет намерений заниматься проблемами преступности, и лишь по воле автора рассказов он регулярно оказывается там, где происходят загадочные преступления.

ясно, что ничего подобного с честертоновским героем не случается. Сюжеты рассказов таковы, что вопросы спасения душ теснейшим образом переплетены с образующей криминальную загадку историей преступления, так что разобраться с грехами и мелкими прегрешениями персонажей не представляется возможным, не разрешив криминальной загадки. И напротив, оказывается, что, если правильно понять душевные драмы участников событий и психологическую подоплеку их поступков, зачастую вовсе не лежащую на поверхности и неверно трактуемую окружающими, то истинная картина произошедшего приобретает ясный смысл, а следовательно, разрешается и заинтригованная читателя криминальная загадка⁹⁴.

Резюмируя, можно сказать, что у нас нет достаточных оснований для того, чтобы квалифицировать патера Брауна как типичного «сыщика-джентльмена». Единственная обнаруженная у него черта, которая роднит его с представителями этого подвида литературных героев, заключается в его бескорыстном поиске истины, столь характерном для всякого *настоящего джентльмена*. Во многом же он заметно отличается от известных нам по разным детективам воплощений этого типа сыщика, восходящего, в конечном итоге, к образам Дюпена и Холмса. Другого невозможно было и ожидать, если не забывать, что своим появлением на свет этот литературный герой был обязан очевидному стремлению Честертона противопоставить восхищавшему его конандойлевскому персонажу *другого* Великого сыщика – человека, во всём, что только можно, отличного от Холмса, но при этом не уступающего ему в глубине и точности своих прозрений. И всё же общая тональность честертоновских рассказов⁹⁵, сюжетные коллизии, обрисовка персонажей, общие предпосылки и предположения, лежащие в основе умозаключений, не слишком контрастируют с тем, что мы привыкли встречать в других детективах. У читателя не возникает впечатления, что патер Браун проецирует увиденное на другие координаты и, соответственно, видит мир иным, нежели Холмс с Ватсоном или Дюпен со своим спутником. Но это значит, что точки зрения Холмса и патера Брауна в общих чертах идентичны, и следовательно, герой Честертона не в меньшей мере заслуживает именованного *джентльменом*, чем бывший его негативным прообразом Холмс. Можно, по-видимому, предположить, что скрытая от нас реальность именно такова: потомок небогатого благородного семейства мистер Браун учился, как и Холмс, в Оксфорде, после чего избрал в качестве своего жизненного пути служение

⁹⁴ Не исключено, что автор «Саги о патере Брауне» не согласился бы с нашей трактовкой обсуждаемой проблемы и отверг бы предположение о том, что не имеющая исключений сыщическая эффективность его героя во многом обусловлена литературной ловкостью автора рассказов, умеющего незаметно для читателя подобрать такие сюжеты, которые самой своей конструкцией предопределяют успешность «психологических методов сыска», практикуемых патером Брауном.

Возможно, что, будучи глубоко верующим христианином, Честертон не сомневался в полном тождестве божественной *правды* и объективной *истины* – сказано ведь: «Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь...» (Ин. 14:6). И следовательно, между искомым патером Брауном правдой, лежащей в той же понятийной плоскости, что и грех, раскаяние и спасение, и истиной, которая находится в области логики, независимой от всех наших душевных переживаний, никакого расхождения, а тем более противоречия, быть не может. Но здесь я должен остановиться, поскольку не чувствую себя уверенно в обсуждении столь сложных богословских проблем.

⁹⁵ Если вынести за скобки характерную для некоторых рассказов излишнюю цветистость описаний, чрезмерную приподнятость чувств, театральную пышность декораций, в которых разыгрывается действие, и вообще, склонность к бутафорским изыскам – черты повествования, вовсе не обычные для большинства стандартных детективов, скорее тяготеющих к унылой обыденности и к минимальному загромождению сцены. Однако всё это не имеет прямого отношения к образу патера Брауна и должно быть целиком отнесено на счет особенностей (или издержек, по мнению некоторых читателей) литературного стиля Честертона. Как к нему ни относиться, но приходится признать, что каждому большому писателю присуща своя индивидуальность, которую не может полностью нивелировать жанровая природа произведения.

церкви, так что лишь стечение случайных обстоятельств вынуждает его вступать в конкуренцию с джентльменами, ставшими сыщиками по призванию. Можно считать и так, но еще проще объяснить совпадение точек зрения, господствующих в сравниваемых нами детективах, тем, что несомненными *настоящими джентльменами* были оба автора: и создатель Холмса, и творец патера Брауна, невольно передавшие своим героям собственные – *джентльменские* – взгляды на мир.

1.4. Еще один пример знаменитого Великого сыщика – Эркюль Пуаро, чья известность уступает, видимо, лишь всемирной славе самого Холмса. Его образ, как можно предполагать, был задуман начинающей писательницей также в виде оппозиции конандойлевскому герою, уже ставшему к тому времени классическим образцом и эмблемой детективного жанра⁹⁶. И речь здесь не столько о его гротескном внешнем облике и его «континентальной» манере изъясняться, несколько отдающими клоунадой, сколько об оригинальной и продуктивной, в конечном счете, концепции, положенной в основу замысла этого литературного персонажа. Исходной точкой в создании образа Пуаро можно считать характерное для большинства англичан отношение к тем, кого они распознают как «иностранцев», – национальная черта, многократно всплывающая во многих произведениях Агаты Кристи, даже вне связи с появлением в них маленького яйцеголового гения сыска. Ко всякому плохо (или с акцентом) говорящему по-английски рядовой британец относится с большим недоверием и склонен считать его потенциальным жуликом или уж, во всяком случае, крайне ненадежным типом, от которого можно ожидать каких угодно выходов. Таким «чуждым элементом» трудно рассчитывать в Англии на теплый прием в обществе и почтительное к себе отношение. Даже независимо от национальной принадлежности индивида⁹⁷ и от его социального статуса в собственной стране он расценивается, как заведомо неспособный обладать теми же достоинствами, что и истинные британцы. Уже сама его «иностранность» воспринимается как серьезный недостаток и как симптом потенциальной моральной дефективности оцениваемого субъекта.

Именно такого обобщенного «иностранца» и выбрала Кристи в качестве своего главного героя, желая противопоставить его типичному английскому сыщику-джентльмену, уже нерасторжимо связанному с образом Великого сыщика в сознании читателей детективов. В городе, где жила юная Агата, во время Первой мировой войны было много бельгийцев, оказавшихся здесь в качестве беженцев без определенных занятий и положения в обществе. Мысль о том, что эти люди, у себя на родине бывшие, возможно, известными и уважаемыми, здесь должны были испытывать пренебрежительно-подозрительное отношение со стороны аборигенов, большинство из которых ничем особенным – кроме своего местного происхождения – похвастать не могло, и привела, вероятно, писательницу к решению выдвинуть на роль Великого сыщика отставного бельгийского полицейского, бывшего знаменитостью в своей стране, но в Англии не обладавшего ни малейшим авторитетом⁹⁸. Осталось добавить сюда

⁹⁶ Правда, сама Кристи в «Автобиографии» пишет: «Я все еще оставалась в русле шерлокхолмсовской традиции: эксцентричный сыщик, подыгрывающий ему ассистент, детектив из Скотланд-Ярда типа Лестрейда — инспектор Джепп...» (Кристи А. Автобиография. СПб.: «Лимбус-пресс», РИК «Культура», 1997, с. 316). Тем не менее, ее стремление поставить на место Холмса столь же умного сыщика совершенно иного типа невозможно опровергнуть – результат переосмысления «шерлокхолмсовской традиции» говорит сам за себя. Тем более, что на предыдущих страницах своего автобиографического повествования, рассказывая о появлении у нее замысла первого романа, она пишет: «Каким же быть моему детективу? Ведь нельзя, чтобы он был похож на Шерлока Холмса, надо придумать собственного...» (Там же, с. 284).

⁹⁷ Французы котируются здесь не намного выше, чем русские, сербы или индусы.

⁹⁸ В определенном смысле здесь можно усмотреть аналогию между отставным бельгийским полицейским, прозябающим без дела в английском захолустье, и выдуманным мною русским «галиполийским редактором», который вряд ли мог бы избежать снисходительно-

характерный внешний облик – забавный коротышка, украшенный бросающимися в глаза усами, – и помпезное имя Геркулес, так контрастирующее с его отнюдь не атлетическим видом, и готова комическая фигура, в которой никто из добропорядочных и привычно самоуверенных англичан не сможет распознать опаснейшего врага преступников всех мастей и выдающегося мастера сыскного дела. Даже капитан Гастингс, издавна знавший этого героя и хорошо знакомый с профессиональной репутацией бельгийского полицейского, временами поддается всеобщему заблуждению и в описаниях переходит на покровительственный тон, как бы защищая Пуаро перед читателем и извиняясь за его – свойственные всем этим иностранцам – чудачества. В своем первом романе, где и появляется знаменитый в будущем Эркюль Пуаро, Кристи, опасаясь, видимо, как бы читатели не восприняли столь гротескное изображение за пародию на Великого сыщика⁹⁹, даже привлекает авторитет заслуженного английского полицейского – инспектора Джеппа из Скотланд-Ярда, – чтобы развеять юмористическое отношение к герою и побудить читающего к цельному восприятию этой намеренно контрастно изображенной личности¹⁰⁰.

Предположив, что Пуаро был задуман, как полная противоположность уже привычной для читателей фигуре сыщика-джентльмена (а мне кажется, такое предположение вполне обоснованно), мы должны признать, что этот детективный герой не может выступать в роли джентльмена – это совсем другой социальный тип. О таком выводе позаботилась сама Агата Кристи. В последующих произведениях писательницы образ Пуаро несколько изменяется и дополняется, но его отличия от сыщика-джентльмена, ищущего в своих расследованиях в первую очередь развлечения, остаются явными, и Кристи вовсе не пытается их как-то затушевать. В одном из романов этот герой мимоходом сообщает, что происходит из бедной семьи и что в своей карьере полицейского ему пришлось рассчитывать только на свои собственные силы¹⁰¹. Следовательно, у нас нет возможности предполагать его благородное происхождение и наличие у него исходной экономической независимости. Правда, впоследствии – уже ближе к концу его сыщических подвигов, попавших на страницы созданных Кристи детективов, – он стал, благодаря крупным гонорарам, весьма состоятельным человеком и мог, по его словам, отдыхать и развлекаться, как ему заблагорассудится.

Всё же главный довод против его джентльменства заключается в том, что он – несомненный профессионал и вряд ли даже почувствовал бы себя польщенным, если бы его признали за любителя сыскного дела. В начале своей деятельности он – служащий

покровительственного тона со стороны своего английского коллеги, которому я доверил редактирование «Епархиальных ведомостей», даже если бы русский эмигрант намного превосходил последнего по умственным способностям, образованию и таланту.

⁹⁹ Вроде *Шемрока Джольнса* из неудачной пародии О'Генри или даже *мистера Моркоу – иностранного сыщика* из «Приключений Чиполлино» Дж. Родари.

¹⁰⁰ «Однако Джепп озабоченно взглянул на Пуаро.

– Погодите, Саммерхэй, не кипятитесь, – шутиливо произнес он. – Мы с мусье давно знакомы... и нет в мире другого такого человека, к чьему мнению я предпочел бы прислушаться. Я почти не сомневаюсь, что у него припрятан козырь в рукаве. Разве я не прав, мусье?

Пуаро улыбнулся.

– Да, вы правы... я пришел к определенным заключениям, – с улыбкой признал Пуаро.

Саммерхэй еще выглядел сомневающимся, но Джепп продолжал испытующе взирать на бельгийца» (Кристи А. Загадочное происшествие в Стайлзе. / Кристи А. Загадочное происшествие в Стайлзе. Большая четверка. М.: Издательство «Э», 2015, с. 109).

¹⁰¹ «– Видите ли, – снова говорил Пуаро. – Детство у меня прошло в бедности. Семья была большая, и нам пришлось самим выбиваться в люди. Я пошел работать в полицию, трудился в поте лица. И постепенно поднимался по служебной лестнице. Мое имя стало известным в профессиональных кругах, сначала на родине, в Бельгии, а потом и в других странах. Потом я вышел в отставку. А вскоре после этого началась война. Я был ранен. Больной и измученный, я приехал в Англию...» (Кристи А. Трагедия в трех актах. / Кристи А. Собрание сочинений. В 20 томах. Т. 5. М.: Артикул, 1997, с. 453).

бельгийской полиции (и о его подвигах в эту пору мы практически ничего не знаем), а затем – частный детектив, работающий по найму и выполняющий расследования по заказу клиентов, имеющих возможность оплачивать его солидные гонорары¹⁰². Такова картинка, нарисованная Агатой Кристи, и ее основные контуры воспроизводятся на протяжении всего жизнеописания героя, появлявшегося на протяжении полувека во множестве романов и рассказов королевы детектива. Даже такая, казалось бы, аутентичная черта характера Пуаро, как пресловутая «эксцентричность» (роднящая его с *настоящими джентльменами*), в значительной степени объясняется его осознанным намерением утрировать свою «иностранность» и комичность, чтобы, пользуясь этим, легче добиваться успехов в своей профессии¹⁰³.

Однако, при всей прочности «фундамента неджентльменства», на котором построен образ Пуаро, в его описании есть одна – и чрезвычайно важная – черта, не позволяющая полностью противопоставить этого героя классическому сыщику-джентльмену, – а именно, его отношение к делу. В одном из самых ранних рассказов с участием Эркюля Пуаро писательница вкладывает в его уста следующее признание:

«Мадемуазель, порой собаке бывает трудно отыскать след, но если в один прекрасный момент она этот след взяла, ничто на земле не остановит ее! Естественно, если собака хорошая. А я, Эркюль Пуаро, – превосходный пес, мадемуазель»¹⁰⁴.

Ясно, что такое высказывание вовсе не характерно для профессионального сыщика, чьим основным мотивом должна быть цель, лежащая за рамками самого дела. Его мотивом может быть выполнение служебных инструкций и указаний начальства или поручение, данное заказчиком, но продолжение деятельности после открыто выраженной воли клиента прекратить расследование никак не вяжется со статусом профессионала. Собаку, самостоятельно вынюхивающую заинтересовавший ее след, вряд ли можно считать хорошей ищейкой.

Чтобы проиллюстрировать естественное отношение профессионала к своей работе, я позволю себе отступить несколько в сторону и привести большую цитату из не слишком известного рассказа Чапека «Следы», в котором дано блестящее разъяснение установки профессионального полицейского по отношению к тем проблемам, которые обычно стоят в центре всякого детективного сюжета. В рассказе описана стандартная детективная

¹⁰² Писательница не забывает время от времени напоминать читателям, что ее герой очень высоко ценит свое рабочее время и не склонен задаром эксплуатировать производственные мощности своих знаменитых «серых клеточек», считая, что всякое его действие должно быть соответствующим образом оплачено.

¹⁰³ «– Извините меня... – нерешительно начал мистер Саттертуэйт.

– Наверное, хотите, чтобы я что-то вам объяснил?

– Да, мне хотелось бы знать...

– Пожалуйста, спрашивайте.

– Почему вы иногда говорите безупречно, а иногда... не совсем?

Пуаро засмеялся.

– О, охотно объясню! Я и впрямь умею хорошо говорить по-английски. Однако, мой друг, ломаный английский дает неоценимые преимущества. Люди начинают вас немного презирать. 'Иностранец! – говорят они. – И сказать-то по-английски ничего толком не умеет'. Я не люблю нагонять на людей страх, я предпочитаю выглядеть в их глазах немного смешным. А еще обожаю хвастаться! 'Э-э, приятель, – думает англичанин, – уж слишком ты о себе возомнил! Видно, не многого стоишь!' Так обычно думают англичане. А ведь это неверно. Понимаете, я таким образом усыпляю их бдительность. К тому же это уже стало привычкой...» (Кристи А. Трагедия в трех актах. / Кристи А. Собрание сочинений. В 20 томах. Т. 5. М.: Артикул, 1997, с. 599).

¹⁰⁴ Кристи А. Коробка шоколада. / Кристи А. Собрание сочинений. В 20 томах. Т. 20. Ч. 1. М.: Артикул, 1999, с. 117). По-видимому, это единственный случай, когда мы узнаем о происшествии, расследованном Пуаро в бытность полицейским. Причем, что интересно, именно в этом сюжете он откровенно выступает в качестве любителя: будучи в отпуске, он берется за расследование по просьбе одной милой и мучающейся сомнениями девушки.

загадка (решение которой так и осталось никому не известным). Возвращаясь вечером домой, пан Рыбка наткнулся на цепочку человеческих следов. Следы эти, четко отпечатавшиеся на свежевыпавшем снегу, внезапно обрывались посреди улицы – вокруг последнего отпечатка была нетронутая белизна снега, так что ничего, кроме внезапного вознесения на небо, нельзя было и предположить. Крайне озадаченный наблюдатель такого необъяснимого феномена решает сообщить о нем в полицию. Однако пришедший по его звонку полицейский комиссар, осмотрев следы, не увидел в них причины для своего профессионального вмешательства. И вот здесь Чапек дает исчерпывающую характеристику профессионального образа мыслей:

« – Значит... – весь напрягшись, спросил пан Рыбка.

– Да, – спокойно подтвердил комиссар, – это значит, что дальше он не сделал ни шагу.

– Куда же он делся? – в необычайном волнении вырвалось у Рыбки.

Комиссар пожал плечами.

– Не могу знать. Вы что... подозреваете кого-нибудь?

– Какое подозрение? – поразился пан Рыбка. – Любопытно только, куда он делся. Посудите сами: выходит, вот тут он сделал последний шаг, а куда же, ответьте Христа ради, шагнул потом? Ведь здесь больше нет никаких отпечатков?

– Сам вижу, – сухо сказал комиссар. – А вам-то не все ли равно, куда он шагнул? Или это кто-нибудь из ваших близких? Уж не пропал ли кто? Нет? Но тогда, черт побери, какое вам дело, куда он провалился?

.....

– Однако, пан комиссар, – всплеснул руками пан Рыбка, – вы хоть растолкуйте мне... это ведь какая-то загадка...

– Пожалуй, – задумчиво согласился пан Бартошек. – Но вы не можете себе представить, сколько на свете разных загадок. Каждый дом, каждая семья – настоящая тайна.

... – Загадка, – продолжал он, устроившись в кресле и задумчиво следя за тем, как на носке его сапога тает снег. – Девяносто девять прохожих из ста прошли бы мимо этих следов и не обратили бы на них внимания. Да и вы тоже пройдете мимо девяноста девяти из сотни загадочных случаев. Черта лысого мы знаем о том, как все обстоит на самом деле. Лишь немногие вещи лишены тайны. Нет тайны в порядке. Нет ничего загадочного в справедливости. В полиции тоже нет никакой загадки. Но уже любой прохожий на улице – загадка, потому как мы над ним не властны, сударь.

... – Странное все-таки представление, – начал он снова, помолчав, – будто полицию и, главное, тайных агентов интересуют загадки. Да чихать мы на них хотели; нас интересуют нарушения порядка. Преступление интересует нас не потому, что оно загадочно, а потому что оно противозаконно. Мы преследуем негодяев не ради интеллектуального интереса; мы преследуем их, чтобы именем закона засадить в тюрьму.

...Даже если вы начнете сорить на улицах жемчугом, полицейский только укажет вам, что вы загрязняете общественные места. А ежели вздумаете творить чудо – вам этого никто не запретит, разве что ваши действия вызовут публичное возмущение либо будут расценены как безнравственные. В ваших поступках должна заключаться некая непристойность, чтобы мы могли принять меры.

– Но, сударь, – возразил пан Рыбка, которому не сиделось на месте, – неужто для вас этого достаточно? Речь идет о таком странном, таком таинственном случае... а вы...

Пан Бартошек пожал плечами.

– Это меня не касается. Ежели вам желательно, я прикажу засыпать следы, чтоб они не мешали вам спать, сударь. Но больше я ничем помочь не могу»¹⁰⁵.

И такое отношение к делу не только обыденно и естественно для профессионала, но и, пожалуй, единственно возможно в его положении. Всякий честно выполняющий свои профессиональные обязанности человек стремится делать свое дело, как можно более

¹⁰⁵ Чапек К. Следы. / Чапек К. Сатирический детектив. Сказки. М.: Правда, 1987, с. 102-110

эффективно (по крайней мере, предполагается, что он должен к этому стремиться). Но это значит, что в своей деятельности он не должен отвлекаться на какие-то побочные обстоятельства, как бы они ни были любопытны сами по себе, если их исследование не входит в рамки возложенных на него обязанностей или данных ему поручений. В его положении это было бы непозволительной тратой рабочего времени, приводящей к снижению его эффективности. Профессионалов часто упрекают за то, что они действуют по шаблону и не пытаются в сложных случаях искать некие новые, неожиданные способы решения задачи. Но опять же, именно такой подход к делу обеспечивает наибольшую эффективность в работе. Не поддающиеся шаблонным методам случаи относительно редки и требуют непропорционально больших усилий для своего разрешения. Поэтому для загруженного работой профессионала естественно отодвинуть выбивающиеся из ряда случаи на задний план и употребить имеющиеся в его распоряжении ресурсы и возможности для разрешения основной массы проблем, которые поддаются распутыванию обычными методами. Благодаря такой стратегии работник обеспечивает максимальную продуктивность своего труда и действует в соответствии со своим профессиональным долгом. Как раз такого отношения к делу и требуют от него, в сущности, окружающие (потребители и заказчики), не упускающие при этом какого-нибудь повода упрекнуть его в тупой приверженности шаблонам. Любопытно, как бы они оценили врача, который, увлекшись исследованием *крайне интересного случая врожденного косопузия* (причем в его редчайшем варианте, еще не нашедшем своего отражения в медицинской литературе), забросил бы в небрежении прочих больных, страдающих заболеваниями, которые требуют лечения по известным шаблонам.

Посвятить всё свое время выяснению сути уникального и не поддающегося расследованию общепринятыми методами случая может только человек, не связанный принятыми на себя профессиональными обязательствами или необходимостью максимизировать свой профессиональный доход. Тот, для кого продуктивность его трудовых усилий, приносящая обществу наибольшую пользу, – лишь второстепенный мотив, не являющийся основным регулятором его поведения. То есть, тот, кто действует не по социальному заказу, а в соответствии со своим индивидуальным выбором, обусловленным его личным жизненным проектом и стремлением к максимальному проявлению внутренних потенций своего «я». Но это как раз тот, кто следует в своей деятельности стратегии *джентльмена*, каким бы социальным статусом он на деле не обладал. Не прибегая к особым натяжкам, мы можем, я думаю, подвести под эту категорию и Эркюля Пуаро. Не будучи сам джентльменом (его происхождение и обстоятельства жизни не дают ему права на этот статус) и, по всей видимости, иронически и неодобрительно относясь к джентльменам – любителям сыска, на которых он мог смотреть с высоты своего величия сверху вниз¹⁰⁶, этот герой в своей основной деятельности (а мы и видим его почти исключительно во время проводимых им расследований) ведет себя таким образом, как будто бы он не чувствует себя связанным какими-то внешними по отношению к делу обстоятельствами и может полностью отдаться на волю своего чутья, ведущего его по следу невидимого злодея. Мы ничего не можем сказать о времени его службы в полиции – вероятно, в те годы он испытывал

¹⁰⁶ Здесь может идти речь не только о его многолетнем компаньоне Гастингсе, который и сам не чурался участия в расследованиях, нередко предпринимая собственные усилия по раскрытию преступлений, а в самом начале нашего знакомства с ним и вовсе был в плену неопределенных мечтаний о будущей карьере частного детектива. Мы можем сослаться и на мнение о Пуаро его создательницы, которая, имея за собой уже большую часть своего писательского пути и долгие годы общения с Пуаро и мисс Марпл, писала в «Автобиографии»: «Читатели в письмах часто предлагают мне устроить встречу мисс Марпл с Эркюлем Пуаро. Но зачем? Уверена, им самим это не понравилось бы. Эркюль Пуаро, законченный эгоист, не стал бы терпеть, чтобы какая-то старая дева учила его ремеслу. Он профессионал, в мире мисс Марпл он чувствовал бы себя не в своей тарелке» (Кристи А. Автобиография. СПб.: «Лимбус-пресс», РИК «Культура», 1997, с. 485).

гораздо большую зависимость от условий, в которых ему приходилось работать (недаром единственное, известное нам, расследование в Бельгии связано со временем его отпуска и было предпринято Пуаро вне рамок полицейской процедуры). Однако, его автохарактеристика как пса, которого ничто не может оторвать от взятого следа, вполне применима к множеству случаев, относящихся ко времени его деятельности частным детективом, и к расследованиям, предпринимаемым им после закрытия своего детективного агентства. Я не могу припомнить ни одного момента из всей «Саги об Эркюле Пуаро», в котором бы отразилась борьба конкурирующих мотивов в сознании сыщика, и почти на сто процентов уверен, что во всех этих романах и рассказах мы не найдем ни одного примера победы соображений выгоды или желания угодить какой-либо влиятельной персоне над инстинктом «превосходного пса». Сыщик всегда идет в ту сторону, куда ведут его интересы самого дела. Даже если в некоторых случаях Пуаро открыто заявляет об экстраординарных размерах своего гонорара и о тех существенных расходах, с которыми связано поручение расследования именно ему – асу сысского дела, то практически всегда это лишь способ отвадить неинтересного ему заказчика. И уж наверняка, мы не сможем найти случай, когда бы сыщик отказался браться за содержащее интересную проблему дело, выяснив, что потенциальный заказчик не в состоянии оплатить расследование по обычным для Пуаро расценкам. Вообще соображения выгоды, мотивы публичной славы и желания попасть на первые страницы газет не занимают в повествовании значимого места (и это несмотря на прокламируемую самовлюбленность Пуаро), а если и появляются в рассказе, то лишь где-то в маргинальной позиции. Об определяющей роли подобных мотивов нет и речи, на первое место всегда выдвигается запутанная – часто внешне абсолютно неразрешимая – проблема. О первоочередном значении интересной проблемы в системе мотивов, определяющей поведение этого сыщика, говорят и те пассажи, в которых описывается, как Пуаро, покончив со своей работой частного детектива и выйдя на долгожданный покой (а он должен был достигнуть к этому времени преклонного, можно сказать, возраста), начинает тяготиться свои бездельем. Причем страдает он – в точности как Шерлок Холмс – из-за отсутствия *настоящего дела*, которое дало бы ему возможность развернуть в полную силу свою интеллектуальную мощь и проявить свои уникальные способности.

Можно, конечно, сказать, что подобное поведение Пуаро продиктовано самой конструкцией детектива, с которой вынуждены считаться как автор повествования, так и изображаемые им герои. Детектив – не полицейский роман, в котором главный интерес может быть сосредоточен на описании блестящей карьеры комиссара полиции, вынужденного, с одной стороны, сражаться с полчищами гангстеров и наркоторговцев, а с другой – противостоять тупости начальников и козням завистливых коллег внутри собственного учреждения. Любящий детективы читатель ждет от книги захватывающей загадочной истории с ее неожиданным разрешением и будет жестоко разочарован, если рассказ о загадке будет подменен рассказом о житейских успехах главного действующего лица. То есть, изображение Пуаро таким, каким нам его показывает Агата Кристи, обусловлено самим жанром, в рамках которого описывается этот персонаж. Всё это так. И тем не менее, это изображение не содержит в себе никакого противоречия, его психологический портрет, как «превосходного пса», вполне соответствует общему читательскому представлению об этом Великом сыщике. Именно таким он был создан писательницей, и ничто в этом облике не воспринимается как диссонанс и не вызывает читательского недоверия к изображаемой картинке.

Я думаю, что совместить два – на первый взгляд конфликтующих друг с другом – утверждения об этом герое: «Пуаро – явно не джентльмен» и «В своей главной деятельности Пуаро рассуждает и ведет себя неотличимо от сыщика-джентльмена» – можно достаточно просто и не вступая в противоречие с логикой реальной жизни. Мы говорили, что одна из главных привилегий джентльмена заключается в реальной возможности выбирать себе ту работу, которая соответствует его склонностям и пожеланиям. Даже будучи вынужден устраиваться на работу по найму и тем самым

обеспечить себе достаточный доход, джентльмен почти всегда может избрать как раз ту сферу деятельности, которую он избрал бы для развлечения и занимался бы ею в качестве «любителя», если бы не имел нужды в дополнительном источнике дохода. При подобном совпадении экономических и внутренних – «игровых» – мотивов, побуждающих к занятию конкретным делом, субъект не теряет возможности ощущать себя истинным джентльменом, несмотря на необходимость формально стать «трудящимся». Понятия «труд» и «игра» для такого человека практически совпадают: ему не только *надо* делать свое дело, но ему и *хочется* его делать.

При таком понимании сущности джентльменства (отводящем благородному происхождению второстепенное значение) мы должны считать настоящими джентльменами не только тех, кто получил этот статус в момент появления на свет, но и всех прочих, кому в силу разнообразных жизненных обстоятельств удалось занять положение, при котором они могут тратить свои основные усилия и свое время на занятия любимым делом. Именно о такой «демократизации» понятия *джентльмен*, происходившей в Англии на протяжении девятнадцатого века, уже упоминалось в первом разделе этой работы. По-видимому, основным источником пополнения этого привилегированного слоя за счет «рекрутирования» в него новых членов из числа *неджентльменов* были отпрыски богатых (но не благородных) семей, получившие благодаря унаследованному богатству возможность заниматься всем, чем им заблагорассудится. Некоторые из потомков крупных, добившихся значительного благосостояния, коммерсантов, промышленников, финансистов и прочих «деловых людей», получив в свое распоряжение достаточные доходы, отказывались продолжать ту погоню за выгодой, которая определяла жизненные цели их отцов и дедов, и выбирали в качестве своего ориентира благородный образ жизни джентльменов и приличествующие им занятия (в широком спектре: от крысиной травли до сочинения лирических стихов на провансальском и исследований коллоидных растворов). Ясно, что благодаря своей экономической независимости такие «новобранцы» могли достаточно легко влиться в ряды *джентльменов старого образца*, завязать дружеские знакомства в этой среде и даже породниться с ее представителями, так что ко временам Шерлока Холмса благородное происхождение, как признак джентльмена, постепенно отошло на второй план, хотя и не вовсе потеряло свое значение.

Но помимо лиц, вошедших в состав слоя джентльменов в силу своей материальной обеспеченности, в сходном положении по отношению к своей профессии могли оказаться и те, кто благодаря счастливому расположению планет занимался тем делом, которое удачно совпадало с его индивидуальными склонностями, желаниями и внутренними потенциями. Вынуждаемый обстоятельствами трудиться джентльмен имел широкие возможности для выбора профессии и не соглашался на варианты, не соответствующие его личному жизненному проекту. Для выходца из малообеспеченных слоев общества такой выбор, если и существовал, то был резко ограничен, и чтобы он мог заняться тем, что ему было по душе и что соответствовало его внутреннему импульсу, необходимо было редкое и удачное для него сочетание разнообразных условий, на одновременное появление которых трудно было рассчитывать. Поэтому большинству приходилось отказываться от несбыточных мечтаний, соглашаясь на ту профессию, которую им предлагала жизнь, и ориентироваться, главным образом, на достижение более высокого уровня благосостояния, как свою ближайшую жизненную цель. В духе простейшего соображения: если мне с профессией не повезло, то пусть хотя бы у моих детей появится возможность заниматься тем, что им нравится. Однако, как ни редки были случаи, когда жизненный проект индивида, включающий в себя занятие определенным делом, достаточно хорошо совпадал с тем фактическим занятием, которое обеспечивало его средствами существования, всё же такие случаи должны были иметь место, и они, безусловно, встречались в реальности. Те, кому выпадал подобный счастливый жребий, на деле мало чем отличались от «трудящихся джентльменов». По крайней мере, в той профессиональной сфере деятельности, которую настоящий джентльмен имел возможность самостоятельно выбрать (так сказать, заключив с ней брак по любви) и

которая досталась не имевшему возможности выбирать бедняку в качестве дара небес (брак, можно сказать, по чужой воле, но со своей любимой). Конечно, в сходстве такого счастливого с рядом работающим настоящим джентльменом можно найти массу ограничений, нюансов и диссонирующих подробностей, которые варьируют в каждом конкретном случае и временами напоминают данному субъекту, что его положение, хотя во многом и сходно с положением джентльмена, но всё же он не совсем джентльмен. Но это всего лишь нюансы, и ведь почти то же самое можно сказать и про положение «трудящегося джентльмена»: он ведь также в некоторых отношениях «не совсем джентльмен».

Встав на такую точку зрения, мы легко можем себе представить, что Пуаро – как раз один из таких удачливых субъектов, которым в жизненной лотерее достался счастливый билет. Он не только выиграл ценный приз, давший ему прочное положение в обществе и обеспечивший ему безбедное существование, но при этом еще и такой приз, который требовался именно ему, поскольку только этот подарок судьбы мог дать ему радость полнокровной насыщенной деятельности и создать условия для максимального раскрытия его способностей и талантов. Не исключено, что, став мастером-краснодеревщиком или чиновником мэрии, или еще кем-то, он и на этих поприщах смог бы – мощь его серых клеточек никуда бы ведь не делась – добиться значительных успехов, став состоятельным человеком и существенно повысив социальный статус. Но его уникальный талант «превосходного пса» не мог бы найти применения в других профессиях, и только выпавшая на его долю служба в полиции и освоенная им профессия сыщика дали ему возможность в полной мере раскрыть таящиеся в нем дарования¹⁰⁷.

¹⁰⁷ Любопытно, что в русской литературе есть один персонаж, в котором можно усмотреть неожиданную параллель так воспринимаемому образу Эркюля Пуаро. Это незабвенный Полиграф Полиграфович Шариков – фантастическое гибридное существо, в котором по воле автора соединились черты тупой и злобной человеческой личности, в описании которой трудно найти хотя бы одно достойное уважения качество, и инстинкты симпатичного дворового пса. Я надеюсь, что Пуаро не обиделся бы на нас за такое сравнение. Ведь это его фраза, содержащая «собачью» метафору, навела на мысль о существовании определенного подобия между столь разнополярными персонажами.

Как это ни удивительно, но абсолютно не похожий на гениального сыщика булгаковский герой сходен, однако, с ним в том же аспекте, в каком сам Пуаро сходен с настоящим джентльменом: в одинаковом для всех них отношении к выполняемой работе. Мы не знаем мотивов Шарикова, побудивших его к трудоустройству. Проще всего считать, что главным было желание стать экономически независимым от профессора, до тех пор кормившего свое творение, но и пользовавшегося этим экономическим рычагом для давления на строптивного Шарикова. Если так, то это герою блестяще удалось. Он получил место на государственной службе, обзавелся кожаной курткой и прочей экипировкой и даже стал, каким-никаким, но начальником – *заведующим подотделом очистки Москвы от бродячих животных*. Чин небольшой, однако, дающий ему возможность кем-то командовать, помыкать беззащитными машинистками и пользоваться услугами служебного транспорта. Налицо резкое повышение социального статуса: по сравнению не только с бродячим псом, но и с другой частью его гибридной природы – мелким уголовником Климом Чугункиным. Глядя с этой стороны, можно не сомневаться, что в данном случае мы имеем дело с типичным «трудящимся», чья работа обеспечивает ему определенный уровень благосостояния и соответствующее положение в обществе. Но, взглянув на этот же случай с другой стороны, мы с не меньшей уверенностью можем утверждать, что для Шарикова деятельность в подотделе очистки – работа по призванию и что он с удовольствием занимался бы тем же самым делом безо всякой оплаты, на правах энтузиаста-любителя. То, что входит в служебные обязанности Шарикова, счастливым для него образом совпадает с тем, к чему его влечет самая глубинная – собачья – часть его гибридной природы. Отсюда и его знаменитая фраза: «Вчера коты душили, душили...», выдающая его искреннюю увлеченность порученным ему делом.

Как ни оттягивай неизбежный вывод из этих пространственных рассуждений, в конечном итоге, его приходится сделать. Сколь бы далеко ни отстоял образ Шарикова от стандартного представления об отпрысках благородных английских семейств, всё же в отношении к своему делу – *делу, которому ты служишь*, – он вполне сопоставим с фигурой *настоящего*

Теперь мы можем подвести итог своему затянувшемуся обсуждению Эркюля Пуаро, как выдающегося Великого сыщика. Я думаю, мы вправе констатировать, что, хотя по происхождению и воспитанию Пуаро не вписывается в ряды джентльменов (вполне вероятно, он и не ощущает себя принадлежащим этому социальному слою), но в своей сыщицкой деятельности – а за ее рамками читатель его практически и не видит – он, в сущности, неотличим от типичного сыщика-джентльмена и действует в строгом соответствии с каноном, заложенным Дюпеном и Шерлоком Холмсом.

1.5. Следующая фигура в интересующем нас перечне Великих сыщиков – мисс Марпл – еще один незабываемый литературный персонаж, созданный Агатой Кристи несколько позже Пуаро, успевшего к тому времени прославить имя писательницы и, вероятно, уже слегка ей поднадоевшего. И в данном отношении *королева детектива* превзошла всех других мастеров и классиков жанра: только ей удалось создать два образа гениев сыска, абсолютно разнохарактерных и в то же время не уступающих друг другу в блеске детективных талантов. Попытка сопоставления с классическим сыщиком-джентльменом образа старой дамы, хоть и действующей в новые времена, но целиком укорененной в своей – то есть викторианской – эпохе, не представляет для нас больших трудностей. Как ни очевидны разительные отличия мисс Марпл от Шерлока Холмса, и здесь послужившем писательнице исходной референтной точкой, в глубине этой литературной конструкции несложно увидеть всё того же Дюпена-Холмса, неустанно ищущего в окружающем мире подходящий объект для демонстрации своей интеллектуальной мощи.

Для уподобления созданного Кристи образа уже разобранному со всех сторон сыщику-джентльмену нам не придется долго подбирать аргументы. Они лежат на поверхности, и сама писательница не преминула явно указать на принадлежность своей героини к привилегированному слою английского общества, причем изображенному в его викторианской оболочке¹⁰⁸.

Во-первых, она, вне всякого сомнения, *леди*, по рождению и воспитанию. В романе «Фокус с зеркалами» она вспоминает пансион во Флоренции, где она воспитывалась в обществе девочек из богатых семей, съехавшихся туда со всех частей света, а еще где-то мисс Марпл характеризует себя, как «благородную женщину, получившую хорошее воспитание и образование»¹⁰⁹. Весь ее облик, манеры, присущее ей самоощущение не дают ни малейшего повода предполагать, что эта старая дама, скромно живущая в провинциальной деревушке, считает кого-то – кем бы он ни был, и какими бы богатствами, заслугами и чинами не обладал – выше себя по общественному положению. Само собой разумеется, что она ощущает себя, принадлежащей к сливкам английского общества¹¹⁰.

Во-вторых, не вступая никогда в брак, не имея, соответственно, детей и ни единого дня не работав по найму, она в течение достаточно продолжительного периода своей самостоятельной жизни (а не только на склоне лет, когда с ней знакомится читатель)

джентльмена. Можно, разумеется, воспринять это как любопытный и даже забавный парадокс, но можно и считать его специфическим предостережением. В конце концов, понятие *джентльмена* говорит лишь о свободе описываемой личности от экономического и иного принуждения и о вытекающей из этого возможности заниматься, чем только захочется. А мало ли что может захотеться человеку?

¹⁰⁸ Даже по возрасту мисс Марпл – практически ровесница Шерлока Холмса: она родилась приблизительно в 1860 году (плюс-минус несколько лет), в то время как датой рождения Холмса считается 1854 год.

¹⁰⁹ Мне не удалось найти источник данной цитаты, но А.Булатов, приводящий ее в своей статье «Маленькая хитрая старушка» (https://www.peoples.ru/character/literature/miss_marple), вряд ли ошибается в этой характеристике.

¹¹⁰ «В этой пышной спальне гостиничного номера люкс она смотрелась несколько странно. Однако и в своем несколько мешковатом черном костюме, с большой хозяйственной сумкой она выглядела настоящей леди». (Кристи А. Фокус с зеркалами. / Кристи А. Собрание сочинений. В 20 томах. Т. 14. М.: Артикул, 1998, с. 8).

обладала экономической независимостью. Доход, на который она существует, вероятно, не велик, но он достаточен, чтобы она могла жить в собственном доме, всегда иметь служанку, выполняющую работу по дому, ездить время от времени в Лондон и посещать, при желании, своих родных и многочисленных знакомых. Да и вообще не похоже, что она ощутимо ограничивает свои расходы. Видимо, при том образе жизни, который она ведет, она вполне в состоянии обеспечивать свои обыденные потребности. Ясно, что заботы о выгоде ее никогда всерьез не беспокоили. Правда, чтобы совместить такое благополучное, но достаточно скромное существование героини с некими экстраординарными затратами (вроде отдыха на Карибских островах), Кристи пришлось прибегать к вмешательству в дело любящего племянника мисс Марпл – преуспевающего писателя, живущего в США и заколачивающего там большие деньги на поточном производстве «современных романов о реальной жизни», и другим подобным уловкам. Но такие редкие ситуации не меняют сути дела: мисс Марпл, как и положено джентльменам и леди, чувствует себя материально обеспеченной и может не заботиться о занятиях, приносящих дополнительный доход.

Ну и, в-третьих, героиня Кристи – классический сыщик-любитель. Главное ее отличие от задавших тон на все будущие времена Дюпена и Холмса – это отличие в гендерной принадлежности: она, безусловно, не *сыщик-джентльмен*, поскольку она – *сыщик-леди*. Термин этот так и не прижился в литературе, хотя, надо полагать, появлялся в ней многократно. И это, по-видимому, следует объяснять тем, что жанр детектива очень прочно связан с эпохой своего зарождения и становления – с викторианской эпохой, которая при всем своем глубоком уважении к леди и при искреннем восхищении достоинствами прекрасного пола не предусматривала для женщины самостоятельного поля деятельности в тех сферах жизни, которые традиционно считались исключительно мужским уделом. Ясно, что выслеживание и поимка преступников очень плохо сочетались с появлением в этом деле активно действующих особ женского пола. Даже женщину-шпионку или кавалерист-девицу проще было представить себе, нежели женщину, расследующую детали зверского убийства. Тем не менее, как в реальной жизни, так и на книжных страницах такие фигуры появлялись. Мисс Марпл нельзя приписывать честь введения женской линии в литературную сыскную деятельность – ее не назовешь ни первой, ни уникальной фигурой такого рода. В этом смысле у нее было достаточно много как предшественниц, так и соратниц, действовавших наряду с ней в тридцатые-сороковые годы, а уж в наше время гендерный перекося в рядах литературных сыщиков не только выправлен, но и склоняется, видимо, в сторону доминирования сыщиц. Но это касается лишь количественной стороны дела, а в отношении качества героиня Кристи, как в момент ее появления на публике, так и до наших дней остается одинокой вершиной, даже у подножия которой трудно отыскать более или менее заметную фигуру подобного типа. Предшественницы мисс Марпл либо вовсе не имели отношения к детективу, появляясь в произведениях других жанров, либо, оставаясь формально в рамках интересующего нас вида литературы, не стали героинями «хороших детективов», способных поразить и увлечь читателя, а потому сегодня могут представлять только исторический интерес для исследователей этой темы. Практически то же самое можно сказать и об успехе у «широкой публики», легко поддающейся рекламной шумихе и падкой на модные имена, но столь же легко поддающейся под очарование очередной «новинки сезона». Достаточно устойчивой популярностью у этой категории читателей (главным образом, читательниц, поскольку здесь гендерные различия в читательских пристрастиях играют существенную роль) пользуется, пожалуй, только мисс Сильвер¹¹¹, вошедшая в литературу практически одновременно с мисс Марпл. Если, конечно, вынести за скобки Анастасию Каменскую, Виолу Тараканову¹¹² и подобных «звезд современного

¹¹¹ Персонаж многих романов Патриции Вентворт.

¹¹² Большинству, вероятно, знакомы эти имена, а тех, кто с ними не знаком, можно утешить, сообщив, что излишне беспокоиться им, собственно говоря, не о чем – не так уж много они потеряли.

детектива». За прошедшие почти сто лет мисс Марпл была и остается единственной литературной героиней, по праву носящей звание *сыщик-леди*. При этом она идеально соответствует обеим частям этого наименования: она – блистательный *сыщик*, по степени хитроумия разрешаемых ею загадок не уступающая никому из своих конкурентов по литературному сыску, и она же – образцовая *леди*, посвящающая значительную часть своего времени увлекательным занятиям, в которых она может полностью проявить свои уникальные способности.

1.6. Еще одно имя, которое стоит упомянуть в нашем списке маститых детективов, – Роджер Шерингем. Он значительно менее известен, нежели все перечисленные выше, но по совокупности своих заслуг вполне достоин занять место в этом ряду. Впервые появившись на книжных страницах в 1925 году, он стал, в конечном итоге, героем десяти романов и значительного числа рассказов, написанных Энтони Беркли, одним из основателей Детективного клуба. Не все из этих романов – детективы, и не все детективы Беркли – безупречны, но среди них можно найти целый ряд историй о сыскных подвигах Роджера Шерингема, литературное качество которых вполне сравнимо с высшими достижениями классиков детективного жанра. Достаточно вспомнить поражающее неистощимой изобретательностью автора «Дело об отравленных шоколадках», выросшее из небольшого, но исключительного по детективному изяществу рассказа.

Созданный Беркли герой – типичный сыщик-джентльмен и в этом отношении целиком лежит в основном русле детективной традиции, проложенном Дюпеном и Холмсом. Хотя автор (как и многие из его коллег-современников, обративших свое внимание на детектив) и ставил своей целью значительно обновить и усовершенствовать образ Великого сыщика¹¹³ – приблизив его, так сказать, к реальной жизни, – его усилия в этом смысле были направлены, главным образом, на характер и поведение героя, но не затронули общие контуры этой фигуры. По свидетельству писателя, его герой происходит из семьи провинциального врача – не слишком богатой и, видимо, не претендующей на родство с представителями знатных фамилий, но достаточно обеспеченной, чтобы докторский сын мог учиться в привилегированной школе¹¹⁴, а затем в одном из колледжей Оксфорда. После участия в Первой мировой войне Шерингэм, перепробовав несколько профессий – от школьного учителя до фермера, – неожиданно для себя становится успешным писателем, чьи книги идут нарасхват по обе стороны океана, и останавливается на этом выгодном и не требующем от него излишних усилий занятии. Однако его истинное увлечение – криминология. После участия в двух расследованиях загадочных убийств, в которые его вовлек случай, он приобретает определенную популярность¹¹⁵ и сам убеждается в наличии у него соответствующих талантов – с этих пор он активно действует как сыщик-любитель.

¹¹³ Как пишет сам Беркли во введении «Касательно Роджера Шерингема», предваряющем роман «Попрыгунья» и содержащем краткое *куррикулум витэ* этого героя:

«Так же, как Роджер-романист решил не следовать худшим образцам этой профессии, так и Роджер-детектив стремился не походить на обычного напыщенного и раздражающего детектива беллетристики – или, скорее, можно сказать, беллетристики тех времен, когда он начал свою карьеру, – мода на детективов с тех пор значительно изменилась. Он знал, что он никогда не сможет выдать себя за одного из этих типов, с топорно вырубленным профилем, плотно сжатыми губами и ястребиным взором, в то время как его природная словоохотливость не позволит ему быть непроницаемым и загадочным».

К сожалению, это введение по каким-то причинам было опущено в единственном на сегодня русском переводе романа *Jumping Jenny*, выполненном Е. Чевкиной.

¹¹⁴ «...в одной из тех старинных небольших школ, которые в той же степени презирают Итон и Харроу, в какой Итон и Харроу полностью игнорируют их существование», как сказано в том же *куррикулум витэ*.

¹¹⁵ «Этот случай принес ему признание Скотланд-Ярда и определенную огласку. В результате, это стало его постоянным хобби, так что вскоре он мог принять активное участие в любом деле, которое его интересовало» (*Там же*).

Нет сомнений, что нам представлен привычный образ «трудящегося джентльмена»¹¹⁶, чья работа не отнимает у него слишком много времени и дает ему возможность вести ничем не ограничиваемую, привольную жизнь сыщика-джентльмена, который с увлечением и азартом отдается своему истинному пристрастию.

1.7. Создавая эту галерею литературных персонажей, прославленных своими дедуктивными способностями и беспримерными свершениями в деле раскрытия всевозможных преступлений (включая в их число и вовсе «невозможные», но, тем не менее, имевшие место случаи), я – без особых колебаний – решился завершить ее образом первого (и до сих пор единственного) знаменитого русского сыщика – Эраста Фандорина. Пусть перечень его детективных подвигов не так и велик, и ограничивается его участием в двух отличных детективных романах и в нескольких (гораздо менее поражающих читателя) мелких произведениях этого жанра, но заслуга Фандорина в появлении на свет русского детектива неоспорима и уже занесена на скрижали истории этого специфического вида литературы. Ни поляки с чехами, ни даже французы, издавна пытавшиеся конкурировать с английскими мастерами детектива, ни скандинавы и прочие последователи детективного жанра, находящиеся за пределами англоязычных литератур, не создали столь впечатляющего и моментально завоевавшего сердца читателей образа Великого сыщика, какого представил в лице Эраста Петровича Фандорина только-только появившийся на свет русский детектив.

Конечно, у него были предшественники и соратники, а на завоеванный им плацдарм ринулись многочисленные новые герои, но никому из них не выпало и малой толики той известности и читательского поклонения, какую снискал созданный Б.Акуниным¹¹⁷ из атмосферы детского чтения и без малейшего отторжения пересаженный на русскую литературную почву идеальный образ «благородного мужа», время от времени сталкивающегося на своем пути с детективными загадками. Слава его вполне заслуженна и, надо сказать, что любовь к детективному жанру играет здесь отнюдь не первостепенную роль: Фандорин захватывает воображение читателя сам по себе, как приковывающий к себе внимание оригинальный человеческий тип, а вовсе не за счет демонстрации своих уникальных детективных способностей. Далеко не обо всех знаменитых Великих сыщиках можно сказать нечто подобное.

Я думаю, главный секрет фандоринской привлекательности заключается в том, что, с одной стороны, он – создание, нерасторжимо связанное с классической русской литературой и питаемое ее корневой системой; герой, в котором самым органическим образом реализовалась и обрела плоть одна из внутренних потенций этой литературы, а с другой – это совершенно новый для нашей литературной традиции герой, которому затруднительно подобрать более или менее заметного литературного предшественника. Можно сказать, что писателю удивительным образом удалось воплотить в жизнь отчаянный призыв тех, кто сто лет назад ратовал за то, чтобы покончить с засильем психологизма в русской литературе и, обратив свой взор «на Запад», усвоить опыт

¹¹⁶ Для пущей убедительности сошлусь на создателя этого образа, который утверждает джентльменство Шерингема в своих – авторских – словах:

«Мистер Брэдли же, наоборот, терпеть не мог обоих: и Роджера, и сэра Чарльза. Он не терпел Роджера даже больше, чем сэра Чарльза, потому что Роджер был джентльмен, но не обнаруживал этого, сам же Брэдли джентльменом не был, но изо всех сил старался показать, что он истинный джентльмен» (Беркли Э. Дело об отравленных шоколадках. / Беркли Э. Убийство на верхнем этаже. Дело об отравленных шоколадках. М.: Совершенно секретно, 1994, с. 242).

¹¹⁷ Создание самой фигуры *Б.Акунина* – писателя, обладающего индивидуальной манерой письма и своими специфическими авторскими пристрастиями, – заслуга Г.Чхартишвили, пожалуй, не меньшая, нежели создание героев его романов и того особого «мира русской литературы», в котором они живут и действуют. Мира, сплетенного из тысяч смутных ассоциаций, полупрозрачных аллюзий и бессознательных воспоминаний о когда-то прочитанном, ставших как бы твоими собственными воспоминаниями о лично тобой пережитом и прочувствованном.

европейских литератур в создании динамичной, сюжетной прозы. Попыток выполнить это пожелание было сколько угодно, однако никому не удалось скрестить, фигурально выражаясь, Порфирия Петровича с Шерлоком Холмсом или графа Безухова с графом Монте-Кристо и получить жизнеспособный и радующий взор читателя гибрид. Те чахлые, кривобокие гомункулусы, которые были результатами многолетних стараний склепать из натащенных из-за кордона деталей «красного Пинкертона», акклиматизировав его на нашем жирном и питательном черноземе, никакой серьезной литературной ценности не представляли и годились только для «Библиотечки военных приключений» или для создания семнадцати телесерий про несгибаемого ленинца и советского патриота, успешно делающего карьеру в гестапо. Читательский спрос на такую продукцию был, но сказать, что это и есть желаемая литература, ни у кого не поворачивался язык. Те же авторы, что не желали выходить за пределы «настоящей литературы», волей-неволей подчинялись диктату вековой традиции и не могли выйти из плена великих образцов русской прозы – от Гоголя до Набокова. В русской литературе за весь двадцатый век так и не появилось общепризнанных образцов прозы, которая держится, главным образом, на сюжетных перипетиях и активно действующих героях, вовсе не предполагающих углубления в их внутренний мир,¹¹⁸. Ни Зоценко, ни Бабелю, ни Голявкину, ни кому-либо еще из талантливых писателей, явно ставивших себе задачу освободиться от диктата психологизма и преодолеть чрезмерный перекося в эту сторону, возникший в развитии русской литературы, не удалось создать запоминающиеся характеры, интересные не своей психологической конструкцией и присущими им тонкими, амбивалентными переживаниями, а своими действиями.

Казалось, что сам генотип русской литературы не дает возможностей для появления русских вариантов капитана Немо, Шерлока Холмса или Смока Беллью. Но пробил час, и с появлением на свет Фандорина выяснилось, что всё это только казалось, а на деле русская литература открывает перед героями такого типа ничуть не меньшее поле деятельности, чем любая из европейских литератур. Как и во всех прочих случаях, всё дело зависит от наличия специфического литературного таланта и того воодушевления, которое требуется автору для создания таких героев. Автор должен любить их и восхищаться ими – они столь же не терпят снисходительного отношения к себе, как и холодного коммерческого расчета.

А теперь о фандоринских претензиях на джентльменство. К моему большому облегчению, Б.Акунин (Г.Чхартишвили) подробно изложил свой взгляд на проблему в интервью 2011 года:

«Я очень люблю Конан Дойла, я очень люблю Шерлока Холмса. Поэтому мне и захотелось столкнуть моего героя с Шерлоком Холмсом. ...Вообще же меня здесь еще интересует фигура джентльмена-сыщика. Потому что Эраст Петрович – тоже джентльмен-сыщик, и, если для викторианской Англии эта фигура естественна и органична, то в России джентльмен-сыщик выглядит белой вороной. Потому что у нас во все времена частная жизнь, приватность всегда была очень хрупкой зоной, которая подвергалась давлению со стороны государства. Это и сейчас так, это было и сто лет назад. Поэтому

¹¹⁸ Надо полагать, что какие-то более или менее удачные попытки освоить это – непривычное для нашей традиции – литературное направление всё же были, но я не могу вспомнить ничего, кроме Остапа Бендера и других героев романов Ильфа и Петрова, пользовавшихся поэтому исключительной популярностью у русских читателей и покрытых неувядающей славой. Но и в этом случае можно сказать, что здесь мы имеем дело с особым сатирико-юмористическим жанром, имеющим свою специфическую поэтику и занимающим особое место в русской литературной традиции.

Правда, все эти «историко-литературные» построения окажутся абсолютно неверными, если попытаться приложить их к русской *детской литературе*, где «сюжетная проза», по-видимому, даже доминирует над свойственным «взрослой литературе» психологическим подходом к описаниям героев и ситуаций. Такие герои, как, например, Буратино, Незнайка или Чук с Геком могут постоять сами за себя и не кажутся нам менее искусными художественными творениями, чем Печорин или доктор Живаго.

жизнь Шерлока Холмса в принципе была гораздо проще и органичнее, чем жизнь Эраста Петровича. Он у меня сначала попытался сделать карьеру на государственной службе. Почувствовал, что не получается. Если человек хочет сохранить свою внутреннюю целостность и не вступать в компромисс со своей совестью, то на государственной службе у него это не получается в конкретных российских условиях, нужно уходить в частную жизнь. В частной жизни тоже получается не очень.

В этой вечной борьбе внешнего хаоса и внутреннего порядка, на чем построен весь Эраст Петрович Фандорин, он все время должен защищаться, он все время должен обороняться, хаотичная среда на него давит со всех сторон.

Конан Дойла я очень люблю за то, что он создал новый, выдающийся жанр литературы, и, в общем, никому не удалось его на этом поле переиграть, никому не удалось его обойти. Прошло уже много лет, появились тысячи детективных авторов, в том числе очень интересных, но для меня никто из них не выше Конан Дойла, потому что первоначальная планка была взята очень-очень высоко.

...Эраст Петрович – это современный герой. Конечно, я включил в него очень многое из Шерлока Холмса. Кроме того, он в каком-то смысле потомок, дальний потомок, который взял для себя много генов из Шерлока Холмса»¹¹⁹.

Мне кажется, что писатель вполне адекватно характеризует своего героя, и вряд ли что-либо из сказанного им можно было бы оспорить, ссылаясь на тексты, в которых появляется Фандорин. Единственное, что мне хотелось бы здесь заметить, – это тонкий нюанс в наименовании героев. Говоря о Холмсе, обычно употребляют термин «сыщик-джентльмен», подчеркивая тем самым преимущественно любительский характер его сыщицкой деятельности. Наш же писатель в этом термине ставит слово «джентльмен» на первое место, благодаря чему оно из определения «сыщика» превращается в главный признак героя, и такое смещение акцентов, наверное, больше подходит Фандорину. Он, по замыслу автора, в первую очередь, *джентльмен* («благородный муж», если воспользоваться системой понятий самого героя, опирающегося больше на восточную традицию¹²⁰, нежели на европейские образцы достойного поведения), а то, что он – *сыщик*, следует воспринимать как некую случайность, обусловленную индивидуальными обстоятельствами жизни этого героя.

2

Покончив с представлением Великих сыщиков, созданных в рамках детективного жанра за более чем полтора века его существования, я должен – чтобы не было недомолвок и излишних недоумений – сказать, по возможности, кратко, о тех, кто в этот список не попал, и объяснить, какими соображениями я руководствовался, когда составлял этот перечень.

Во-первых, надо сразу признать, что выбор знаменитых Великих сыщиков, в значительной степени субъективен. Да иным он и не может быть, поскольку большую роль здесь играет степень начитанности составляющего список и его читательские пристрастия. Конечно, многие из вышеперечисленных попадут в любой список, кем бы он ни составлялся, а если не попадут, это вызовет массу недоуменных вопросов. Но относительно некоторых персонажей возможны различные мнения, и я вовсе не претендую на то, что мне удалось создать идеальный и единственно возможный вариант такого списка. Да, собственно говоря, это и не требуется для решения стоящей перед нами задачи: показать, что типичный главный герой детектива – если судить по

¹¹⁹ Чхартишвили Г. Интервью, данное корреспонденту МТРК «Мир» 7 марта 2011 года (<http://yarcenr.ru/articles/culture/literature/boris-akunin-v-rossii-dzhentlmen-vyglyadit-beloy-voronoу-38416/>)

¹²⁰ Интересно, что, ссылаясь на Конфуция, Фандорин мимоходом формулирует главный принцип *честной игры*: «Благородный муж идет не тем путем, что легок, а тем, что труден...» (Б.Акунин. Смерть Ахиллеса. М.: Захаров, 2003, с. 22).

общеизвестным его образцам – либо *настоящий джентльмен (леди)*, выбравший в качестве своей основной жизненной игры распутывание криминальных загадок, либо герой, которого трудно приписать к этому разряду, но который в своей деятельности (а именно ее описание составляет содержание детектива) ведет себя подобно *настоящему джентльмену*. Я надеюсь, что мне удалось *индуктивным методом* доказать – без особенных натяжек – этот тезис и убедить читателя в его справедливости.

Во-вторых, надо, вероятно, прямо указать, что термин *Великий сыщик*, которым я достаточно широко пользуюсь, вовсе не означает степень профессионального мастерства обсуждаемых персонажей. Это не почетный титул, даваемый за выдающиеся заслуги в детективном деле, а всего лишь технический термин, характеризующий сюжетную роль героя. *Великий сыщик* – это тот, кто разрешает основные загадки в данном детективе. Как бы ни был персонаж малозаметен и слаб в литературном отношении, и как бы ни был он неловок и малосведущ в сыском деле, он по праву пользуется наименованием *Великого сыщика*, поскольку такова роль, порученная ему автором.

Ну и, в-третьих. Я вовсе не собираюсь оправдываться в своем выборе знаменитых сыщиков: я сделал то, что считал правильным, и не вижу, как можно было бы улучшить этот список. Читатель вправе иметь свои собственные предпочтения, но у меня они именно таковы. И всё же я чувствую необходимость кое-что объяснить и открыто высказать свои читательские впечатления относительно тех, кто остался за кадром.

Я почти уверен, что некоторые читатели будут удивлены и даже озадачены отсутствием в перечне комиссара Мегрэ и Ниро Вульфа: как же, дескать, так? ведь это всемирно знаменитые сыщики? Не стану с этим спорить и соглашусь, что и тот, и другой (особенно Мегрэ) – пользующиеся повсеместной известностью и любовью читателей литературные герои, но... *не моего романа*. Их слава не имеет отношения к детективному жанру. Правда, Мегрэ появляется в качестве персонажа в нескольких детективных рассказах Сименона, и, вероятно, что-то близкое к детективу можно обнаружить среди многочисленных романов Стаута, но вовсе не такие – маргинальные и эпизодические в творчестве этих писателей – обращения к детективной схеме создали славу их героям. Основной корпус произведений Сименона и Стаута достаточно хорошо укладывается в рамки «полицейского романа» – жанра, структура которого не только отличается от детектива, но и по многим признакам ему противоположна. И следовательно, персонажам этого жанра, как бы ни были они заслуженны и популярны, не место среди героев детектива.

Еще один заслуживающий всяческих похвал герой, чья кандидатура была отклонена по формальному признаку, – Перри Мейсон – искусное создание Э.С.Гарднера, достаточно хорошо знакомого русским читателям. Несмотря на то, что многие романы с участием Перри Мейсона производят на читателя впечатление очень близкое детективу, они, как правило, лишь с большим трудом могут быть втиснуты в стандартную схему этого жанра. Проблема с их жанровой принадлежностью кажется весьма запутанной и неясной. Не исключено, что решение причислить их к разряду детективов потребует выделения специфического литературного подвида – «детектива гарднеровского типа». Вполне вероятны и какие-то другие способы справиться с этой литературоведческой задачей, но пока это не сделано и не найдено убедительное разрешение «проблемы Гарднера», не стоит, видимо, вводить данного героя в круг классических образцов Великого сыщика.

Совершенно другого типа трудность возникает с наиболее известными персонажами романов Д.Д.Карра – доктором Феллом и Генри Мерривейлом. Из более, чем пятидесяти романов, в которых мы можем встретиться с этими фигурами, большинство следует, по-видимому, классифицировать как детективы. Качество их весьма различно, есть среди них и вовсе неудачные, но некоторые из этих творений Карра вызывают искреннее восхищение читателей неистощимой изобретательностью их автора, раз за разом находящего неожиданные оригинальные решения стандартным детективным загадкам (таким как, проблема «запертой комнаты»). Собственно говоря, именно эти романы и создали писателю репутацию выдающегося мастера детектива. Но если отрешиться от хитроумия сюжетных решений и обратить пристальный взор на главных героев этих

блистательных детективов, оценка литературного качества текстов вполне может поменять свой знак. Более фальшивых и неестественных героев трудно себе представить¹²¹. Как только на сцене появляется доктор Фелл, у читателя возникает стойкое впечатление, что он присутствует на представлении, в котором героев исполняют незабываемые Король и Герцог – спутники Гекльберри Финна, пожелавшие расширить свой актерский диапазон. Я отчетливо сознаю, что такая оценка героев Карра вытекает из моих личных читательских впечатлений и пристрастий, и, следовательно, в этом случае мой выбор в значительной мере обусловлен «субъективным фактором». Но я и не пытаюсь выдать свое мнение за всеобщее и объективно обоснованное. В то же время я не вижу никакого иного критерия, на котором можно было бы строить свои рассуждения и оценки, кроме личного читательского ощущения. Мне кажется, что писатель, стремясь сделать своих Великих сыщиков уникальными и неповторимыми фигурами, резко отличными от всех прочих «негероических» персонажей детектива, излишне «перегнул палку» и, в конечном итоге, не справился с задачей создания достаточно убедительных литературных образов. Но если это так, то было бы бессмысленно рассуждать о каких-либо личностных характеристиках таких – убогих в литературном смысле и не одаренных внутренней жизнью – манекенов. Следовательно, им не место среди образов прочих Великих сыщиков, на основании анализа которых мы пытаемся делать некие выводы о детективном жанре. Читатель волен, конечно, не согласиться с моими оценками, но это будет *его* личное решение, столь же субъективно окрашенное, как и то, которое он отверг.

Сходная причина заставила меня удержаться и от внесения в список лорда Питера – героя нескольких романов Дороти Сэйерс, пользующегося популярностью среди пишущих о детективе литературных критиков (и, в значительно меньшей степени, среди читателей). Казалось бы, этот персонаж находка для меня, составляющего перечень знаменитых Великих сыщиков для того, чтобы с его помощью доказать преобладание сыщиков-джентльменов в классических образцах детектива. Вот уж, кто настоящий джентльмен не только по духу, но и по своему социальному положению! Но, увы, это всего лишь фикция. Созданный писательницей персонаж – всего лишь чистая функция, он послушно выполняет те действия, которые требуются автору для изображения «сыщика-джентльмена», но никаким собственным характером не обладает. К тому же Сэйерс не удалось создать хороших, запоминающихся детективов с захватывающей интригой и оригинальными загадками. Можно сказать, что ее выступления в качестве теоретика детективного жанра¹²² были много успешнее, нежели ее попытки практически воплотить в жизнь проповедуемые ею теоретические принципы.

Что же касается серийных героев Фримена, Ван Дайна, Нокса, Крофтса, Биггерса, Аллингхем, Марш, Эллери Квина¹²³, то наличие у названных авторов какого-то количества вполне пристойных детективов, и даже отдельных выдающихся произведений в этом виде литературы, всё же не выводит созданных ими Великих сыщиков на авансцену детективного жанра. При всех присущих им достоинствах именно эти герои и их бесчисленные литературные аналоги давали и дают право беспощадным критикам детективного жанра говорить об искусственности, надуманности, вымученности его

¹²¹ Речь здесь не о соответствии обсуждаемых образов «реальным людям» – в детективе (как и во многих других видах литературы) герои вовсе не должны быть так уж похожи на тех, кого мы встречаем в своей обыденной жизни. Речь идет о внутренней убедительности создаваемых писателем персонажей, их органической целостности и естественности в пределах самого текста, что вовсе не мешает им быть сколь угодно необычными, экзотичными и фантастичными.

¹²² Достаточно указать на ее лекцию 1935 года «Аристотель о детективе» (<http://detective.gumer.info/txt/sayers-3.doc>).

¹²³ Перечисляю лишь тех, с чьими героями я более или менее хорошо знаком. Ясно, что среди героев детективной литературы, оставшихся для меня малоизвестными (или вовсе неизвестными), наверняка, должны быть те, кто имеет полное право занять свое законное место рядом с общепризнанными мастерами сыска. Но познакомиться с их подвигами я уже вряд ли успею.

основных персонажей и ситуаций, в которых они действуют. Как ни обидно любителям детектива слышать эти оценки, но приходится признать, что некоторая доля правды в них есть. Если иметь в виду не совокупность специально отобранных образцовых детективов, а некий «среднестатистический детектив», вычисленный на основании статистической обработки всего массива детективного «ширпотреба», который удовлетворяет формальным признакам жанра, то придется согласиться с уничтожающей критикой недругов детектива – «средний детектив», действительно, заслуживает очень низкой оценки его литературных достоинств. Единственное, что можно возразить на сей обобщающий вывод, это предложить воспользоваться тем же критическим методом для оценки любого другого вида литературы. Сразу становится очевидным, что «среднестатистическая комедия», «среднестатистический сонет» или «среднестатистическая повесть о детстве» не может оказаться ничем иным, нежели унылым барахлом, не стоящим внимания просвещенной публики. Памятуя о таком, легко предсказуемом, эффекте *закона больших чисел*, я и не стал разбавлять составляемый список фигурами второго и третьего ряда. Прибавить убедительности нашим выводам это вряд ли бы помогло, но, почти наверняка, привело бы к смещению интегральной оценки той тенденции, которую мы пытались выявить в детективе.

И под конец, еще один – особый – случай выведения за пределы нашего списка героя знаменитого детектива. Речь идет о сыщике Каффе – персонаже всем известного «Лунного камня» Уилки Коллинза. С формальной точки зрения, эту кандидатуру можно было бы отвести уже на том основании, что это не серийный герой – он появляется лишь в одном романе Коллинза, да и то лишь в одном небольшом (по сравнению с объемом всего текста), хотя и важном для общей сюжетной конструкции, эпизоде. Однако «Лунный камень» – роман не обычный и занимает уникальную позицию в истории детективного жанра. Как исчерпывающе охарактеризовал его Т.Элиот, это:

«...самый первый, самый длинный и самый лучший из современных английских детективных романов»¹²⁴.

Исходя из подобного взгляда на роль «Лунного камня» в эволюции жанра, можно было бы – по примеру Огюста Дюпена – дать в нашем списке почетное место и сыщику Каффу. Но дело здесь в том, что Кафф, вопреки общему мнению (неизвестно на чем основанному) – вовсе не Великий сыщик. Как я уже писал однажды¹²⁵, его роль в сюжете аналогична не будущему Шерлоку Холмсу, а еще не знакомому тогдашним читателям будущему Лестрейду, который, не понимая детективной диалектики и действуя по принятым в его профессии шаблонам, раз за разом попадает впросак. Функцию же Великого сыщика, указавшего верное направление, в котором следует искать ответ на центральную загадку, выполняет в романе и вовсе эпизодический, крайне скупо охарактеризованный персонаж, который также не слишком годится для того, чтобы говорить о нем, как о знаменитом сыщике.

3

Мы уже касались мимоходом того вопроса, который возникает при попытке объяснить характерное для детектива сочетание воспитанного и безукоризненно честного джентльмена, имеющего возможность выбрать себе любое занятие, с темным, погрязшим в низкой корысти и преступающим все божеские и человеческие установления криминальным миром. Каким бы противоестественным и надуманным не выглядело такое сочетание для человека, еще незнакомого с классикой детективного

¹²⁴ См. Элиот Т.С. Уилки Коллинз и Диккенс. / Коллинз У. Безумный Монктон. М.: Текст, 2005, с. 167-189 (<http://detective.gumer.info/txt/eliot.doc>).

К сожалению, в указанном переводе И.Поповой эта фраза была дана в сокращенном виде.

¹²⁵ Вольский Н. Рассуждение о логике детектива. // Библиотечное дело, 2018, № 10, с. 43-44 (<http://detective.gumer.info/txt/volsky-23.doc>).

жанра, оно кажется вполне очевидным для его поклонников и почитателей¹²⁶. И действительно, в подавляющем большинстве детективов джентльмен, ищущий приложения своим недюжинным логическим способностям, сталкивается не просто с *загадкой*, но с *загадочным преступлением*. Более того, очень часто Великий сыщик имеет дело с одним из самых тяжких преступлений – убийством. Если в детективном рассказе сюжет не так уж и редко строится на расследовании преступления какого-то другого типа (кражи, мошенничества и т.п.) или даже вовсе не касается проступков, служащих предметом уголовного законодательства, то в подавляющем большинстве детективных романов центральная загадка сюжета связана с обстоятельствами убийства (а то и нескольких, следующих одно за другим убийств) или, по крайней мере, покушения на убийство, которое и приходится расследовать сыщику-джентльмену¹²⁷. Этот литературный факт был замечен давно – еще на заре детективоведения, – но дать ему какое-то убедительное объяснение за сто лет никому, насколько я знаю, не удалось. Ясно, что в реальной жизни убийства составляют лишь небольшую часть совершающихся преступлений, и реальные преступники – особенно те из них, что обладают достаточным интеллектом, – по возможности, стараются избегать такого «непрофессионального» способа разрешения своих проблем. Почему же литературные злодеи оказываются менее предусмотрительными (или, может быть, более кровожадными), чем их реальные коллеги? Что их к этому вынуждает? Какие, собственно говоря, преимущества дает выбор убийства, а не какого-то другого преступления, для построения детективного сюжета? Непонятно. Остается только надеяться, что и эту «убийственную» аномалию объяснят когда-нибудь будущие детективоведы – а на что еще можно рассчитывать, если для нас эта задача оказалась не по плечу?

Даже если отодвинуть в сторону нерешенный вопрос о столь непропорционально большом количестве убийств в детективных сюжетах, остается проблема, связанная с почти неизбежным появлением преступления в конструкции стандартного детектива. Пусть сейчас такая криминальная составляющая детектива воспринимается как незыблемая традиция, невольно толкающая всякого вознамерившегося сочинить детектив на этот накатанный путь, но почему первые создатели нового жанра обратили свое внимание именно на эту – мрачную и отталкивающую – сторону жизни? Чем она их привлекала? И главное, какие возможности обеспечивал выбор криминальной тематики для развития детективного жанра?

Назвав свои новаторские новеллы «рационализациями» По не только обозначил их принципиальное, как он полагал, отличие от традиционных образцов короткой прозы, но и подчеркнул их «умственную» (логическую) природу. Он прямо указал на то, что читатель при их адекватном восприятии должен руководствоваться не столько чувствами (ощущениями, интуицией, неосознаваемыми до конца впечатлениями), сколько разумом и присущими ему способностями логического рассуждения. Отчасти, это, вероятно, обусловило и выбор *джентльмена* на роль главного героя этих рассказов. Образованный и склонный к интеллектуальным забавам, не загруженный повседневными заботами и, вообще, несколько отрешенный от мира с его страстями герой хорошо подходил для того, чтобы заняться разрешением конструируемых автором головоломных проблем, вовлекая в это дело и заинтригованного читателя. Хотя между понятиями *джентльмен* и *загадка*

¹²⁶ Отсюда и столь распространенное понимание детектива, как криминального чтива, главная приманка которого состоит в описании жутких злодейств и расчлененных трупов. Как ни абсурдно подобное определение самого интеллектуального из литературных жанров, построенного на логических рассуждениях и очень осторожно дающего слово эмоциям, но именно оно в первую очередь попадает под руку всякому, у кого появляется желание, особо не задумываясь, дать определение детективу.

¹²⁷ Разумеется, из этого правила есть и исключения. К ним относится и «самый лучший из английских детективных романов». Хотя развитие сюжета «Лунного камня» и приводит к смерти двух персонажей (в результате самоубийства и убийства), но всё же центральная загадка романа связана отнюдь не с убийством, а с загадочным хищением драгоценного алмаза.

нет прямой логической связи, но между ними обнаруживается определенное соответствие, и одна из частей этой пары так же подходит к другой, как *ключ к замку*.

Исходя из этого рассуждения, можно предположить, что аналогичное соответствие автор «рационаций» уловил и в другой паре понятий: *джентльмен* и *преступление*. Он, разумеется, не мог предугадать, в каком направлении будет развиваться будущий детективный жанр и какую исключительную роль будут играть криминальные загадки в стандартном детективном повествовании, но всё же нечто в конструкции нового типа рассказа склоняло По в сторону загадки, связанной с преступлением. После своего дебюта в «Убийствах на улице Морг» Огюст Дюпен вновь появляется в рассказе «Тайна Мари Роже», где он опять же решает проблему, связанную с убийством молодой женщины. И хотя третье дело Дюпена в «Похищенном письме» не имеет непосредственной криминальной подоплеки, всё же он – по инерции – воспринимается как конкурент префекта полиции, не способного справиться с бессовестным и опасным противником. Судя по тому, что писатель считал «Похищенное письмо» лучшей из своих «рационаций», он напрямую не связывал их сюжетную конструкцию с разрешением именно *криминальной* загадки – на первое место, очевидно, выдвигалась демонстрация психологического анализа и способности героя к логической реконструкции событий. О таком подходе к делу свидетельствует и сюжет рассказа «Золотой жук», написанного после *Тайны Мари Роже*, но до *Похищенного письма*. Его герой – воспринимаемый читателем как абсолютный двойник Дюпена – разрешает подброшенные ему автором проблемы, разгадывая смысл зашифрованного послания и разъясняя читателю логику своего метода расшифровки (сам По был большим любителем подобных шифров и цифровых ребусов). Ни о каких преступлениях в рассказе нет и речи, если не считать того, что найденные сокровища были когда-то зарыты знаменитым пиратом, но его кровавые подвиги не имеют, понятное дело, прямого отношения к сюжету рассказа. Не содержат в своей основе криминальных мотивов и те рассказы По, которые можно отнести к детективному жанру, хотя Дюпен и не является участником этих историй¹²⁸. Ясно, что главным содержанием своих «рационаций» писатель считал описание работы недюжинного ума, подвигов разума, однако такая настроенность создателя детектива не отменяет того факта, что в зародыше будущего жанра уже было заложено сочетание логически рассуждающего *джентльмена* с *криминальной историей*, предстающей перед ним как проблема, которую ему предстоит разрешить.

Интересно, что, когда через полвека Конан Дойль обращается к наследию По и поднимает знамя детектива, сочетание *джентльмена* с *преступлением* не только не исчезает из поля внимания писателя, но и становится с этого момента одним из краеугольных камней нового жанра. Взяв Дюпена и его друга-рассказчика за прототип для своих героев, навсегда ставших эмблемой детектива и недостижимым образцом детективного искусства повествования, и во множестве деталей повторяя вслед за По внутреннюю логику создания этих образов (при этом радикально усовершенствовав ее в одном, но чрезвычайно важном аспекте¹²⁹), Конан Дойль с самого начала изображает Шерлока Холмса не просто джентльменом, заинтересовавшимся занятой криминальной задачей (на манер Дюпена), а джентльменом, который выбрал борьбу с преступностью

¹²⁸ К таковым, по всей видимости, можно причислить «Продолговатый ящик» и «Сфинкс».

О произведениях По, которые следует рассматривать как детективы, см. соответствующие работы Л.Дмитриевой и П.Моисеева:

Дмитриева Л. Забытые детективы Эдгара По. // Текст, книга, книгоиздание, 2012, № 2, 50-59 (<http://detective.gumer.info/txt/dmitrieva-2.pdf>);

Моисеев П. Еще раз к вопросу о количестве детективов, написанных Эдгаром По. / Моисеев П. Поэтика детектива. М.: Издательский дом ВШЭ, 2017, с. 128-146

¹²⁹ О малозаметном, но, по существу, кардинальном отличии доктора Ватсона от своего, оставшегося неназванным предшественника см. мою работу, давно написанную, но лишь в 2018 году опубликованную в журнале: Вольский Н. Доктор Ватсон и проблема идеального читателя. // Библиотечное дело, 2018, № 1, с. 8-16 и № 10, с. 10-16 (http://detective.gumer.info/txt/volsky-5_2.pdf).

своим главным жизненным занятием. Более того, в первых произведениях, где появляется безупречный Великий сыщик, скопированный со взятого у По образца, то есть в «Этюде в багровых тонах» и в «Знаке четырех», Конан Дойль делает как бы шаг назад – в «додетективную эру», где господствовали «готический роман», «роман тайн», «сенсационный роман», завоевывавший свое место под солнцем «бульварный роман» и другие трудно дифференцируемые друг от друга виды «остросюжетной литературы», общим признаком которых можно считать наличие привлекавших читателей мрачных тайн, гибельных страстей и роковых схваток, подстерегавших героев на их пути к счастью. Новый литературный герой, описываемый как джентльмен, который ищет проблем, адекватных его интеллектуальной мощи, введен здесь в сюжеты, которые лишь с трудом поддаются классификации в качестве детективных – в лучшем случае их можно рассматривать как протодетективы, наряду с романами Габорио, первыми застолбившими в сознании читателей заявку на образ гениального сыщика. В этих ранних повестях Холмс, демонстрируя Ватсону свой дедуктивный метод на мелких – хотя и эффектных – бытовых примерах (вроде часов Ватсона), когда дело доходит до настоящего расследования, действует не столько в духе Дюпена, сколько в манере, свойственной мсье Лекоку, – герою нескольких романов Габорио, приобретшему к этому времени огромную популярность и ставшему именем нарицательным для любого сыщика¹³⁰. И вообще, в начале нашего знакомства с ним конандойлевский герой еще не тот Великий сыщик, каким мы его знаем, после прочтения лучших детективных рассказов, входящих в полную «Сагу о Шерлоке Холмсе». Действуя в русле традиции, заданной героем Габорио¹³¹, в своих расследованиях он опирается не столько на свою проницательность, позволявшую ему в последующих рассказах увидеть проблему с неожиданной стороны и тем самым приблизиться к ее разрешению, сколько на свою наблюдательность, обширные специальные познания и умение сделать далеко идущие выводы из мельчайших улик, обнаруженных им на месте преступления. Его способности сводятся, в основном, к таланту следопыта, и в этом он – прямой наследник Лекока, поразившего таким талантом целое поколение читателей. Отсюда и всегда сопутствующая ему лупа, и исследование сортов табачного пепла и прочие подобные ухищрения, захватывающие воображение читателей. За исключением самого образа сыщика, лишь очень немногие детали отличают эти начальные главы «саги» от произведений в духе Габорио и близких к ним «полицейских романов» – настоящего детектива здесь еще нет. Это лишь пролог к нему, возвещающий его скорое появление. Даже по своей структуре эти повести, правда, сильно уступающие по величине пухлым романам Габорио, но намного превышающие размеры основной массы последующих рассказов, в которых фигурируют Холмс и Ватсон, практически полностью повторяют строение романов, создавших славу мсье Лекоку. И в том и в другом случае текст состоит из двух частей, в одной из которых описано проводимое сыщиком расследование, а вторая представляет собой историю, как-то связанную с первой, но сыщик в ней уже не играет никакой роли. У Габорио эта вторая часть неизменно выдержана в мелодраматичной манере бульварного романа, в то время как у Конан Дойля она близка произведениям авантюрного жанра¹³².

¹³⁰ Хорошим свидетельством всемирной популярности этого персонажа может служить «Шведская спичка» Чехова, где следователь-энтузиаст берет себе за образец данного литературного героя и, надо сказать, успешно распутывает нетривиальную историю с исчезновением уездного дон-жуана. Как ни удивительно, но этот появившийся в 1884 году рассказ по многим параметрам ближе к будущему детективу, нежели пародируемые в нем романы Габорио.

¹³¹ О связи ранних рассказов о Холмсе с романами Габорио см. в недавно опубликованной статье П.Моисеева (Моисеев П. 1966-ой год в истории русского детектива: Виктор Смирнов и Павел Шестаков. // Филологические заметки, 2019, т. 17, № 1, 187-199 <https://journals.ukim.mk/index.php/philologicalstudies/article/view/225/157>)

¹³² К этому же типу рассказов о Холмсе следует отнести и третью «большеформатную» часть «саги» – повесть «Долина страха». Написанная намного позже она точно так же построена по

Исходя из такого взгляда на становление «холмсианской версии» детектива, мы, как мне кажется, можем сказать, что, адаптировав (и усовершенствовав) своих главных героев, взятых из рассказов По, Конан Дойль достаточно жестко связал их с расследованием преступлений не столько потому, что опирался в этом на опыт первопроходца и изобретателя нового жанра¹³³, сколько под влиянием захватившего воображение писателя традиционного «остросюжетного» повествования в его габорианской версии, во многих деталях очень напоминающей тот общеизвестный *детектив*, в котором действуют Холмс и Ватсон, и который задал тон последующему развитию жанра¹³⁴. В подтверждение такого тезиса можно привести и другие примеры влияния Габорио и всей предшествовавшей ему традиции на окончательную структуру «Саги о Шерлоке Холмсе». Помимо первоначального выступления Холмса на сцену в качестве «следопыта», к таким «родимым пятнам» додетективного прошлого, в первую очередь, следует отнести нередкие в рассказах Конан Дойля элементы бульварной эстетики: бессмысленно мелодраматичных злодеев во главе с профессором Мориарти; излишне частое появление в тексте коронованных особ и секретов, затрагивающих главные пружины мировой политики; пресловутых «китайцев» и прочих «азиатов», чья злокозненность настолько привычна, что и не нуждается ни в каких доказательствах; совершенно не обусловленное сюжетами рассказов, но настойчиво упоминаемое посещение переодетым и загримированным Холмсом неких грязных притонов и курилен опиума; ну и прочие тому подобные аксессуары криминальной мелодрамы, как правило, вовсе не уместные в детективном жанре и практически полностью отсутствующие в «рационациях» Эдгара По. Если согласиться с этой трактовкой появления на свет «Рассказов о Шерлоке Холмсе», то мы приходим к выводу, что появление в конандойлевском детективе криминальной составляющей – и, соответственно, сочетание *джентльмена с преступлением* – обусловлено не столько логически (то есть внутренними потребностями детективного жанра), сколько – исторически (то есть конкретными условиями, в которых у писателя появился замысел создать фигуру Холмса).

По-видимому, такое объяснение можно считать вполне обоснованным и не уводящим нас далеко от реальности. И всё же оно не разрешает интересующую нас проблему целиком и полностью. Связь детектива (как жанра, рассматриваемого во всей совокупности лучших его образцов) с преступлением представляется настолько тесной, что ее вряд ли можно однозначно свести лишь к влиянию традиции, заложенной «Сагой о Шерлоке Холмсе», каким бы мощным ни было это влияние. После обсуждения обстоятельств, приведших к появлению Холмса в качестве «сыщика-консультанта» и уникального специалиста в сфере криминалистики, мы опять возвращаемся к вопросу о причинах, которые связывают *джентльмена*, обладающего недюжинным интеллектом и склонностью к возне с хитроумными головоломками, а потому и ставшего героем детектива, с почти неизбежным для него разрешением именно *криминальных* загадок. Я

заимствованному у Габорио образцу и резко выделяется на фоне стандартных рассказов о Холмсе.

¹³³ «Рационации» Эдгара По давали примеры как сюжетных загадок с криминальным компонентом, так и загадок, его не содержащих.

¹³⁴ Вероятно, можно даже рассматривать – пусть и с некоторой натяжкой – романы Габорио (точнее, те их части, где непосредственно действует Лекок), как имеющие в основе детективную схему второго типа, то есть повествования о «неразрешимой задаче». Один из главных вариантов такого повествования, появившийся в литературе задолго до детектива, – описание феноменального «следопыта», способного по примятым травинкам и сдвинутому с места камешку, то есть по самым незначительным приметам, ничего не говорящим среднему человеку, расшифровать истинную картину произошедшего. Несомненная заслуга Габорио в том, что ему удалось модернизировать этот старинный сюжет и довести его описание до степени, поразившей современных ему читателей, включая и Конан Дойля, сумевшего затем на этой основе создать героя, который и в амплу «следопыта» превзошел и затмил своего предшественника мсье Лекока.

в данный момент не вижу возможности дать однозначный ответ на данный вопрос. Складывается впечатление, что в создании такой тесной связи детектива с преступлением сыграли роль несколько параллельно действовавших факторов.

Первым делом стоит обратить внимание на тот характерный для детективного жанра мотив, который был описан в статье Ю.Щеглова. Выдвинутая им на первый план оппозиция «угроза – безопасность» (A/S, в его обозначении) встречается во множестве литературных произведений, но особенно характерна она для широко понимаемой «остросюжетной литературы», не исключаяющей и детектива. Речь здесь идет об определенной человеческой потребности, присущей, вероятно, – в какой-то степени – всякому читателю. Человек с самой нормальной психикой может ощущать некоторую притягательность тех ситуаций, которые он сам считает угрожающими, страшными, отталкивающими, отвратительными, мучительными и так далее, то есть такими, которых он, по возможности, старается избегать, но которые именно поэтому и могут его притягивать. Не углубляясь в психологическую природу такого – амбивалентного – желания «пощекотать себе нервы» и, излишне не рискуя, «постоять у бездны мрачной на краю»¹³⁵, мы можем ограничиться тем, что признаем данную потребность широко распространенной (хотя и значительно варьирующей по степени выраженности) и вовсе не указывающей на наличие у субъекта явной психической патологии. Нет сомнений, что именно эта потребность эксплуатируется в самых различных литературных произведениях, чтобы придать остроту описываемым ситуациям и тем самым увлечь читателя. Естественно, в различных жанрах (включая такие, специфически настроенные на эту волну, как «готический роман», «нуар», «триллер» и тому подобные литературные разновидности популярной беллетристики) и в различных образцах этих жанров степень выраженности отрицательных эмоций может существенно варьировать: от слабо намеченного фона ощущений до откровенно патологических сцен в духе маркиза де Сада и мало отличающихся от него авторов «современных детективов». Настоящий детектив вовсе не имеет склонности излишне педалировать мотив «A/S»¹³⁶, поскольку вообще привычно воздерживается от ярко выраженных эмоциональных описаний, но у него нет и оснований полностью пренебрегать таким действенным литературным приемом. Как верно заметил Щеглов, классические образцы детектива умело им пользуются, и только наличие литературного таланта позволяет автору тонко дозировать меру отрицательных эмоций, чтобы, удовлетворяя эту специфическую потребность читателя, не выходить, в то же время, за рамки детективного жанра и «настоящей литературы»¹³⁷.

Как уже говорилось, само наличие в сюжете загадки, в значительной мере предопределяющей направление развития действия и являющейся одной из доминант всего повествования, неизбежно вносит в атмосферу рассказа более или менее явный элемент угрозы благополучию персонажей и ноту неустойчивости (шаткости) их

¹³⁵ Как сказано в стихотворении Александра Кушнера:

«В полутьме, в полупраздности,
Ни в аду, ни в раю,
Посижу в безопасности,
Но на самом краю»

(Кушнер А. «Рай и ад с атрибутами...» / Кушнер А. Стихотворения. Л.: Художественная литература, 1986, с. 38).

¹³⁶ Любителям давно известно, что излишне картинное, детализированное изображение несчастных жертв, появление в сюжете серии убийств, совершенных кровожадным маньяком, или усиленное нагнетание атмосферы страха и подчеркивание очевидной беспомощности потенциальной жертвы, почти на сто процентов гарантируют столь же очевидную литературную беспомощность автора, натолкавшего все эти страсти в свой лишенный изобретательности и выдумки «детектив», – жалкую поделку, которую не может спасти ни мотив «A/S», ни любые другие мотивы.

¹³⁷ Блистательным образцом такой ювелирной балансировки может, по-видимому, служить «Собака Баскервилей» – одна из вершин детективной прозы.

существования¹³⁸. Было бы удивительно, если бы авторы, изобретающие подобные загадки, не использовали бы этот естественно возникающий мотив для тонко рассчитанного воздействия на эмоции читателя. И надо сказать, хорошие и опытные авторы детективов редко упускают такую возможность. Вот тут-то естественным образом в сюжет и входит преступление. Действительно. Пусть даже загадка сама по себе не содержит никакого намека на свое криминальное происхождение. Тем не менее, таящаяся в ней неопределенная угроза должна либо рассеяться и обнаружить свою иллюзорность (что бывает крайне редко ввиду малой вероятности подобных ситуаций), либо проявить себя в чем-то конкретном и опасном (что бывает в подавляющем большинстве детективов). И автору остается выбирать лишь из двух вариантов развития сюжета: угроза обнаруживает себя как результат действия природных сил или же она обусловлена человеческими действиями¹³⁹. Первый вариант связан с большими сложностями для сочинителя сюжета, так как требует особого фона, на котором происходят события, вовлечения в действие неких природных катаклизмов и тому подобных ухищрений, вовсе не свойственных детективу и сдвигающих повествование в

¹³⁸ Как бы безобидно ни выглядела загадка сама по себе, но необъяснимость происходящего и непрозрачность ситуации, с которой связана загадка, невольно порождают неуверенность в поведении героев и, в конечном итоге, страх. Ничего плохого еще не произошло, но так как непонятно, что всё это значит, возникает обоснованное подозрение, что к добру это не приведет. Хороший пример такого эффекта загадки можно найти в рассказе Буало-Нарсежака «Коты». Описанная здесь ситуация имеет явно комический оттенок: Черный кот, оставленный ненадолго в пустой, запертой на два сложных замка квартире, куда-то исчезает, а в квартире вернувшийся хозяин обнаруживает совершенно другого – серого – кота. Потрясенный увиденным и сбитый с толку хозяин пропавшего черного кота решает обратиться к частному детективу. Он запирает квартиру, в которой остается неизвестно откуда взявшееся чужое животное, и отправляется к специалисту за квалифицированной консультацией. Однако, когда вместе с детективом он через полчаса возвращается домой, обнаруживается, что серый зверь исчез, и его место занял еще один – на этот раз белый – кот. Как ни забавна эта загадочная ситуация, попавшему в нее бедолаге вовсе не до смеха. Человек совершенно растерян, напуган и начинает сомневаться в нормальном функционировании своей собственной психики. В описанной ситуации трудно усмотреть какую-либо конкретную угрозу, но эффект загадки, как таковой, приводит к тому, что человек теряет уверенность в чем бы то ни было и, естественно, ожидает нападения со всех сторон.

См. Буало-Нарсежак. Коты. / Буало-Нарсежак. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.: Центрполиграф, 1996, с. 521-537.

¹³⁹ Можно было бы говорить и о третьем варианте: угрозе со стороны супранатуральных сил, происходящих из другой, потусторонней реальности, если бы такое развитие событий не было однозначно запрещено законами жанра. Поэтому привязывание угрозы к неким козням выходцев из преисподней или космических пришельцев (достаточно частое в детективах) воспринимается читателем как псевдообъяснение и как часть загадки, которую предстоит разрешить героям. В тех же случаях, когда авторы нарушают запрет на использование «разгадок» такого типа в детективе, читатель чувствует себя обманутым и вовсе не радуется – как надлежит любителю детектива – тому, что его на этот раз «оставили в дураках». Подходящим примером может служить здесь повесть братьев Стругацких «Отель 'У погившего альпиниста'», напечатанная в «Юности» в давнем 1970 году. Начинаясь как типичный детектив повествование неожиданно сводилось к действиям «инопланетян», которым, естественно, никакие земные преграды не страшны. Любители детективов, которых тогда было достаточно много, столкнувшись с этаким «разгадкой» лишь в третьем по счету – с нетерпением ожидаемом – номере журнала, расценили это, как неприкрытое и ничем не оправдываемое свинство со стороны авторов. Конечно, и тогда было достаточно читателей, которых нет никакой возможности «оставить в дураках» и которые восприняли такой «фантастический детектив» на ура. Но мнение настоящих любителей детектива еще доминировало в те времена в общих оценках, так что впоследствии и сам Б.Стругацкий признал этот «эксперимент» с детективным жанром, «обреченным на провал» (Стругацкий Б. Комментарии к пройденному. СПб.: Амфора, 2003, с. 194-201). Ну, а сегодня об этом и говорить нет особого смысла – читателей, способных возмутиться подобными вывертами, и в живых-то почти никого не осталось.

сторону авантюрного жанра. А главное, выбор такого варианта дает крайне мало возможностей для создания хорошей, остроумной загадки – можно не сомневаться, что хорошие детективы такого типа встречаются крайне редко, вследствие чрезмерных трудностей при изобретении подобных сюжетов. Таким образом, автору исходно приходится настраиваться на конкретизацию угрозы, как исходящей от человеческого существа, а следовательно, к преступной воле, стоящей за образующими загадку событиями.

Другим – независимым от мотива «А/С» - фактором, приводящим к появлению преступления в стандартном детективном сюжете, можно считать теснейшую связь *загадки* с таким понятием как *тайна*. Во многих контекстах эти близкие по смыслу слова могут считаться синонимами, и при переводе английского *mystery* выбор между «Загадкой» (какой-нибудь «клумбы с петунией») и «Тайной» (ее же) целиком зависит от склонности переводчика. И в любом случае появление в тексте загадки приводит к тому, что нечто, являющееся ее содержанием, остается для читателя скрытым. До самых последних страниц, на которых будет дана разгадка, читатель имеет дело с *тайной* и *секретом*. В обыденной жизни (да и в литературе) далеко не всякая тайна скрывает в себе какую-то уголовщину, и всё же, если что-то тщательно и упорно скрывается, то трудно избежать обоснованного подозрения о появлении в деле каких-то махинаций и темных делишек, от которых недалеко и до тяжких преступлений. У честного, не имеющего расхождений с общественной моралью и правом человека нет серьезных причин что-либо скрывать от посторонних глаз, тем более в ситуациях, когда обстоятельства выглядят странными и угрожающими. Если же такие причины налицо, то логично заключить, что преступление либо уже свершилось, либо у скрывающего правду есть значимый мотив, способный толкнуть его на преступные действия, предпринимаемые с целью не допустить своего разоблачения. Опять мы видим, что логика развития событий – на этот раз не логика развертывания сюжета, а логика обыденной жизни – естественным образом ведет к сочетанию *загадки* и *преступления*.

Таким образом, мы можем, я думаю, сделать вывод, что, хотя логически с детективом связана только *загадка* (без которой детектив не мыслим), но через нее детектив косвенно связывается и с *джентльменом* (с одной стороны), и с *преступлением* (с другой). Так что, взяв в руки стандартный детектив, читатель предполагает встретить в нем *джентльмена*, решающего *криминальную загадку*, и редко ошибается в своих ожиданиях.

4

Теперь, покончив – насколько мне это удалось – с выяснением обстоятельств, связывающих *джентльмена* с *преступлениями* и, соответственно, с *преступным миром*, мы можем более пристально взглянуть на этот самый мир криминала, с которым мы встречаемся в детективе. И нам не придется слишком долго заниматься его разглядыванием. При самом поверхностном переборе оставшихся в нашей памяти детективов мы быстро выясним, что никакого такого *криминального мира* (в обычном понимании этого термина) в стандартном детективе просто нет. Преступления почти всегда налицо, а вот представители криминального мира встречаются довольно редко. Не то что бы их вовсе не было, но более или менее заметную роль в сюжете они играют, пожалуй, не намного чаще, чем в текстах относимых к «серьезной литературе». Я почти уверен, что в романах Диккенса можно найти намного больше разнообразного, красочно описанного жулья, чем в детективах Агаты Кристи. Воры, взломщики, всякого рода мошенники и бандиты – фигуры, типичные для полицейского романа и достаточно часто появляющиеся в других подразделах «остросюжетной литературы», явно избегают встреч с Великими сыщиками и не лезут без нужды на их охотничью территорию. Экзотичность уголовной среды, этого специфического мира, населенного профессиональными преступниками и тесно связанными с ними люмпенизированными слоями городской бедноты, всегда привлекала внимание авторов, специализирующихся на описании

кровавых драм, гибельных страстей и ситуаций, резко выделяющихся на фоне серой и скучной обыденной жизни, которой живет подавляющее большинство тех, кому и предназначены эти книжки. Читателя притягивает к подобным историям не только возможность «пощекотать нервы» и в полной мере насладиться литературными эффектами «мотива А/S», но и вполне понятное любопытство, возникающее при встрече на книжных страницах с типами, понятиями, выражениями и ситуациями, с которыми в реальной жизни ему (читателю) не приходится, слава богу, сталкиваться вплотную и которые для него столь же чужды и экзотичны, как обычаи затерянных в джунглях диких племен. Интерес к этой сфере жизни вполне понятен, и она не так уж редко становилась предметом описания даже в произведениях классической литературы, однако для детективного жанра эксплуатация читательской тяги ко всякого рода уголовной экзотике крайне не характерна. Можно даже сказать, что на нее в детективе наложено табу, причины появления которого не вполне ясны, но нарушать которое авторам не рекомендуется.

В 1928 году Ван Дайн подытожил в «Двадцати правилах» результаты развития детективного жанра, к тому времени уже полностью сложившегося и приобретшего окончательную форму, и сформулировал эмпирические законы его конструирования. В частности, он полностью запретил – пунктом 17 своих «Правил» – появление в детективе представителя преступного мира в качестве персонажа, чьи действия обусловили возникновение криминальной загадки¹⁴⁰. Сразу же надо сказать, что требование теоретика излишне категорично и что здесь он чрезмерно «перегнул палку». Если принимать запрет Ван Дайна как безусловный, придется исключить из числа «захватывающих детективов» рассказ Конан Дойля «Союз рыжих» – шедевр, равных которому не много найдется в этом жанре¹⁴¹. Ведь автором забавной и, в то же время, остроумной и эффектной загадки, запоминающейся сразу и навсегда, стал в этом рассказе некий Джон Клей, – по словам Холмса, «один из самых хладнокровных и дерзких преступников Лондона». Правда, он не совсем типичный представитель лондонского криминального сообщества. Надо полагать, он происходит из высших кругов английской знати, и в жилах у него, по его собственным словам, «течет королевская кровь», однако это вовсе не мешает считать Клея одним из тех, кого сегодня называют «криминальными авторитетами». Почти то же самое можно сказать и о не менее известном рассказе «Шесть Наполеонов». Его персонаж, близкий к мафиозным кругам итальянец Беппо, – типичный мелкий уголовник, чей интеллект не достаточен, чтобы придумать остроумную схему преступления – да ему, в отличие от Клея, и не приходится ничего выдумывать, – однако его действия сами собой создают хитроумную загадку, положенную в основу сюжета. Профессиональных злодеев (а иногда и членов могущественных преступных организаций) можно найти и в других рассказах «Саги о Шерлоке Холмсе».

¹⁴⁰ «Вина за совершение преступления никогда не должна взваливаться в детективном романе на преступника-профессионала. Преступления, совершенные взломщиками или бандитами, расследуются управлениями полиции, а не писателями-детективщиками и блестящими сыщиками-любителями. По-настоящему захватывающее преступление — это преступление, совершенное столпом церкви или старой девицей, известной благотворительницей» (Ван Дайн С. Двадцать правил для писания детективных романов. / Как сделать детектив. М.: Радуга, 1990, с. 40-41).

¹⁴¹ Это один из первых рассказов о Холмсе и Ватсоне, напечатанных в «Стрэнде» и заложивших прочный фундамент нового жанра. Как ни удивительно, но публика того времени, оставшаяся вначале довольно равнодушной к Холмсу, который в первых двух повестях еще был – в сущности – очень близок к уже завоевавшему всемирную популярность месье Лекоку, с истинным воодушевлением отнеслась к этому же герою, когда на страницах «Стрэнда» он стал демонстрировать чудеса детективной диалектики. Судя по всему, мы еще недооцениваем радикальное отличие читателей «Стрэнда» конца девятнадцатого века (и стоящего за ними общества) не только от простодушных потребителей *dime mystery*-журналов 20 – 30-х годов, но и от «интеллектуалов» более поздней выделки, ставших основными читателями *Ellery Queen mystery magazine* в послевоенные годы и считавших себя поклонниками классического детектива.

Тем не менее, этот тип преступника не характерен для настоящего детектива – здесь он обнаруживается лишь эпизодически, а, если и упоминается, то чаще всего выполняет лишь второстепенные функции. Стандартным сюжетным ходом можно считать, например, нередкие в детективах предположения о том, что загадочное убийство совершено каким-то неизвестным грабителем или столкнувшимся с жертвой бродягой. За такого рода *ложные версии* обычно хватаются как за соломинку туповатые полицейские, не способные разобраться в ситуации и вычислить истинного преступника. Или же подобные персонажи, действующие параллельно с основной интригой, привлекаются автором для того, чтобы еще больше запутать дело и оттянуть неизбежную развязку. Пресловутый профессор Мориарти, на словах, возведен автором в ранг главного противника, с которым борется Великий сыщик до тех пор, пока этот «Наполеон преступного мира» не исчезает в пучине Рейхенбахского водопада, но это лишь дань бульварной эстетике и риторика чистейшей воды, поскольку ни с одной детективной загадкой, которая была бы обусловлена деятельностью прорекламированного таким образом inferнального профессора, читателю сталкиваться не приходится.

У других знаменитых авторов детективов персонажи, тесно связанные с криминальным «дном общества», играют, по-видимому, еще меньшую роль, нежели в произведениях Конан Дойла. У Честертона они, похоже, вовсе не встречаются (во всяком случае, ничего существенного припомнить не удастся), если не считать Фламбо – фигуры настолько опереточной, что говорить о нем, как о типичном представителе преступного мира, просто язык не поворачивается. У Агаты Кристи случаи, когда завсегдатаи воровских «малин» и тюремных камер достаточно активно участвуют в развитии детективной интриги, наверное, встречаются, но, даже не пролистывая ее обширное наследие, можно утверждать (без особой опасности ошибиться), что такие случаи не связаны с наиболее яркими проявлениями ее детективных талантов. Ее лучшие детективы легко обходятся без помощи со стороны этих заведомых врагов общества. Что-то подобное можно сказать и о детективах Д.Д.Карра, романах и рассказах, написанных авторским тандемом «Буало-Нарсежак», и, вероятно, о детективном наследии большинства англоязычных авторов, работавших в период тридцатых, сороковых и даже пятидесятых годов прошлого века¹⁴², то есть во время наибольшей популярности детективного жанра и, если можно так выразиться, на гребне его признания уважаемым видом литературы. Складывается впечатление (которое я, конечно, не могу подтвердить даже самыми примитивными статистическими подсчетами), что с развитием детектива как особого литературного вида и с его практически неизбежным «окаменением», застыванием в раз и навсегда обретенной форме, профессиональные нарушители закона появляются в рядовых произведениях этого жанра всё реже и реже. Предостережение Ван Дайна, которому авторы то ли осознанно повиновались, то ли следовали ему в согласии с собственным интуитивным ощущением, сыграло свою охранительную роль и подтвердилось практикой наиболее известных сочинителей детективов. Лишь приблизительно с шестидесятых годов, когда жанр стал стремительно перерождаться в так называемый «современный детектив», разномастное жулье и

¹⁴² Вероятно, тут стоит сказать, что в одном из наиболее удачных детективов Э.Беркли «Убийство на верхнем этаже» виновником преступления, в конечном итоге, признается профессиональный бандюга, разоблаченный полицией, а стройная и логически выверенная теория главного героя романа оказывается ошибочной. Но делать из этого какие-то обобщающие выводы было бы неразумно, поскольку чуть ли не главная забота данного автора состояла в том, чтобы уйти как можно дальше от общепринятой детективной схемы и переиначить основные, освященные традицией приемы построения детективных сюжетов. Именно это стремление привело, по-видимому, и к выбору сюжетного решения в данном случае: если читатель ожидает (на основании предыдущего опыта), что подозрения в отношении заведомо криминального субъекта окажутся ложной версией, то автор постарался в конце романа именно ее сделать истинной. Однако, подготовив такой кульбит, он, чтобы полностью ошеломить читающего, предварительно тщательно расписал тот механизм преступления, который в стандартном детективе был бы принят за окончательное разрешение загадки.

прочие откровенные подонки общества начали отвоевывать утраченные ранее позиции. Они всё чаще появлялись в произведениях, еще не полностью утративших связь с детективным жанром, но уже склоняющихся к «реалистическому изображению» преступлений и преступников. Квазидетективные опусы, которые появились в результате этого перерождения и которые сегодня почти вытеснили детектив с его законной территории, не могут – вместе с населяющими их кровожадными маньяками, лютыми отморозками, гангстерами, наркобаронами, торговцами живым товаром, ворами в законе, оборотнями в погонах и другими разновидностями разросшегося до невиданных масштабов криминального мира – служить подходящими примерами для наших рассуждений о детективе. Ведь все они появились как отрицание жанра, название которого они нагло и безнаказанно узурпировали. Те же немногочисленные настоящие детективы, которые появляются и сегодня, по-прежнему не склонны вовлекать в свои сюжеты профессиональных преступников или утративших нормальный человеческий облик субъектов¹⁴³.

5

Удостоверившись, что выходцы из криминального мира играют в детективах далеко не заглавные роли, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом: кто же в таком случае совершает описываемые в детективах преступления? Пусть выражение *whodunit* воспринимается как синоним выражения *detective story (mystery story)* совершенно необоснованно¹⁴⁴, но как бы то ни было, если в детективе описано убийство (или другое преступление), то читатель справедливо ожидает, что в развязке ему будет представлен некий конкретный субъект, который будет разоблачен как истинный убийца. Вероятно, из этого правила возможны исключения, и можно построить детективный сюжет, в котором разрешение криминальной загадки не будет связано с указанием на определенного преступника. Тем не менее, в подавляющем большинстве настоящих детективов неизбежно наступает момент, когда сыщик «срывает маску» с кого-то из действующих

¹⁴³ Для пущей убедительности сошлусь на опыт нашего отечественного «писателя-детективщика № 1» – Б.Акунина. Из одиннадцати его сочинений, которые можно без особых натяжек отнести к детективам, лишь в одном романе «Коронация» главным злодеем и противником Фандорина выступает преступная личность, сознательно избравшая преступный путь своей жизненной стезей и ставшая главой шайки, состоящей из таких же отпетых преступников. В то же время среди других произведений, в которых Фандорин играет заглавную роль, но которые по их жанровой принадлежности к детективам не отнесешь (как бы ни называл их сам автор), профессиональные преступники – от наемных убийц до малолетней шпаны – появляются весьма часто, и автор с воодушевлением живописует их повадки, быт, лексикон, уголовную психику и прочие увлекательные подробности жизни этого специфического социального слоя.

¹⁴⁴ Широкая распространенность термина *whodunit* (в переводе - *кто это сделал?*) ясно указывает, что использующие его литературоведы не видят принципиального различия между жанром *детектив* и другими разновидностями «остросюжетной литературы» (такими как *полицейский роман, роман тайн* и прочие трудно определяемые типы сюжетных конструкций), к которым вопрос «кто это сделал?» применим в не меньшей степени, чем к *детективу*. Такая терминологическая небрежность и связанная с нею нечеткость используемых понятий привела уже к появлению множества ошибочных представлений в этой области рассуждений и лишь усугубляет царящую в ней запутанность. Однако бороться с устоявшейся традицией очень трудно, и у нас не остается другого выхода, кроме как на время смириться с существованием подобных терминов, постепенно разгребая образовавшиеся за десятилетия смысловые завалы и сортируя сваленные в кучу чьи-то утверждения и заблуждения.

См. в связи с этим статью Ж. Барзена «Не 'кто это сделал', а 'как'. Первая помощь критикам детективных историй», написанную в 1944 году и переведенную на русский язык А.Брусковым (<http://detective.gumer.info/txt/barzun-2.doc>).

лиц и разоблачает злодея¹⁴⁵. Так кого же мы чаще всего видим, когда маска сорвана? К сожалению, однозначный ответ на этот вопрос вряд ли возможен, а попытка детально разобраться с этой проблемой, классифицируя различные типы преступников и частоту их появления в детективах, потребовала бы серьезной работы. Подобной задачи я себе не ставил и могу со спокойной совестью уклониться от ее решения, оставив такое статистическое исследование на долю тех *будущих энтузиастов*, которых этот вопрос заинтересует.

Основываясь на своих крайне смутных читательских впечатлениях, я могу лишь утверждать – да и то, без особой уверенности в своей правоте, – что из всех возможных типов преступников (различающихся по полу, возрасту, социальному положению, уровню образованности, профессии и т.п.) детектив тяготеет к определенному кругу лиц, которые по своему статусу попадают в диапазон от верхушки среднего класса (*upper middle class*) до широко понимаемого слоя джентльменов. Конечно, среди пестрой коллекции субъектов, вступивших по той или иной причине на несправедный путь и дошедших до прямой уголовщины, в детективе можно найти кого-то и за пределами этого круга: от финансовых воротил и обезумевших от страсти герцогинь до портних и путевых обходчиков. Однако основная масса фигурирующих в детективах преступников концентрируется где-то недалеко от интересующих нас джентльменов и их привычного круга общения. Далеко не всегда скрытый до поры до времени детективный убийца – один из внешне добропорядочных обитателей *мэнора*, затерянного среди вересковых пустошей и вдобавок отрезанного непогодой от всего остального мира. Но, если даже мы сталкиваемся не с этим вариантом сюжета, очень много шансов на то, что его следует искать среди их соседей, родственников, хороших знакомых, их партнеров по гольфу, тех, с кем они встречаются в излюбленном ими клубе, на лондонских вернисажах, театральных премьерах, скаковых дерби или на открытии местной сельскохозяйственной выставки. Короче говоря, очень часто искомый преступник – один из «чистой публики», из «приличного общества» или, по крайней мере, один из тех, с кем эта «публика» часто и близко общается. По-видимому, крайне редко преступная роль поручается в детективе крестьянину, да и любому жителю ближайшей к поместью деревушки, промышленному рабочему, моряку, продавцу из мясной лавки или еще кому-то из тех, чей образ жизни и занимаемое в обществе положение не позволяют вступать в близкий контакт с этой самой «чистой публикой». Ведь и в реальной жизни эти круги почти не пересекаются, ограничиваясь мимолетными – чисто функциональными – отношениями.

Почему бы уборщице в универмаге не задумать дерзкую кражу и с этой целью не вывести из строя систему сигнализации, а когда ее «застукают» за осуществлением этой технической операции, страх разоблачения заставит ее совершить и следующий шаг – убить того, кто так неудачно оказался в курсе ее преступной деятельности? Чем не сюжет для детектива? Однако, если мы сталкиваемся в настоящем детективе с подобным развитием событий, и подозрения сгущаются вокруг внешне безобидной уборщицы, можно держать пари (на небольшую, конечно, сумму), что в развязке выяснится мнимость характеристики данного персонажа. Почти наверняка окажется, что пресловутая «уборщица» и не уборщица вовсе, а дочь добропорядочного священнослужителя, возмечтавшая о сценической карьере, но не добившаяся на этом пути ни славы, ни денег, а потому решившая поправить свое материальное положение с помощью крупной кражи, и для того натянувшая на себя маску не замечаемой никем уборщицы. Чем такой вариант сюжета предпочтительнее повествования о натуральной уборщице с пролетарским происхождением, сказать трудно, но всякий поклонник жанра, вероятно, согласится, что шансы встретить его в рядовом детективном романе много больше, чем упрощенный вариант с аутентичной уборщицей.

¹⁴⁵ Если, конечно, разрешение загадки не сводится – что тоже иногда бывает – к доказательству того, что событие, принимаемое за результат чьих-то преступных действий, в действительности не было связано с преступлением.

На особом положении находится в детективе домашняя прислуга. Представители этой группы лиц, как правило, не играют существенной роли в повествовании. Они не занимают много места на страницах детективных романов, и им относительно редко приходится выполнять важные сюжетные функции. Но без их постоянного присутствия и участия практически во всех бытовых делах невозможно было представить реальную жизнь основных героев романа. По крайней мере, так обстояло дело вплоть до Второй мировой войны, то есть в период, когда складывалась детективная традиция и когда детективный жанр вошел в пору расцвета и достиг пика своей популярности. Фактически, жизнь слуг была теснейшим образом переплетена с жизнью их хозяев, так что господа, вероятно, чаще общались со своими слугами, нежели друг с другом, и вся их жизнь проходила на глазах множества людей, постоянно присутствовавших в доме и волея-неволей принимавших деятельное участие во всех происходящих событиях. Нам уже трудно представить себе такую жизнь бок о бок с массой совершенно чужих тебе людей, от которых ты не можешь ничего скрыть. Невозможно ни поссориться с женой, ни постирать запачканную рубашку, ни купить новые перчатки, чтобы это не стало тут же известно неопределенному числу других людей, включая, по-видимому, и соседских служанок, а через них и мисс Марпл и прочим любопытным старушкам. Всякий уволенный тобой за нерадивость садовник знает о твоей повседневной жизни больше, нежели твой родной брат. И с этим ничего нельзя поделать – такова жизнь, и тебе приходится с этим смириться или просто не обращать на это внимания. Главное, чтобы о твоих делишках не говорили в обществе, в которое тыходишь, а что знают и о чем болтают слуги, не имеет особого значения. Потому что, несмотря на теснейшую близость совместного существования, между вами пролегает непроходимая граница. Как несмешивающиеся вода и масло, господа и слуги живут своей особенной жизнью, старательно не замечая друг друга за пределами функций, предписанных их статусом и ролью.

Именно так относится к домашней прислуге стандартный детективный роман (как, впрочем, и любой другой роман того времени). Всем понятно, что слуги где-то здесь, рядом, но появляются они на сцене только в те моменты, когда автору требуется зачем-то привлечь их к действию. Сделав свое дело, они исчезают из поля зрения читателя, и никому не приходит в голову интересоваться их возможным участием в интриге, их мнением о происходящих событиях, их соображениями или планами. Слуги не считаются. По неписанному уговору, они не входят в число ключевых персонажей романа – не о них повествует автор, всецело занятый описанием событий из жизни значимых героев, представителей того самого «приличного общества», о котором уже заходила речь. Разумеется, в детективах можно найти немало примеров, противоречащих вышеописанному подходу к делу. Но сколько бы их ни было, они всё же не меняют общего отношения к слугам, господствующего в подавляющем большинстве детективов и игнорирующего слуг в качестве полноправных героев повествования. Они, большей частью, описываются как фон, как часть обстановки, в которой разыгрывается действие. Соответственно, слуга редко занимает место подозреваемого, а если ему выпадает жребий стать жертвой преступника, то и персонажам романа и читателю заведомо ясно: преступник покушался на жизнь такой второстепенной фигуры лишь потому, что она чем-то ему мешала или знала нечто для него опасное. Не убийство слуги было его основной целью – это лишь накладные расходы, которых он не мог избежать при выполнении его преступного замысла.

И почти никогда слуга не попадает на роль главного злодея, чьи действия стали бы толчком к развитию детективной интриги. Ван Дайн прямо запретил писателям детективов отдавать роль преступника слуге. Одиннадцатый пункт его «Правил» гласит:

«Автор не должен делать убийцей слугу. Это слишком легкое решение, избрать его — значит уклониться от трудностей. Преступник должен быть

человеком с определенным достоинством — таким, который обычно не навлекает на себя подозрений»¹⁴⁶.

Ясно, что такой запрет – вовсе не личный каприз сочинителя правил, которому почему-то не нравится появление в романе слуги-преступника. Как было и с большинством других советов и указаний, Ван Дайн в данном случае просто следовал уже сложившейся детективной традиции. Можно считать, что это было результатом эмпирического исследования детективных романов, написанных до 1928 года, и соответствующим выводом из имеющегося у автора материала. Если в известных нам хороших детективах слуга не оказывается искомым преступником, то и всем пишущим детективы не стоит приписывать убийство кому-то из слуг – почти наверняка, ничего хорошего из этого не выйдет. Прошедшие с тех пор еще сто лет ничего практически в этом правиле не изменили. Это, конечно, не значит, что никто из последователей Конан Дойля не пытался игнорировать этот пункт ван-дайновских советов. Нет сомнений, такие попытки были – как только ни изощрялись загнанные в угол сочинители, желавшие придумать оригинальный сюжетный ход, чтобы как-то свести концы с концами в развязке и в то же время натянуть нос читателю, уже насобачившемуся разгадывать всяческие загадки. Более того, я уверен, что существуют вполне приличные детективы, где этот запрет каким-то образом обойден, не вызывая упреков в мошенничестве со стороны взыскательных ценителей жанра. Я таких случаев припомнить не могу, но они, безусловно, должны быть. И одновременно я в не меньшей степени уверен, что число подобных детективов крайне невелико – на общем фоне их следует считать исключениями из общего правила.

Другое дело, чем объяснить устойчивость этого запрета, сохранившего свою действенность на всем протяжении двадцатого века? Сегодня, конечно, он имеет в основном историческую ценность, поскольку в современном детективе не часто встречается четкое подразделение персонажей на господ и их слуг, а если где-то с этим и сталкиваешься, то нынешние господа мало чем напоминают прежних *леди и джентльменов* и по своим склонностям, вкусам, манерам и способам развлекаться не слишком отличаются от служащих им простых смертных – возникает подозрение, что многих из тех, кого мы видим сегодня близко к вершинам общественной пирамиды, и не пустили бы во времена Холмса в тогдашнее «приличное общество». Однако и теперь, если автор детектива обращается к уже прошедшей эпохе, он по-прежнему избегает нарушения этого пункта ван-дайновских «Правил». Даже считая, что в последние десятилетия такое поведение писателей было лишь следствием долго существующей традиции, хорошо было бы объяснить рациональную основу возникновения этого запрета в те годы, когда традиция еще не успела окончательно сложиться.

Не зная простого и убедительного объяснения этому эмпирическому факту, я могу лишь предположить, что появление своего рода табу на деятельное участие слуг в детективной интриге¹⁴⁷ было связано с неизбежной угрозой «демократизации» повествования в том случае, если бы фигура слуги была бы признана пригодной для выполнения ключевых сюжетных функций. Предполагай читатель заранее, что любой из упоминаемых слуг (а как же их не упоминать, описывая повседневную жизнь господ?) может оказаться скрытым до поры до времени преступником, автору пришлось бы уделять им не меньшее внимание, чем всем прочим персонажам, находившимся на месте событий. Надо было бы как-то охарактеризовать такие второплановые фигуры, придать им некую индивидуальность, бросить взгляд на их предысторию, рассказать об их взаимоотношениях между собой и с их хозяевами, то есть уравнивать их в этом смысле со всеми прочими персонажами детектива, принадлежащими к «приличному обществу». Это автор «серьезного» романа может говорить о любом из появившихся в тексте лиц

¹⁴⁶ Ван Дайн С. Двадцать правил для писания детективных романов. / Как сделать детектив. М.: Радуга, 1990, с. 40.

¹⁴⁷ «Только не дворецкий» – так была названа антология «Золотого века британского детектива», составленная трудами русских переводчиков под руководством А.Борисенко. Пусть истинных детективов в этом увесистом томе не так уж и много, но его название вполне соответствует общему духу детективного жанра.

ровно столько, сколько ему покажется необходимым. У сочинителя детективов такой возможности нет: ему приходится знакомить читателя со всеми, на кого может пасть подозрение и кого следует принимать во внимание при разрешении загаданной автором загадки. И дело здесь не в пресловутом интеллектуальном поединке автора с читателем, о котором так любят порассуждать литературные критики, обратившие свой рассеянный взор на сей легкий жанр, – дело в полноте удовольствия от восприятия «настоящего детектива»¹⁴⁸. Стремясь ограничить число персонажей, входящих в условие задачи, детектив должен каким-то образом избавиться от тех не участвующих в развитии сюжета особей, которые не связаны значимым образом с основными действующими лицами и лишь случайно оказались на месте событий. Поскольку детективная интрига разворачивается в большинстве случаев внутри этого самого «приличного общества», практически все, кто в него не входит, отсекаются уже самим развитием сюжета, и автор может по своей воле вовлечь в действие кого-то из низших социальных слоев – железнодорожного кондуктора или владельца бакалейной лавки, – а может и не делать этого. Но такой номер не проходит со слугами. Они присутствуют на сцене не по желанию автора, но вследствие того, что без них описываемые события становятся совершенно неправдоподобными.

Я думаю, что, столкнувшись с этой проблемой, детектив (как жанр) не решился включить в списки своих действующих лиц дворецкого и всех подчиненных ему слуг, горничных, поваров, садовников и других обитателей большого господского дома и описывать всю эту компанию наряду с их хозяевами и с приглашенными к ним в гости леди и джентльменами. Этому препятствовали как чисто литературные неудобства значительного увеличения количества персонажей, так и определенный снобизм читателей, которым вряд ли могла понравиться подобная «радикальная демократизация» списка действующих лиц. А посему в число прочих условностей данного вида литературы был включен и принцип «Слуги не считаются». Они, безусловно, присутствуют на сцене, но читатель не должен обращать на них внимания, за исключением тех эпизодов, когда автор поручает им какую-либо функцию в сюжете. Надо полагать, именно такое отношение к слугам и подразумевал Ван Дайн в соответствующем пункте своих «Правил».

Чтобы покончить с вопросом о социальном типе, к которому следует отнести наиболее часто встречающихся в детективе преступников, нам остается обратить свое внимание на джентльменов. Уже говорилось, что в детективе описывается, как правило, преступление, произошедшее в том относительно узком социальном слое, который можно назвать «приличным обществом», отодвинув в сторону малозначимый для нас вопрос о его точных границах. И это кажется вполне естественным, поскольку бытовым фоном, на котором разыгрываются события, является в основной массе детективов

¹⁴⁸ «Правило детективного канона, требующее, чтобы читателю сообщались все обстоятельства дела, знание которых абсолютно необходимо для нахождения разгадки, вовсе не предполагает, что читатель будет стремиться самостоятельно разгадать загадку, противопоставляя свою сообразительность хитроумию автора. Причина, вызвавшая к жизни это правило, в другом: читатель должен быть информирован обо всех существенных деталях, связанных с загадочным происшествием, для того, чтобы он совершенно ясно представлял себе, в чем, собственно, состоит загадка, какова ее точная конструкция. Только в этом случае читатель может быть поражен и восхищен той разгадкой, которую он узнает на последних страницах детектива. Если же указанное правило не соблюдается или каким-то образом обходится автором (что бывает вовсе нередко), читатель, выяснив, что предлагаемое ему в конце решение является ответом вовсе не на ту загадку, которую он видел в тексте, не только чувствует себя разочарованным, но и считает, не без оснований, что автор злоупотребил его доверием. Вся суть правила 'честной игры' заключается в том, что разгадка должна соответствовать загадке. А создаваемая этим правилом возможность для читателя посоревноваться с автором в остроумии и проницательности лишь побочное следствие этого правила, не играющее существенной роли в восприятии детектива» (Вольский Н. Доктор Ватсон и проблема идеального читателя. // Библиотечное дело, 2018, № 1, с. 16 – http://detective.gumer.info/txt/volsky-5_2.pdf).

обыденная жизнь этого самого «общества». Если исключить, как мы уже сделали, вторжение в эту жизнь преступников «со стороны» (профессиональных уголовников, слуг и вообще персонажей с более низких ступеней социальной пирамиды), то поневоле приходишь к заключению, что скрытого злодея надо искать среди описываемой «чистой публики». Ему просто неоткуда больше взяться, а следовательно он должен быть обнаружен среди леди и джентльменов и тех близких им по статусу и жизненным привычкам персонажей, которые в определенных отношениях могут быть приравнены к джентльменам и входить в их обычный круг общения. Именно из этого постулата – редко декларируемого открыто, но и редко нарушаемого – исходит в своем восприятии постоянный читатель детективов, ничего иного и не ожидающий от развития детективной интриги. Преступник должен быть одним из тех персонажей, которых описывает автор, а они почти всегда тесно сгруппированы вокруг участвующих в действии джентльменов. Но такой подход к делу, выдвигающий джентльменов в первый ряд тех, среди кого приходится искать преступника, очевидно, противоречит самому понятию о *джентльмене*, которое мы положили в основание всех наших рассуждений. Начавши с удивления по поводу того, что безукоризненно честный, неподкупный и гордящийся своей независимостью от низменных забот джентльмен, угодив на страницы детектива, оказывается тесно связанным с разного рода преступлениями, мы пришли к необходимости дать некое толкование тому неоспоримому факту, что в стандартном детективе за джентльменами зарезервирована не только роль сыщика, но и роли основных подозреваемых, из числа которых сыщик должен выбрать истинного виновника совершенных преступлений.

При этом здесь стоит подчеркнуть, что в подавляющем большинстве случаев детектив имеет дело с корыстными преступлениями: мотивом преступника чаще всего оказывается желание завладеть какими-то деньгами (наследством, драгоценными украшениями, дорогостоящим имуществом и тому подобное). Убийство в состоянии аффекта, месть или ревность в качестве мотива вовсе не исключены, но частота их использования для объяснения преступного поведения персонажей существенно уступает тем вариантам детективных сюжетов, где движущей силой, обеспечивающей завязку криминальной истории, является некая крупная сумма или нечто ей эквивалентное. И дело здесь не столько в стремлении авторов к правдоподобию (ведь и в реальной жизни большинство преступлений имеют корыстную мотивацию), сколько удобством такого мотива для построения детективной загадки, разрешение которой должно быть достигнуто с помощью логических рассуждений. Эмоции служат основой действия в бульварных романах и во всех прочих разновидностях «остросюжетной литературы» (во всех этих «триллерах и чиллерах», как выражался Чуковский), но для детектива требуется преступник, движимый трезвым, холодным расчетом. В идеальном случае злодей должен быть не менее логичен и изобретателен, нежели противостоящий ему Великий сыщик. И его мотивы должны быть понятны всем и каждому, не требуя специального психологического или психиатрического анализа. Эмоции плохо подходят для этой цели, поскольку они слишком индивидуальны, изменчивы, а их влияние на события практически невозможно оценить или предсказать¹⁴⁹, и потому авторы настоящих детективов стараются избегать сюжетов, в которых поступки персонажей определяются разнообразными человеческими страстями. В таких ситуациях слишком явной становится недостоверность и шаткость простейших логических выводов, а стандартная детективная

¹⁴⁹ «Психология, эмоции персонажей стандартны, их индивидуальность не подчёркивается, она стёрта; персонажи в значительной степени лишены своеобразия – они не столько личности, сколько социальные роли. Это же касается и мотивов действия персонажей (в частности мотивов преступления), чем обезличеннее мотив, тем пригодней он для детектива. Поэтому преобладающий мотив преступления – деньги, так как всякая индивидуальность в этом мотиве стёрта: деньги нужны всем, они являются эквивалентом любой человеческой потребности» Вольский Н.Н. Загадочная логика. / Вольский Н.Н. Легкое чтение. Работы по теории и истории детективного жанра. Новосибирск: Издательство НГПУ, 2006, с. 14).

загадка теряет большую часть своей занимательности. *Почему преступник вылез в окно, когда перед ним была открытая дверь? И зачем он оставил на подоконнике четыре чайные ложечки?* Ответы на подобные вопросы должны быть логически обоснованы, они должны принимать в расчет замыслы преступника и рациональные мотивы его поведения. Это автору и читателю «современного детектива» недосуг ломать голову над подобными пустяками: *злодей обезумел от своей преступной страсти, вот и полез в окно; да и вообще, он психопат, маньяк – какого благоразумия вы от него ждете?* Настоящий детектив не может идти таким путем, а потому он чаще всего выбирает корыстные мотивы преступления.

Таким образом, сложившаяся за много лет традиция детективного повествования неуклонно подталкивает авторов детективов к тому, чтобы придать рассказываемой криминальной истории форму поединка, участников которого связывает общность социального происхождения и статуса. Поединка, в котором на одной стороне выступает сыщик-джентльмен, побуждаемый к действию отнюдь не соображениями выгоды, а стремлением раскрыть истину и восстановить справедливость, в то время как его противником оказывается другой джентльмен, с корыстной целью совершивший тяжкое преступление. Разумеется, такая схема не охватывает значительной части детективных сюжетов, содержащих криминальные загадки. Авторы детективов достаточно изобретательны, чтобы широко варьировать разнообразными сюжетными хитросплетениями. Однако, очень часто происходящие в детективном романе события могут быть представлены (*post factum*, когда уже перевернута последняя страница книги) в виде подобной дуэли между джентльменами. Можно даже сказать, что образ английского джентльмена в классическом английском детективе раздваивается, и он предстает перед читателем как две контрастные фигуры – что-то вроде доктора Джекила и мистера Хайда из рассказа Стивенсона.

Всё это так. Но, рассуждая о том, что следует считать главной отличительной особенностью *джентльмена*, мы – следуя за основной массой высказывавшихся на эту тему – выдвинули на первый план отсутствие у всякого претендующего на это звание нужды делать стремление к приобретению материальных благ ведущим мотивом своего поведения. Джентльмен, в соответствии с этим определением, получает всё ему потребное, не слишком заботясь об источниках своего благосостояния и, главное, «не марая рук». Исходя из этого, мы не можем считать джентльменом того, кто решил радикально изменить жизнь, поставив на кон свою репутацию, благополучие и даже рискуя быть повешенным, – и всё это в погоне за богатством. Может, он имел основания считать себя джентльменом до тех пор, пока всерьез не стал обдумывать свой преступный план, но с этого момента он полностью потерял право на столь почетное звание. Теперь он лишь носитель привычной маски джентльмена, скрывающей его истинную сущность от окружающих¹⁵⁰.

Именно таковы герои многих известных детективов. Достаточно вспомнить доктора Ройлота из «Пестрой ленты» Конан Дойля: как бы ни был мизантропичен и груб в отношениях с окружающими данный персонаж, всё же этих малопохвальных качеств было бы недостаточно, чтобы исключить его из рядов джентльменов. Но, запланировав и осуществив убийство своей племянницы, чтобы не лишиться принадлежавших ей денег, он не только стал уголовным преступником¹⁵¹, но и утратил право называться

¹⁵⁰ О феномене *маски* см. в работе «Загадочная логика» раздел «Диалектика 'явления' и 'сущности' в детективе» (Вольский Н.Н. Легкое чтение. Работы по теории и истории детективного жанра. Новосибирск: Издательство НГПУ, 2006, с. 43-57).

¹⁵¹ Сама по себе виновность в глазах закона еще не дает оснований перестать считать человека джентльменом, и история дает немало примеров джентльменов, осужденных за различные преступления, но оставшихся при этом полноправными представителями этого привилегированного слоя. Широко известными примерами могут служить Оскар Уайльд, обвиненный в нарушении норм общественной морали, или Генри Торо, попавший в тюрьму за неуплату подоходного налога в знак протеста против войны с Мексикой.

джентльменом. То же можно сказать и о злодее из «Собаки Баскервильей»: несмотря на свою аморальность и криминальные наклонности, он – по своему происхождению и образованию – типичный джентльмен, имеющий, кстати сказать, характерное для джентльмена хобби – многолетнее увлечение энтомологией. Однако, поставив своей целью завладеть состоянием Баскервильей, он тем самым исключил себя из рядов джентльменов. Множество примеров подобного рода можно найти и в романах Агаты Кристи. В частности, многие известные ее шедевры (назовем здесь лишь романы «Убийства по алфавиту», «Загадка Эндхауза», «Смерть на Ниле» и «Зло под солнцем») построены таким образом, что на протяжении всего повествования читатель видит убийцу в маске джентльмена (или, соответственно, леди), и лишь при развязке выясняется несовместимая с джентльменством сущность данного персонажа. Было бы излишним приводить примеры из детективов, написанных другими авторами, так как всякому поклоннику этого жанра ясно, что речь здесь идет об одной из самых распространенных сюжетных схем, используемой писателями в самых различных ее вариантах.

Характерно, что помимо разоблачения основного злодея, разыгрывающего из себя джентльмена, в ходе расследования не так уж редко выясняется, что и другие персонажи могут оказаться «как бы джентльменами», лишь изображающими из себя тех, кому по праву принадлежит честь считаться членами этого социального слоя. Скрывая свои «скелеты в шкафу» и опасаясь, что какие-то их неблагоприятные делишки могут выйти на явь, они вынуждены лгать и выкручиваться, что дает автору возможность расширить круг подозреваемых и основательно запутать картину происходящего такими привходящими обстоятельствами, которые, не имея прямого отношения к главной криминальной загадке, существенно затрудняют ее разрешение. Надо полагать, что и в реальной жизни достаточно часто встречались подобные субъекты, которые лишь «строили из себя джентльменов», не будучи ими по существу, и тщательно скрывали истинное положение дел. Еще один вариант построения детективной интриги, тесно связанной с обсуждаемой темой, был специально отмечен в статье А.Брусова¹⁵², в которой автор, ссылаясь, в частности, на размышления Дж.Оруэлла и писательский опыт Агаты Кристи, выдвигает на первый план вариант преступления (как правило, убийства), имеющий своим мотивом стремление преступника сохранить свое положение в обществе, свой социальный статус. В этом случае действующее лицо совершает преступление, потому что не видит другого способа сохранить за собой возможность называться джентльменом (и здесь уже не важно, был ли он истинным джентльменом до этого или только носил маску оного). Разумеется, став преступником, он в любом случае не имеет права на это звание, но для него оказывается важнее сохранить свой статус в глазах окружающих, и посему он выбирает путь, на котором, перестав быть джентльменом, он продолжает им считаться. В то же время, такой выбор однозначно свидетельствует, что истинным джентльменом этот человек никогда и не был, а только пользовался благоприятными обстоятельствами, чтобы считать себя принадлежащим к этому кругу избранных членов общества. Именно в момент решения стать на преступный путь он обнаруживает свою истинную сущность и, если у него хватит духу воспринимать факты, как они есть, ему придется признать (и, возможно, впервые осознать), что всю предшествующую жизнь он лишь «корчил из себя джентльмена», принимая натянутую на себя маску за свое истинное лицо.

6

Обосновав на предшествующих страницах внешне парадоксальное и нечасто высказываемое открытым текстом утверждение о том, что в типичном детективе не

¹⁵² Брусов А. Страх как мотив преступления в детективе. – <http://detective.gumer.info/txt/brusov.doc>

только роль сыщика поручается, как правило, джентльмену, но и противостоящий ему преступник большей частью рекрутируется из близких этому социальному типу слоев общества, я хочу несколько отступить в сторону от непосредственной темы нашего обсуждения и обратить внимание на джентльменов, ставших героями не детектива, а других – хотя и генетически связанных с ним – разновидностей «остросюжетной литературы»¹⁵³. Мне кажется, что взгляд на них с данной стороны тесно связан с историей детективного жанра, да и тема эта достаточно интересна сама по себе.

Обратив внимание на тех персонажей детектива, которые, в конечном итоге, не выдержали экзамен на джентльмена и осознанно выбрали преступление как способ решения своих проблем, невольно приходишь к тому, чтобы задуматься над вопросом: а возможен ли – в принципе – персонаж, которого можно было бы по праву назвать *преступником-джентльменом*? С одной стороны, такой вопрос кажется надуманным и не представляющим интереса. Ведь общеизвестно, что существует специальный подвид авантюрной литературы (во многих случаях с отчетливым уклоном в юмористику), описывающий похождения джентльменов, которые выбрали преступную деятельность в качестве своего постоянного развлечения. Наиболее известные из таких героев – это Раффлс, ставший «взломщиком-любителем» по воле Эрнеста Хорнунга (первый рассказ о нем появился в 1898 году), и Арсен Люпен – французский образец «джентльмена-грабителя», появившийся на свет в 1905 году и завершивший свою карьеру лишь в 1941, приобретая за это время чрезвычайную популярность и прославив своего создателя Мориса Леблана. Конечно, в литературном отношении эти персонажи не идут ни в какое сравнение с попавшими в наш список Великими сыщиками, тем не менее и у них можно обнаружить массу горячих поклонников. А если учесть, что Леблан – как и положено всякому французскому писателю, ступившему на стезю «остросюжетной прозы», – постоянно балансирует на грани откровенной бульварщины (а большей частью и за этой гранью), то популярность его героя у «широких читательских масс» на протяжении «Золотого века детектива» может, вероятно, поспорить и с популярностью самого Шерлока Холмса.

Но нас-то здесь интересуют не литературные достоинства героев такого типа, ставших действующими лицами в произведениях того или иного автора, а принципиальные возможности создания непротиворечивого литературного образа *преступника-джентльмена*. Не сомневаясь в том, что такой герой – *преступник* (иначе не о чем было бы и говорить), стоит всё же тщательно проверить, можно ли считать его *истинным джентльменом*. Не имеем ли мы здесь дело с одним из тех – уже обсуждавшихся ранее – «как бы джентльменов», морочащих голову окружающим с использованием нехитрых маскировочных средств, вроде смокинга и оксфордского произношения? Ясно, что большинство претендующих на «джентльменство» прохвостов именно таковы, да это и вообще характерно для множества преступников, стремящихся скрывать свое ремесло и выдавать себя за добропорядочных обывателей¹⁵⁴. Если отбросить все эти варианты, как банальные и не отвечающие на заинтересовавший нас вопрос, то остается выяснить возможно ли логическое пересечение понятий *джентльмен* и *преступник* и не является ли совмещение двух этих качеств в одном объекте логически противоречивым.

Проблема, по-видимому, не так проста, какой она кажется на первый взгляд. С одной стороны, персонаж, известный под именем «благородного разбойника», регулярно возникает в литературе на протяжении многих веков, и на него всегда есть устойчивый

¹⁵³ Меня и самого раздражает необходимость время от времени использовать этот корявый и чрезвычайно расплывчатый термин, про который трудно сказать, что он, собственно, означает. Но ничего лучшего я придумать не могу и только рассчитываю на снисходительность читателя, которому, надеюсь, будет более или менее понятно, о какой литературе идет речь.

¹⁵⁴ Во всяком случае, так обстояло дело во времена Конан Дойля и Агаты Кристи, а если представители сегодняшних «элитарных кругов» ничего так не опасаются, как возможности быть заподозренным в элементарной честности и законопослушности, так что, даже будучи мелким жульем, старательно драпируют себя под крутых мафиози и уголовных авторитетов, то это уже не имеет прямого отношения к классическому детективу.

спрос среди сочинителей и читателей. Схожие фигуры можно при желании обнаружить в эпосе разных народов и в других образцах устного народного творчества. Наверное, можно даже утверждать, что «благородный разбойник» – один из самых востребованных героев в мировой литературе. Более того, господствовавший в течение почти всей письменной европейской истории рыцарский этос¹⁵⁵, если перенести его во времена Шерлока Холмса, мало чем отличался бы от морали, которой должны придерживаться «благородные разбойники». Но в таком случае само понятие *джентльмена* генетически возводится к понятию о *благородном разбойнике*. Именно такими *джентльменами удачи*, искавшими в воинских схватках не только славы, но и соответствующей их рыцарскому статусу добычи, были пра-пра-...прадеды тех викторианских *джентльменов*, которые были приняты нами в качестве образцовых представителей этой людской породы. И таких разбойных предков джентльмены вовсе не стеснялись, а напротив, гордились их отвагой и решимостью захватить всё, что только попадет под руку и что не сумеют отстоять предыдущие хозяева захваченного имущества. Ведь только благодаря разбойным нападениям и успешным отражениям всех прочих разбойников, зарившихся на их добычу, предкам удалось заложить прочный фундамент будущего джентльменского благосостояния – потомки неудачливых разбойников джентльменами не стали. Было бы странно, если бы при такой генеалогии реальных джентльменов и при успешной литературной карьере «благородных разбойников», мы пришли бы к выводу о невозможности соединения качеств *джентльмена* и *преступника* в одном лице.

Здесь, вероятно, стоит мимоходом упомянуть, что на литературное родство с персонажем, именуемым *преступником-джентльменом*, претендует не только благородный разбойник, но и герой «рассказов о ловком воре», по древности не уступающий прототипам благородных разбойников. Он такой же герой фольклора, как и первые представители прославленных разбойников. Относительно происхождения «ловкого вора» рассказы обычно умалчивают, и, видимо, он не принадлежит к сливкам общества, так что нет смысла говорить о нем, как о «первобытном джентльмене». И наш интерес к этому герою связан в первую очередь с тем, что разнообразные рассказы о нем – наряду с «рассказами о проникательном следопыте» – представляют собой один из двух известных нам вариантов протодетектива, то есть такого художественного повествования, в котором диалектическое снятие противоречия дано в обнаженном виде и составляет сюжетную основу рассказа. В обоих вариантах этих идущих из глубокой древности протодетективных историй сюжет строится как решение трудной задачи – то есть по второму типу детективной схемы¹⁵⁶. Хотя в фольклорных текстах встречаются и другие варианты «трудных задач», разрешаемых рационально (не с помощью привычных для сказок волшебных помощников, а благодаря уму и находчивости героев)¹⁵⁷, но сюжеты с «ловким вором» и «проникательным следопытом» можно считать самыми распространенными и попавшими в самые разнообразные тексты, создававшиеся на протяжении многих столетий. Ловкий вор отчасти подобен преступнику-джентльмену тем, что в сюжетах, повествующих о его исключительной ловкости, он выступает в качестве любителя. Акцент в этих рассказах делается не на профессионализме вора (его умении пользоваться отмычками, делать подкопы, пробивать каменные стены и т.п.), а на его изобретательности, его способности придумать неожиданный ход, благодаря которому он преодолевает все предосторожности того, кому суждено стать его жертвой.

¹⁵⁵ Оссовская относит его возникновение к временам Гомера: «Рассмотрим основные черты предлагаемого рыцарством образца в той его версии, которую мы находим у Гомера» (Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987, с. 40).

¹⁵⁶ См. главу «Диалектика 'открытия' и диалектика 'изобретения': два типа детективного сюжета» в книге «Загадочная логика» (Вольский Н.Н. Легкое чтение. Работы по теории и истории детективного жанра. Новосибирск: Издательство НГПУ, 2006, с. 35-43)

¹⁵⁷ Например, остроумное решение невыполнимой, на первый взгляд, задачи в сказке «Умная дочь крестьянская» из собрания братьев Grimm. Король велит героине явиться к нему «не одетой и не голой», не сомневаясь, что его требование невыполнимо. Но хитроумная девушка является к нему «одетой» в рыбацкую сеть (Сказки братьев Grimm. Прага: Артия, 1963, с. 243-246).

В таких сюжетах профессиональная воровская выучка не играет обычно значимой роли, а потому *ловким вором* зачастую оказывается простой мужик, солдат, да кто угодно, сумевший придумать хитрый трюк и тем самым решить задачу, неподдающуюся стандартным воровским методам.

Но вернемся к вопросу о принципиальной возможности непротиворечивого образа *преступника-джентльмена*. Исходя из нашего базового представления о *джентльмене*, главное требование к представителю этого племени, избравшему некие подпадающие под уголовное законодательство деяния в качестве своего постоянного развлечения (своей жизненной игры), заключается в том, что основной целью его деятельности не может быть извлечение существенного дохода из своих преступлений. Искомый нами герой должен воровать в силу своей внутренней склонности к этому делу, а не с целью обогатиться или потому, что он вынужден идти на преступления, не найдя лучшего способа обеспечить себе прожиточный минимум. Писателю нелегко выполнить это требование о бескорыстной мотивации героя, не поступаясь элементарным правдоподобием рассказываемых историй, и приходится признавать, что деньги описываемому преступнику-джентльмену очень нужны – именно их отсутствие толкает его на отчаянный риск. В рассказах о Раффлсе упоминания о необходимости раздобыть денег, как непосредственной цели очередной планируемой кражи¹⁵⁸, встречаются неоднократно, хотя Хорнунг, конечно, не акцентирует внимание читателя на этой стороне дела. Но тогда нет смысла говорить о любительском характере совершаемых Раффлсом преступлений, точнее было бы охарактеризовать его как «лицо свободной профессии», то есть профессионала, действующего не в составе какой-либо организации, а на свой страх и риск. Однако в той же степени эта характеристика приложима и к множеству профессиональных преступников. Не может быть сомнений, что помещать героя Хорнунга в особый разряд *преступников-джентльменов* нет серьезных оснований и что данное ему автором определение было рассчитано на легкое верие публики. Несколько сложнее обстоит дело с Арсеном Люпенем, и, чтобы с уверенностью судить о его прокламируемом джентльменстве, желательно было бы прочитать хотя бы большую часть историй, в которых появляется этот персонаж¹⁵⁹. Тем не менее, я почти не сомневаюсь, что такое пристальное чтение «Саги об Арсене Люпене» выявит достаточное количество фактов, свидетельствующих о безусловной материальной заинтересованности этого героя в постоянном доходе от его дерзких и эффектных преступлений. Этому вовсе не противоречат те экстравагантные позы, в которых любит покрасоваться герой Леблана, ведь склонностью пускать пыль в глаза, демонстрировать свою лихость и артистизм отличались и многие обычные преступники: как литературные персонажи, так и реальные исторические личности. Приблизительно то же самое можно, видимо, сказать и о прочих литературных героях, претендующих на звание преступника-джентльмена¹⁶⁰, – если некоторые из них и дотягивают до звания *благородного разбойника*, то *истинных джентльменов* мы среди них вряд ли найдем.

¹⁵⁸ В рассказе «Первое дело Раффлса» герой, описывая преступление, с которого началась его воровская карьера, признается в отчаянной нужде, побудившей его сделать этот рискованный шаг: «Я оказался в ужасном положении. ...мне было совершенно необходимо вернуться в Мельбурн хоть с какими-то деньгами. ...Денег бы я добыл, но как, как?» и так далее (Хорнунг Э.У. Умышленное убийство. М.: ИК «Столица», 2011, с. 144). Аналогичные признания, рассыпанные по разным рассказам можно найти и у Банни – друга Раффлса и его соратника по воровским подвигам.

¹⁵⁹ Если верить *Википедии*, Люпен является героем 17 романов и 39 рассказов, написанных М.Лебланом с 1905 по 1941 год.

¹⁶⁰ Их было, конечно, несравненно меньше, нежели сыщиков-джентльменов, но отнюдь не единичные экземпляры. Для знакомства с еще двумя претендентами такого рода см. антологию «Джентльмены-мошенники» (М.: АСТ, 2016).

Дело здесь, вероятно, в чрезвычайной сложности найти правдоподобную и в то же время не отягощенную простейшими меркантильными расчетами мотивацию, которая объясняла бы их решение свернуть на преступный путь.

На первый взгляд кажется, что естественным выходом для желающих изобразить *преступника-джентльмена* может стать похищение (или уничтожение) чужого имущества, не приносящее никакой выгоды тому, кто его совершает. В этом случае перед героем открывается широкое поле деятельности, и он может выбирать между привычным для юных джентльменов мелким хулиганством (вроде срывания шлемов с полицейских или коллекционирования магазинных вывесок, позаимствованных без ведома хозяев) и более серьезными преступлениями – герой может топить украденные им бриллиантовые диадемы в море или раздавать награбленное направо и налево, не оставляя себе ни фартинга, может заняться поджогами чужих свинарников или уничтожать украденные им полотна старых мастеров... Да мало ли что может придти в голову человеку, не находящему рационального применения своему особому таланту, который увлекает его за рамки уголовного законодательства. Такие молодецкие забавы вовсе не противоречат статусу джентльмена. Правда, и ничего специфически джентльменского в них не обнаружишь – их распространение отнюдь не ограничивается кругом выпускников Оксфорда и Кембриджа. Аналогичным образом развлекались и подвыпившие *парубки* на хуторах близ Диканьки и еще в тысячах неизвестных нам мест земного шара. Примеров такого поведения в реальной жизни сколько угодно. Можно выбрать на любой вкус. Всё, что вы ни придумаете, уже было; неоднократно и во всех мыслимых вариантах. Но неизбежно возникает вопрос: имеет ли смысл избирать подобную личность в качестве литературного героя, если речь идет не о психологической прозе, а о простом описании «молодецких подвигов», как это принято в обсуждаемых нами жанрах? Чем такой герой может заинтересовать читателей?

Чтобы читатель не потерял интерес после двух-трех эпизодов воровской деятельности описываемого джентльмена, его преступления должны быть не банальными кражами со взломом, а содержать в себе элементы чего-то совершенно неожиданного, ошеломляющего читателя. Герой должен проявлять чудеса изобретательности и с непостижимой ловкостью выпутываться из самых безысходных ситуаций. Однако, если автору удастся создать подобного героя – джентльмена, развлекающегося решением трудных задач с криминальной подоплекой, то его повествование приобретет все черты «рассказа о ловком воре». Но, как мы знаем, такого рода рассказы представляют собой один из вариантов детективной схемы, и сочинять их ничуть не легче, чем рассказы о подвигах Великих сыщиков. К тому же в случае *преступника-джентльмена* автору пришлось бы еще преодолеть дополнительные сложности, связанные с более или менее убедительным обоснованием мотивов такого героя. Если в основе его деятельности нет меркантильного интереса, и кража в качестве трудной задачи выбрана лишь с целью пощекотать себе нервы, то что побудило джентльмена выбрать именно этот способ ставить себя в экстремальную ситуацию? Ведь такого же всплеска адреналина он мог бы добиваться разнообразными общепринятыми занятиями, не входящими в конфликт с уголовным законодательством: от многочисленных экстремальных видов спорта до охоты на носорогов или посещениям поздним вечером танцев в клубе рабочей молодежи. Почему он не пошел одним из известных путей, протоптанных многими поколениями джентльменов с аналогичными склонностями? Найти естественное (приемлемое для читателей) объяснение мотивов преступного поведения героя-джентльмена не так то просто.

Конечно, существуют и kleптоманы (иногда среди них встречаются и титулованные особы), и пироманы, и лица с тяжелыми obsессиями, толкающими их на акты вандализма, – да мало ли каких психопатов можно обнаружить среди обвиняемых в тяжких преступлениях. При этом речь может идти не только об имущественных преступлениях, но и о заведомо бескорыстных преступлениях против личности. Значительная часть так называемых «современных детективов» строится на описании преступлений, совершенных разнообразными «маньяками», под которыми чаще всего

понимаются не лица с маниакальными бредовыми идеями, а вполне вменяемые личности, страдающие тяжелыми психопатиями, дошедшими до степени кровавых преступлений. Но может ли нормальный автор, желающий создавать художественные произведения, а не ту галиматью, которую впаривает пресловутому «пиплу» издательская мегамашина, согласиться на героя-психопата? Каковы бы ни были формальные основания, позволяющие отнести такого персонажа к разряду *джентльменов*, на деле мы будем иметь дело с ущербной личностью, полностью зависящей от своих психопатологических комплексов. Ни о какой по определению присущей всякому джентльмену свободе выбора занятий и развлечений здесь не может быть и речи. Такой персонаж – жертва серьезной психической травмы (его и героем-то не назовешь) – вряд ли может стать центральным действующим лицом в увлекательном повествовании о ловком воре или в каком-либо другом «остросюжетном» жанре. Автору пришлось бы либо разбираться со всеми извивами травмированной психики героя в духе Достоевского и его последователей, либо уж вовсе не связываться с подобными личностями, если есть желание написать нечто динамичное и авантюрно-увлекательное.

Кроме того, есть, как мне кажется, еще одно обстоятельство, связывающее руки писателю, намеревающемуся создать правдоподобный образ *преступника-джентльмена*. Я имею в виду трудно сочетаемые характеристики такого персонажа, соединяющего черты как *преступника*, так и *джентльмена*. Преступник, регулярно выходящий за рамки легального поведения, неизбежно вынужден таиться, лгать и изворачиваться – многие его поступки определяются страхом перед разоблачением и последующим печальным финалом всей его деятельности. Но можно ли совместить постоянный страх разоблачения и вытекающую из этого изворотливость со внутренним самоощущением джентльмена, как лица никому не подотчетного, а потому и не имеющего необходимости что-либо тщательно скрывать? Может быть, тут и есть какое-то психологическое разрешение данной дилеммы, но сложность создания такого образа, на мой взгляд, несомненна.

Если попытаться сделать некий правдоподобный вывод из предшествующих рассуждений, то он, вероятно, сведется к уклончивому утверждению: представление о *преступнике-джентльмене* нельзя считать логически противоречивым (чем-то вроде «круглого квадрата»), но создание подобного литературного образа наталкивается на серьезные препятствия, и от автора требуется чрезвычайная ловкость и литературный талант, чтобы справиться с такой задачей. Вероятно, поэтому в литературе мы и не встречаем подобного героя¹⁶¹ – для его создания необходима изощренность, намного превышающая скромные возможности Хорнунга или Леблана, а писатели, обладающие достаточным талантом, не стали тратить его на решение такой – не слишком интересной – задачи.

7

Я думаю, на этом мы можем завершить обсуждение участия джентльменов в детективных произведениях. Нельзя, конечно, сказать, что сия обширная тема досконально разобрана и доведена до кристальной ясности, но свои соображения по этому поводу я уже исчерпал, добавить к ним мне нечего, и потому оставляю дальнейшую разработку затронутых вопросов на долю тех читателей, которые возымеют желание этим заняться. Здесь же я хочу лишь кратко суммировать основные результаты нашего любительского исследования.

¹⁶¹ Мне он, во всяком случае, не попадался, а те претенденты на заявленный титул, которые обычно фигурируют в литературной критике (Раффлс, Люпен и прочие), не обладают, как мы выяснили, законным правом причислять себя к разряду *истинных джентльменов*.

1. В *настоящем детективе* Великий сыщик, как правило, (а серийный Великий сыщик – всегда) – *джентльмен*, то есть сыщик-любитель. Кем бы он формально не числился, главным и определяющим его поведение мотивом является желание разрешить криминальную загадку (а не стремление заработать или, выполнив поручение руководства, получить внеочередное повышение в чине).

2. Преступник в детективе – обычно представитель того «приличного общества», в котором проходит жизнь *джентльмена*, то есть человек из добропорядочной семьи, с определенным образованием, имеющий достаточно высокий уровень благосостояния и вращающийся в том же социальном кругу, что и лица, ощущающие себя *истинными джентльменами*. Очень часто главный злодей внешне неотличим от других джентльменов и (до своего разоблачения) считается таким же, как все прочие лица, относимые к этому социальному слою. Это либо *падший джентльмен*, либо человек, к которому понятие *джентльмена* неприменимо, но который обладает формальными признаками принадлежности к этому разряду лиц и истинная – *неджентльменская* – сущность которого выявляется лишь в результате деятельности Великого сыщика.

3. Большая часть персонажей, играющих значимые роли в детективе (включая сюда *жертв* преступления, *свидетелей*, *подозреваемых*, *соратников* Великого сыщика, *рассказчиков* и т.п.), либо относится к слою *джентльменов*, либо к тем представителям «приличного общества», которые достаточно тесно связаны с кругом *истинных джентльменов*.

Если еще присовокупить сюда, что

4. писатель – автор классического детектива – почти всегда *джентльмен (леди)*

и

5. читатели детективов в эпоху возникновения и расцвета этого жанра – в массе своей были джентльменами или принадлежали к той образованной публике, которая была близка по своим психологическим установкам и стилю жизни к слою джентльменов и которая, в основном, ориентировалась на *идеального джентльмена* как на образец для подражания,

то, несколько упрощая и не вдаваясь в многообразные нюансы и тонкости, неизбежно возникающие при сведении любой сложной проблемы к однозначной формулировке, мы можем закончить этот раздел следующим итоговым выводом:

вследствие исторических условий, в которых зарождался и развивался детективный жанр, и в соответствии с внутренней логикой специфической литературной конструкции относимых к этому жанру произведений, стандартный детектив – в его классическом воплощении – представляет собой художественное произведение, написанное джентльменом (леди), изображающее жизнь в кругу леди и джентльменов и предназначенное для развлечения джентльменов и образованной публики, ориентирующейся на образ жизни этого круга.

Далее предполагается еще три главы:

III. «Евгений Онегин» как пролог к будущей лингвистической антропологии

IV. Как работает лирическое стихотворение: экскурс в поэтику

V. Детектив – самоучитель для джентльменов